

**ЗЕРКАЛО
ИСТОРИИ**

В. П. ПОПОВ

БОЛЬШАЯ НИЧЬЯ

СССР от Победы
до распада

Василий Петрович Попов

Большая ничья. СССР от Победы до распада

(Зеркало истории)

В книге рассмотрены самые полемические вопросы, по которым среди историков не прекращаются острые споры. Автор дает глубокий сопоставительный анализ российских (в том числе советских) и зарубежных публикаций об исторических событиях и исторических личностях второй половины XX века.

Для широкого круга читателей.

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	0006
ПРЕДЕЛЫ НЕЗНАНИЯ	0009
Часть 1. ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ МИР. Вторая мировая война 1 сентября 1939 г. — 2 сентября 1945 г.	0012
Глава 1. ГЛАВНЫЕ РОЛИ В МИРОВОЙ ДРАМЕ	0012
Глава 2. СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ	0023
Глава 3. МОЛОХ ВОЙНЫ	0070
Глава 4. ПО ЛОГИКЕ БОРЬБЫ	0117
Глава 5. ИСТОЧНИКИ ПОБЕДЫ	0139
Часть 2. РУССКИЙ ОПЫТ. Советский Союз на пути к сверхдержаве 1946–1953 гг.	0160
Глава 6. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР	0160
Глава 7. УНИКАЛЬНЫЙ ТИП ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА	0180
Глава 8. В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКОМ	0203
Глава 9. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА МИРОВ	0222
Часть 3. БИТВА ЗА КОММУНИЗМ Советский Союз в годы реформ: март 1953 г. — октябрь 1964 г.	0240
Глава 10. РАСЧИСТКА ПУТИ ОТ ЗАВАЛОВ	0240
Глава 11. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ РЕФОРМАТОРА	0289
Глава 12. СОВЕТСКИЙ ЕЖ В ШТАНАХ	

АМЕРИКАНЦЕВ	0323
Часть 4. ВРЕМЯ КОНСЕРВАТОРОВ. Эпоха «застоя»: pro et contra 1965–1985 гг.	0333
Глава 13. ЭТО И ЕСТЬ НАСТОЯЩИЙ КОММУНИЗМ	0333
Глава 14. БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ	0375
Глава 15. УГРОЗА ДЛЯ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА	0394
Часть 5. ПРОВЕРКА СВОБОДОЙ Перестройка: 1985–1991 гг.	0422
Глава 16. СОАВТОР ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	0422
Глава 17. НОВЫЕ ПРАВИЛА ЖИЗНИ	0460
Глава 18. НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ	0509

В.П. Попов
БОЛЬШАЯ НИЧЬЯ
СССР от Победы до распада

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга, которой издательство начинает новую серию, посвящена недавнему прошлому России, точнее, истории страны, исчезнувшей с карты мира, оставшейся в прошлом. Но это была **наша страна**, и ее историю делали мы. За два последних десятилетия нам многое стало известно о нас самих — из газет, журналов и книг, из кинофильмов, радио- и телепередач, из воспоминаний людей старшего поколения. Мы ужаснулись и впали в отчаяние. Прежде были белые пятна в нашей истории, теперь же, похоже, в ней — лишь черные пятна. Созданию такого впечатления способствовали в последние годы и западные, и отечественные историки.

В книге обозначены вопросы, по которым среди ученых до сих пор возникают жаркие споры. Был ли у Сталина план, опередив Гитлера, напасть на Германию? Почему СССР, выиграв войну, проиграл мир? Готовил ли Сталин третью мировую войну? Зачем Хрущев разоблачил Сталина? Кто развязал холодную войну? Было ли неизбежным поражение Хру-

цева? Что погубило перестройку? Кто развалил СССР? Автор дает блестящий сопоставительный анализ российских (в том числе советских) и зарубежных публикаций на эти и другие темы, показывает широкий спектр мнений об исторических событиях и исторических личностях второй половины XX века, предлагая читателю определять — какие суждения и оценки являются верными, справедливыми, а какие — спорными или ошибочными.

Не стоит отворачиваться от **зеркала истории**, если хочется, чтобы жизнь стала лучше. Конечно, можно увидеть в нем **то**, что не обрадует, не вызовет восторга. Зато будет над чем задуматься: то ли смотримся в кривое зеркало, то ли нечего на зеркало пенять... О нашей ущербности сказано уже немало, особенно на Западе, с которым мы долго-долго соревновались во всем. Однако, кажется, **мы так и не знаем, чья победа...** Нам трудно справиться со своими комплексами — неполноценности, вины, стыда. «Бедные наши души! Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложного представления о

самих себе... — советовал в своих *Философических письмах* П.Я. Чаадаев. — Научимся благо-
разумно жить в данной действительности». Давайте учиться.

ПРЕДЕЛЫ НЕЗНАНИЯ

Scio me nihil scire.

Я знаю, что ничего не знаю.

(Сократ)

Ignorantia non est argumentum.

Незнание — не довод.

(Б. Спиноза)

Я, доктор исторических наук и профессор, утверждаю: **история — это не наука**, а род околολитературной деятельности, тщетно пытающейся удовлетворить людское любопытство к делам минувших дней.

Какими бы мотивами ни объяснялся интерес человека к истории, имеется принципиальная разница в отношении к прошлому у профессионалов и любителей, что вовсе не исключает случаев более углубленного понимания истории именно любителями, **поскольку** их мышление не зависит от научных традиций. Обратная сторона такой независимости — поверхностное знание, легкость в суждениях, подсознательное стремление свести трудный для понимания факт или явле-

ние к сумме простых истин, легко поддающихся анализу и прогнозированию. Однако любитель может делать это по наивности, а профессиональный историк — по расчету. Следовательно, если вместо поиска истины ученый выполняет «госзаказ», то это уже не история, а ее сознательное искажение. Иначе говоря, это некая **приватизация истории**.

Людям свойственно судить об истории по собственным поступкам, поэтому исторические сочинения по большей части отражают современные массовые заблуждения относительно событий прошлого. Произвольность выводов в этих сочинениях очевидна — то, что доказывают одни историки, другие легко опровергают. Данная книга — яркий тому пример.

Читатель вправе спросить: тогда зачем множить заблуждения? Не является ли такое занятие пустым? Отвечу так: наши представления о том, что является исторической истиной, лишь в малой степени определяются образованием и вкусом, а в остальном зависят от случая. Эта книга и есть тот самый случай, который позволяет выбрать мнение на свой

вкус, чтобы понять пределы незнания. Ибо любое знание не дается в готовом виде, а требует, чтобы его искали.

В. Попов

Часть 1.
ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ МИР.
Вторая мировая война 1
сентября 1939 г. — 2 сентября
1945 г.

Глава 1.
ГЛАВНЫЕ РОЛИ В МИРОВОЙ
ДРАМЕ

Кто о чем

Советские историки, присвоив себе право на абсолютную истину, колебались только вместе с «линией партии». Они писали о второй мировой войне (больше как о Великой Отечественной войне) то в соответствии со сталинской концепцией, то в духе критики культа личности Сталина — тогда сваливали на него все ошибки, допущенные накануне и в ходе войны. В брежневские времена произошло возвращение к сталинским оценкам.

Многие вопросы (репрессии командных кадров Красной Армии, коллаборационизм, трагическая участь бывших советских военнопленных и депортированных граждан, роль второго фронта, вклад ленд-лиза в победу и пр.) или совсем не рассматривались в советских трудах, или трактовались узко и односторонне. Вводились в научный оборот архивные документы, переводились на русский язык работы известных зарубежных историков, но так и не удалось создать удовлетворительную картину второй мировой войны как *цельного исторического явления*. Непоколебленным вплоть до конца 80-х гг. оставался главный вывод советских историков о том, что «мудрая политика Коммунистической партии, ее идейно-воспитательная и организаторская работа на фронте и в тылу явились важнейшим фактором исторической победы»⁽¹⁾. Эта оценка практически без изменений прозвучала в докладе М.С. Горбачева к 40-летию Победы. Однако и в последних обобщающих работах российских историков нет ответов на многие вопросы о крупнейшей войне XX столетия⁽²⁾.

Мнение автора

Сохраняется прежняя заданность: рассматривать вторую мировую войну исключительно через призму отечественной, освободительной войны народов Советского Союза, придавать событиям 1941–1945 гг. первостепенное значение. Читатель не получает ответа на главный вопрос: какие политические цели преследовал СССР во второй мировой войне, к которой начал готовиться еще в 20-е гг. и в которой участвовал с первого до последнего дня, играя одну из главных ролей мировой драмы. Вместо этого историки предлагают новые сотни книг о военных операциях на советско-германском фронте, о подготовке страны к войне и т. д. По-прежнему решаются хотя и значимые, но частные проблемы. Эта слабость исторической науки проявилась и в школьных учебниках по истории России. Возьмем для примера учебник Н.В. Загладина «История России и мира в XX веке» (Учеб. для 11 кл. М., 2002), призванный, как указано в аннотации, «обеспечить формирование целостной картины всемирной исто-

ри». Так, в параграфах, посвященных проблемам второй мировой войны, ничего не говорится о целях СССР в этой войне; в прежнем духе сталинской идеологической концепции утверждается, что главным фактором победы «стало единство фронта и тыла», что второй фронт лишь «в какой-то мере облегчил действия советских войск»; подчеркиваются только односторонние политические выгоды, полученные СССР от заключения с Германией в августе 1939 г. пакта о ненападении (с. 179, 202, 223). Таким образом, мы стоим еще в начале разработки всеохватывающей истории второй мировой войны и Отечественной как ее неотъемлемой, но отнюдь не все определяющей части. Такое положение объясняется и разобщенностью мировой исторической науки, разделенной по национальным квартирам. В России, за редким исключением, почти не представлены последние достижения западных, а также японских и китайских историков. Хотя, например, в Англии с начала 50-х гг. опубликовано около 50 томов официальной версии

мировой войны и ее предыстории и еще столько же томов посвящено проблемам экономики, вооружения, финансов и здравоохранения. Не менее масштабный характер носит публикация трудов в США^[3].

Но всем этим работам, как и исследованиям многих российских историков, присущ «ярко выраженный национальный подход к толкованию и оценке событий», а также расчлененность исторического материала на отдельные темы, в результате чего не складывается общая картина. Российские историки признают, что научное исследование роли СССР и его руководства в возникновении второй мировой войны начато сравнительно недавно, ряд важнейших проблем исследован слабо, во многих работах преобладают конъюнктурные оценки^[4].

Поиски виновных

Для Европы вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут утра нападением гитлеровской Германии на Польшу. Англия и Франция, выполняя свои союз-

нические обязательства перед Польшей, по истечении сроков предъявленных ими ультиматумов 3 сентября объявили войну Германии.

В современной исторической науке, полагают многие ученые, распространены два основных подхода в отношении ответственности за развязывание войны. Сторонники первого направления убеждены, что главным виновником (или «движущей силой») являлся Гитлер, приверженцы второго настаивают на «совиновности СССР в развязывании второй мировой войны»^{5}.

Как считают многие западные историки, наряду с созданием «тоталитарного фюрерского государства» Гитлер «целеустремленно преследовал» две крупные цели: завоевание «жизненного пространства» на Востоке («при одновременном сведении счетов с большевизмом») и установление своего господства в Европе, чтобы преобразовать континент «в духе своей расовой теории». Главное, по их мнению, заключается в том, что «Гитлер сознательно развязал войну против Польши и тем самым вызвал вторую мировую войну».

Вместе с этими положениями историки, в частности немецкие, выдвинули и пытались обосновать ряд тезисов, вызвавших большие споры. Первый тезис: Германия обладала в 1939 г. «еще далеко не готовым к действию инструментом войны», а германский генеральный штаб начал разработку планов наступления против западных держав не ранее осени 1939 г., вопреки обвинениям на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, будто германский генштаб разработал эти планы еще до 1939 г. Второй тезис: начиная с военной кампании 1940 г. Гитлер имел «неверные представления» о фактической боеспособности германского вермахта, «переоценивал», вопреки мнениям специалистов, собственные вооруженные силы, и это расхождение между «хотеть» и «мочь» в военной области у него «постоянно углублялось с годами». После победы над Францией главной для Гитлера являлась «наполеоновская идея разбить Англию, разгромив Россию», т. к. он был уверен, что если Советский Союз будет побежден, у Великобритании не останется каких-либо надежд «на пер-

спективное сопротивление». Поэтому, полагают историки, решение Гитлера напасть на СССР было порождено «отнюдь не глубокой тревогой перед грозящим Германии предстоящим советским нападением», оно являлось «конечным выражением» его агрессивной политики⁽⁶⁾.

Другие западные историки подчеркивают то обстоятельство, что вторая мировая война проходила не только в акваториях Атлантического и Тихого океанов; были четыре сухопутные кампании — в России, в Северной Африке и Средиземноморье, в Западной Европе, а также на Дальнем Востоке, каждая из которых имела свой особый характер. Мао Цзэдун объявил войну Японии весной 1932 г., а правительство Чан Кайши — лишь в конце 1941 г. Война в Европе фактически закончилась в 1940 г., когда Германия уже господствовала на всем Европейском континенте к западу от СССР. Для Советского Союза она началась в июне 1941 г. К этому времени Китай потерял в войне уже около двух десятков миллионов человек. Для многих историков вторая мировая война стала «всеобщей» лишь после напа-

дения Японии на американскую базу Перл-Харбор в Тихом океане и объявления 11 декабря 1941 г. Германией и Италией войны Соединенным Штатам Америки. Таким образом, «мелкие войны постепенно слились в большую войну».

По мнению ряда английских историков, главной причиной второй мировой войны стало противоречие между теми государствами, которых «более или менее удовлетворяло устройство мира», и теми, кто «желал его изменить». К последним относились Гитлер и японские правители. Особое место в выяснении причин войны зарубежные историки отводят политике Советского Союза. Считается, что большевистская революция «расколола Европу глубже», чем предшествующие религиозные войны и революции. Поэтому на Западе были уверены, что «Россия стремится к созданию беспорядков в Европе». А советские политики подозревали западные державы в стремлении вовлечь СССР в войну, чтобы «самим остаться в стороне».

Западные историки полагают, что четыре человека — Гитлер, Сталин, Рузвельт и Чер-

чилль — играли «решающую роль» в политике и стратегии второй мировой войны, и делают отсюда такой вывод: «Народная война имела своим следствием диктатуру»⁽⁷⁾. Многие западные историки, ссылаясь прежде всего на германо-советский договор 1939 г. о ненападении, подчеркивали, что именно Сталин способствовал гитлеровской агрессии.

Отечественные историки однозначно решали вопрос о том, кто виноват в развязывании второй мировой войны, утверждая, что *западные державы сознательно толкнули Гитлера на путь экспансии*. Данная точка зрения изложена в ряде обобщающих трудов, которые отражают официальную советскую (и российскую) историческую концепцию⁽⁸⁾. В 90-х гг. этот вопрос принялись пересматривать, поскольку некоторые российские историки вслед за В. Суворовым считали, что летом 1941 г. Советский Союз намеревался «сам взять инициативу в свои руки и начать войну с Германией». Сторонники данной точки зрения полагают, что «основной вывод В. Суворова о проработке и практической подготовке по указанию Сталина упреждающего

удара против Германии верен»^{9}.

8 последние годы многие отечественные историки признают, что Советский Союз с самого начала участвовал во второй мировой войне не только как активная политическая и военная сила, но и как союзник Германии. «Необходимо признать, — замечает в этой связи российский историк С.З. Случ, — что все военные конфликты, военные действия, акты аннексии с применением силы, независимо от их интенсивности, продолжительности и последствий, произошедшие в период между 1 сентября 1939 г. и 2 сентября 1945 г., представляли собой составную часть второй мировой войны»^{10}.

Глава 2.

СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ

Брак по расчету

С весны 1939 г. политика СССР по отношению к Германии начинает заметно изменяться. С немецкой стороны впервые прямое упоминание о договорах как возможном способе закрепления советско-германских отношений прозвучало 25 мая 1939 г. При прежних контактах термин «договор» обходили стороной. Беседы велись в общей форме на фоне шедших одновременно англо-франко-советских переговоров (июнь-август 1939 г.), срыв которых и был главной задачей Берлина. Окончательное соглашение было достигнуто в ходе визита министра иностранных дел Германии И. Риббентропа в Москву.

Подписание документов состоялось в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом заключался сроком на десять лет; в нем стороны обязывались воздерживаться «от всякого насилия, от всякого агрессивного действия

и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами». Одновременно был подписан секретный дополнительный протокол, в котором в строго конфиденциальном порядке оговаривался вопрос «о разграничении сфер обоюдных интересов». В соответствии с ним Германия отказывалась от претензий на Украину и на господство в Прибалтике, от планов экспансии в те районы Восточной и Юго-восточной Европы, где это могло бы представить опасность для СССР. Германия обязалась не вторгаться в Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, а вступив в Польшу не продвигаться дальше рек Нарев, Висла, Сан⁽¹¹⁾.

Историческая справедливость

17 сентября, когда немецкие войска достигли Варшавы и пересекли линию, оговоренную в секретном протоколе, Красная Армия перешла советско-польскую границу и 25 сентября достигла означенного в секретном протоколе для наших войск рубежа по рекам Западный Буг и Сан. Имели место бои между советскими и польскими частями, но основ-

ные силы польских войск в столкновениях с советскими не участвовали. Советская пропаганда объясняла вторжение Красной Армии на польскую территорию необходимостью «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». В результате этой акции СССР занял 51,4% территории Польши. В Западной Украине и Западной Белоруссии (общая площадь свыше 190 тыс. кв. км) проживало 12 млн. человек (из них — 6 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов). В октябре 1939 г. здесь состоялись выборы в народные собрания. Однако часть населения выступила против установления советской власти и присоединения к СССР. Ядром этого движения стала организация украинских националистов во главе с С. Бандерой⁽¹²⁾.

Мнение автора

Воссоединение народов Западной Украины и Западной Белоруссии с Россией было завершением их многовековой борьбы за восстановление исторической справедливости, поскольку вся

территория от Гродно, Бреста, Холма, Львова и Карпат — исконно русские земли, веками служившие ареной для одной из самых длительных и непримиримых войн в истории человечества между польской шляхтой и русским народом⁽¹³⁾. После захвата Польшей в 1920 г. Западной Украины и Западной Белоруссии началось насильственное ополячивание населения; закрывались украинские и белорусские школы; православные церкви превращались в костелы; у крестьян отбирались лучшие земли и передавались польским колонистам. Поэтому для большинства здешних украинцев и белорусов приход Красной Армии в 1939 г. означал поистине историческое избавление от польского притеснения.

У нас все по-честному

28 сентября 1939 г. в Москве был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией, закреплявший в связи с разгромом Польши территориальные изменения: 48,6% ее территории (189 тыс. кв. км) с 62,9% населения (20 260 тыс. человек) были оккупиро-

рованы немцами; остальная часть перешла к Советскому Союзу. Согласно договору западная граница СССР проходила теперь по так называемой линии Керзона, признанной в свое время Англией, Францией, США и Польшей. К договору прилагались три протокола: один доверительный и два секретных. Доверительный протокол касался переселения в Германию людей немецкого происхождения, проживающих на той территории разгромленного Польского государства, которая входила по секретному дополнительному протоколу к договору от 23 августа 1939 г. в советскую «сферу интересов». Первый из двух секретных дополнительных протоколов от 28 сентября 1939 г. включал территорию Литовского государства «в сферу интересов СССР», а Люблинское воеводство и часть Варшавского — «в сферу интересов Германии». Во втором утверждалось, что СССР и Германия не допустят на своей территории никакой агитации со стороны поляков, направленной против какой-либо одной из держав^[14]. Наличие секретных протоколов к советско-германским договорам в СССР долго отрицали.

Роковая ошибка Сталина

Основное место в дискуссиях о внешней политике СССР перед второй мировой войной занимают следующие вопросы:

Было ли оправданным, необходимым и единственно возможным для Советского Союза в сложившихся обстоятельствах заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с фашистской Германией или имелись иные варианты обеспечения безопасности нашей страны?

Какой исторической оценки заслуживает пакт? Являлся ли он «сговором о будущих границах и сферах интересов», т. е. должен ли СССР нести свою долю ответственности за развязывание второй мировой войны или это был вынужденный шаг, стремление избежать полной международной изоляции в условиях проводившейся западными странами политики умиротворения Германии?

Какими были последствия заключения пакта? Оправдался ли политический прогноз Сталина? Верно ли он оценивал международную обстановку в связи с действиями гитле-

ровской Германии? Одни утверждают, что кремлевский правитель надеялся на то, что Гитлер не будет воевать одновременно на два фронта, другие — что он «проморгал» скрытую подготовку немцев к войне с СССР, «слепо поверил» Гитлеру, потерял бдительность и тем «дезориентировал» советское руководство и народ, продолжал верить в то, что впереди еще достаточно времени, чтобы провести мероприятия, необходимые для обороны страны. Кто прав?

После вторжения немецких войск на территорию Советского Союза Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. так оправдывал заключение договора: «Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии» ⁽¹⁵⁾. Это сталинское объяснение удовлетворяет многих отечественных историков и в наши дни.

Защита данного тезиса советской стороной всегда строилась просто: не было другого

выхода! Ведь англо-франко-советские переговоры, которые велись до заключения пакта, показали, что западные страны не были заинтересованы в союзе с Москвой в целях защиты от агрессии Гитлера. Поэтому Сталину пришлось (ввиду предсказуемого разгрома Польши) пойти на заключение пакта, чтобы воспрепятствовать нападению на недостаточно вооруженный и подготовленный Советский Союз. Приведем также заключение по данной проблеме из работы современного российского историка: «Задачей советского руководства летом 1939 г. было не позволить втянуть СССР в войну, которая в августе 1939 года виделась как неизбежная (курсив наш. — В. П.). Договор с Германией о ненападении обеспечивал такую возможность, по расчетам советского руководства, надежнее, чем неопределенная перспектива зыбкого союза с западными державами^{16}».

По территории Польши немецкие войска двигались на восток. Тогда Москва решила, что одних обязательств Германии по договору от 23 августа 1939 г. для обеспечения безопасности страны уже недостаточно, т. к.

немцы могли оккупировать западные районы Украины и Белоруссии, захваченные Польшей в 1920 г. Поэтому 17 сентября советские войска вступили в эти районы, а 28 сентября между СССР и Германией был подписан договор, устанавливавший границу «между обоюдными государственными интересами» двух стран на территории «бывшего Польского государства». Тем самым, по мнению многих отечественных историков, в то время была устранена опасность вооруженного столкновения между Советским Союзом и фашистской Германией. Наиболее детально данная точка зрения изложена в работе В.Я. Сиполса {17}.

Западные историки возражали. Их аргументация сводилась к тому, что о нападении на СССР в тот момент Гитлер мог думать лишь после разгрома Франции, т. е. обеспечив себе западный тыл. А это произошло лишь летом 1940 г. Таким образом, чрезвычайное положение, которым Сталин объяснял свое соглашение в августе 1939 г., в момент подписания пакта еще не наступило. И если пакт был все-таки заключен, если Ста-

лин поставил на карту международный престиж своей страны и вступил в стовор с агрессором, то каковы были его цели помимо приобретения дополнительного пространства (которого СССР, по мнению западных историков, «вполне хватало»)? Не разумнее ли было вообще ни с кем не заключать договор, а «вместо этого выждать, как разовьются военные действия»? Договор от 23 августа 1939 г. становится понятным, полагают историки, если исходить из того, что Сталин хотел избежать мюнхенской ситуации 1938 г., когда СССР «был исключен из мировой политики». Он сделал ставку на войну в Европе между капиталистическими странами, чтобы «спокойно продолжать вооружение армии и индустриализацию», ожидая «взаимного ослабления» воюющих западных держав. Роковая ошибка Сталина, полагают эти историки, заключалась в ином: он думал, что Гитлер «осмелится напасть на Польшу только на основании заключенного договора», т. е. считал его «расчетливо думающим политиком». В действительности же Гитлер играл ва-банк, «перешагивая через все законы разума», а

Сталин «до последнего момента не мог поверить», что Гитлер нападет на СССР^{18}.

Коротко остановимся на других точках зрения западной историографии по данной проблеме. Немецкие историки утверждали, что германо-советские договоренности 1939 г. привели к разделу территории Польши между Германией и СССР, аннексии советской стороной трех Прибалтийских государств, Бессарабии и (после кровопролитной войны) части территории Финляндии. По их мнению, советской политике тех лет были «также присущи неприкрытая агрессия и беззастенчивое применение насилия»^{19}.

Мнения американской и английской сторон отличаются от приведенной точки зрения немногим. «Польша не была бы завоевана в течение двух недель, — писал известный американский историк У. Ширер, — если бы Россия поддержала ее, а не нанесла ей удар в спину. Более того, войны вообще могло бы не быть, если бы Гитлер знал, что, воюя с Польшей, ему придется воевать также с Россией, Англией и Францией»^{20}.

В своих мемуарах У. Черчилль утверждал,

что вопрос, была ли хладнокровная сделка Сталина с Гитлером «в тот момент в высшей степени реалистичным шагом», является спорным. По его мнению, уже после заключения советско-германского договора и последовавших за этим событий, включая главное — разгром Франции, Сталин проявил «полное безразличие к участи западных держав», что не позволило создать второй фронт против Гитлера в 1939–1940 гг. и положить конец немецкой экспансии. «Если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент второй мировой войны совершенно неадекватными», — писал он^[21].

В современной зарубежной литературе советская внешняя политика перед войной по-прежнему рассматривается как совокупность стратегических и идеологических интересов: для СССР Европа была одновременно и местом обеспечения своей военной безопасности, и объектом территориальных интересов, и «предмостьем для распространения революции», что нашло свое отражение в политике

Сталина в 20–30-е гг. Якобы поэтому советское понимание безопасности (из-за многосторонних «гегемонистских претензий») не основывалось на желании сотрудничать с западными демократиями, а решение Сталина заключить пакт с Гитлером «носило не столько прогерманский, сколько антибританский и антипольский характер и диктовалось долгосрочными интересами»^{22}.

По мнению ряда западных историков, между Германией и Советским Союзом имелось «внутреннее родство и сходство интересов», что проявилось во время «совместного разбойничьего похода на Польшу». Гитлер стремился на восток, Сталин — на запад, для продолжения мировой революции. Оба диктатора «нуждались друг в друге», каждый надеялся «перехитрить партнера». Сталин «гораздо больше опасался внутренних врагов, нежели внешних», а потому пропускал мимо ушей «все предупреждения о грядущем нападении со стороны Германии»^{23}.

Ставка на силу

В 80-е гг., период перестройки, в СССР стало меняться отношение к событиям недавнего прошлого. Много шума было и по поводу советско-германского договора о ненападении 1939 г., а также секретных дополнительных протоколов к нему, существование которых, напомним, в СССР официально отрицалось. Подлинники советско-германских соглашений были впервые опубликованы в нашей стране в 1991 г.

Как грубейший внешнеполитический просчет охарактеризовал договор с Германией видный отечественный историк В.И. Дашичев. По его мнению, когда СССР вышел «из традиционно европейской конфигурации сил», Франция и Англия остались один на один с фашистской Германией. Это позволило Гитлеру разгромить Францию и подчинить себе ресурсы почти всей Западной Европы, после чего Германия напала на Советский Союз. Согласно Дашичеву, пакт между Гитлером и Сталиным явился «результатом сиюминутных интересов»^[24]. Также, по мнению ряда отечественных историков, заключение пакта с фашистской Германией дезинформировало

население Советского Союза и международное рабочее движение.

Некоторые российские историки выразили свое несогласие с оценкой Дашичева, другие ее поддержали. Завязавшаяся дискуссия продолжается и в наши дни.

На II Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.) по докладу комиссии было принято постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.», где говорилось, что договор заключался в критической международной ситуации и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. Съезд осудил факт подписания секретных протоколов и констатировал, что приложенный к советско-германскому договору о ненападении секретный дополнительный протокол и по методу его составления, и по содержанию являлся «отходом от ленинских принципов советской внешней политики». Приведенное в нем разграничение «сфер интересов» СССР и Германии находилось с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих

стран. По совокупности признаков съезд признал протокол от 23 августа 1939 г. и другие секретные договоренности с Германией юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания. К совокупности признаков были отнесены следующие: Молотов не имел официально оформленных полномочий на подписание протоколов к договорам от 23 августа и от 28 сентября 1939 г. Эти протоколы не рассматривались ни на предварительной стадии, ни после их формализации в правительстве. Они не представлялись в парламент при ратификации соответствующих договоров Верховным Советом СССР. К ним не подпускали даже членов Политбюро ЦК правящей партии, стоявшего над всеми государственными институтами^[25].

По мнению известного советского дипломата В.М. Фалина, Сталин пошел на заключение пакта с Гитлером, потому что хорошо знал низкую боеспособность Красной Армии, командный состав которой подвергся репрессиям в 1937–1938 гг. Боязнь войны на два фронта — против Германии и Японии — заставила его «прислониться к сильному». Од-

нако термин «союз» применительно к германо-советским отношениям после 23 августа 1939 г. не употреблялся ни Гитлером, ни Сталиным. Это слово стало появляться в научных изданиях в годы перестройки^{26}.

Заключение пакта, по мнению многих отечественных историков, подорвало веру Японии в своего стратегического союзника: широкомасштабная японская агрессия против Советского Союза «сдвигалась на неопределенное время»; 13 апреля 1941 г. был заключен японо-советский договор о нейтралитете, что стало для Германии неожиданным и неприятным сюрпризом. Заключив пакт о ненападении, Советский Союз показал всем, что не намерен быть «объектом» в чужих комбинациях и в состоянии отстаивать свои интересы так, как их понимало в тот момент советское руководство.

В современной российской историографии в последние годы оформилось еще одно направление по проблемам предвоенной сталинской внешней политики. Некоторые историки разделяют (с теми или иными оговорками) основные положения западной историче-

ской науки. Так, Д.Г. Наджафаров считает, что у «сталинского Советского Союза» были собственные амбициозные геополитические замыслы, которые заключались «во всемерном усилении позиций социализма за счет и против капитализма», что в своей стратегии сталинское руководство исходило из «марксистских параметров», из «откровенной ставки на силу», из фактического отказа от «политико-дипломатических методов урегулирования». На основе анализа текста сталинского выступления 19 августа 1939 г. на заседании Политбюро Наджафаров пришел к выводу: в тот момент Сталин «не считал, что для безопасности СССР создалась прямая, непосредственная угроза (официальный тезис о вынужденном для Советского Союза характере пакта родился много позже)». Поэтому, заключает Наджафаров, существовала «альтернатива пакту» и выбор Сталина «в пользу нацистской Германии» был принят «исходя из доводов сугубо классовых»^{27}. Академик А.О. Чубарьян считает, что корни данной политики следует искать «в диктаторском мышлении Сталина», который отдавал «предпочте-

ние» тоталитарному гитлеровскому режиму, а не либеральным демократиям западного толка. Отсюда, подчеркивает Чубарьян, и сталинская установка на то, чтобы «империалистические блоки воевали друг с другом», а СССР, будучи «формально нейтральным», не только вышел бы из изоляции, но и «начал реализовывать широкую имперскую программу»^[28].

Некоторые историки не отрицают того факта, что Сталин стремился «обеспечить национально-государственные интересы СССР», но подчеркивают, что защиту этих интересов Сталин, исходя из геополитической составляющей этих интересов, видел в «расширении границ», т. е. рассматривал экспансию как «лучшее средство» для обеспечения безопасности страны^[29].

Публикация секретных документов позволяет уточнить официальную сталинскую оценку пакта о ненападении, данную им в речи 3 июля 1941 г. Так, 7 сентября 1939 г., когда немецкие войска громили Польшу и вторая мировая война стала для Европы свершившимся фактом, Сталин заявил в кругу бли-

жайших сподвижников: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии... Следующий момент... подталкивать другую сторону... Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»^{30}.

Договорная система между СССР и Германией о взаимном ненападении, как считает большинство историков, не являлась гарантией безопасности для малых стран, попавших в их «сферу интересов». Данное мнение имеет и документальное подтверждение. 2 октября 1939 г. В.М. Молотов заявил латвийской делегации: «Нейтральные Прибалтийские государства — это слишком ненадежно»^{31}.

Многие российские историки убеждены, что советские территориальные приобретения 1939–1940 гг. не компенсировали политические издержки, а тот факт, что Красная Армия «не смогла сколько-нибудь долго задержать противника на новой западной грани-

це», свидетельствует и об отсутствии военного выигрыша. Следовательно, очевиден пассив сталинской политики и дипломатии в данном вопросе^{32}.

Мнение автора

В какой степени сталинская предвоенная внешняя политика усилила обороноспособность Советского Союза? Факты свидетельствуют: мы отодвинули границу на запад, но не смогли подготовить ее к обороне. По мнению маршала К.К. Рокоссовского, затея строительства новых укрепрайонов вдоль новой западной государственной границы была «неуместной», т. к. общая обстановка к весне 1941 г. подсказывала, что СССР не успеет построить эти укрепления. «Долгом Генерального штаба было доказать такую очевидность правительству и отстоять свои предложения», — подчеркивал маршал^{33}.

Значительная часть населения присоединенных территорий активно выступила против вхождения в СССР и установления советской власти. Какой организации обороны можно было

ждать от руководства Прибалтийских республик? Например, уже вечером 22 июня 1941 г. правительство и руководство компартии Литвы вместе «со своим тесным активом» позорно бежали из столицы республики {34}.

По мнению многих военных историков, которое мы целиком разделяем, ненадежность в военно-оборонительном отношении территорий, присоединенных в 1939–1940 гг. к СССР, вынуждала советское руководство вместо заблаговременной подготовки обороны на рубежах рек Западная Двина и Днепр направлять войска и резервы для усиления непосредственно к новым западным границам. Так было накануне войны, так было и в начале войны с Германией, когда большинство резервных соединений направлялось к линии фронта для усиления армий прикрытия или нанесения плохо подготовленных контрударов советских войск. Все это облегчало немцам достижение их главной стратегической цели — быстрого разгрома и уничтожения наших сухопутных сил. На стороне Германии

выступила Финляндия, недовольная территориальными потерями «зимней войны» 1939–1940 гг. К осени 1941 г. финские войска уже стояли по обе стороны Ладожского озера и были готовы вести дальнейшие боевые действия против СССР.

Таким образом, политическая цель, преследуемая Сталиным при заключении пакта с Германией, не была достигнута. Расширение территорий породило в советском руководстве некоторые иллюзии относительно нашей безопасности. Бесцеремонное насаждение советских порядков и репрессии против людей, не согласных с подобной политикой, привели к тому, что в самый ответственный момент — на начальном этапе Отечественной войны — население вновь присоединенных территорий не оказало должного сопротивления врагу. Тот факт, что после войны СССР удалось удержать эти территории за собой, также не должен вводить в заблуждение. В конце концов политическая воля Украины и Прибалтийских республик выразилась, когда позволили обстоятельства, в

выходе из состава СССР.

Сталин придерживался тактики «подталкивания» в отношении противоборствующих сторон, но он не смог до конца просчитать последствия для СССР такой политической линии в разгорающемся мировом конфликте. Когда весной-летом 1941 г. события окончательно вышли из-под его контроля, он был вынужден идти вслед за событиями и винить в сложившейся ситуации военных, забывая, что цели проводимой им политики не имели соответствующих к этому средств. Советское руководство не продумывало не только политические, но также экономические, военные и психологические формы проявления своей новой политической линии, ее действительные возможности. Договор от 28 сентября 1939 г. о «дружбе» с фашистской Германией фактически дезавуировал всю предшествующую антифашистскую идеологию Советского Союза. Подобная идеологическая переориентация сбивала с толку советских людей, вносила сумятицу в агитационную работу в войсках. По нашему мнению,

именно политический просчет повлек за собой все остальные, в т. ч. неудачное для нашей страны начало войны с Германией летом-осенью 1941 г. Главный просчет, на наш взгляд, состоял в самом факте заключения пакта с агрессивной державой, поставившей себе долговременную программу завоевания «жизненного пространства» на Востоке и уничтожения коммунизма как социальной системы.

Отвлекающий маневр

Факты, накопленные к настоящему времени исторической наукой, позволяют с полным основанием утверждать, что, несмотря на заключение в августе 1939 г. пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, обе стороны знали о неизбежности войны между ними. Об этом в первую очередь свидетельствовали их военные приготовления.

По мнению немецких историков, Гитлер считал, что союз с Россией невозможен и цель германской внешней политики — захват нового «жизненного пространства» на

Востоке. В июле 1940 г. германский генеральный штаб был проинформирован о том, что Гитлер решил уже в мае 1941 г. «путем внезапного нападения на советскую Россию раз и навсегда избавить мир от угрозы большевизма»^{35}.

Основываясь на скрупулезном изучении немецких источников, Г.-А. Якобсен пишет: «Не подлежит сомнению, что вопрос о том, как опередить готового к наступлению противника, *не имел существенного значения для руководителей германского рейха. Нападение на Советский Союз было прежде всего проявлением нацистской экспансионистской политики* (курсив наш. — В. П.). Это была «война на уничтожение», которую Гитлер и ему подобные пытались узаконить, провозгласив «моральное право высшей расы» на установление «нового порядка» в Европе»^{36}.

Что касается пакта о ненападении, то, по словам самого фашистского вождя, это был «брак по расчету». После неудачных переговоров с В.М. Молотовым в ноябре 1940 г. Гитлер заявил, что «этого пакта никогда и не было, ибо пропасть между нашими мировоззрения-

ми достаточно глубока». Подготовка к войне с СССР шла в это время полным ходом — уже в начале ноября 1940 г. против СССР, по сообщениям советской разведки, было сосредоточено более одной трети сухопутных сил германской армии, включая все танковые и моторизованные дивизии.

18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил план «молниеносной войны» против СССР под кодовым названием «Барбаросса». Стратегия немцев сводилась к разгрому в ходе «кратковременной кампании» противостоящих советских войск и их уничтожению, разгрому резервов, овладению территорией, включая Москву и Ленинград, выходу немецких войск на рубеж Волга — Северная Двина. Несмотря на отсрочку нападения на 5–6 недель из-за балканской кампании, Гитлер надеялся еще до наступления зимы захватить Москву и Донбасс. Он был твердо уверен, что сможет разгромить Советский Союз в ходе молниеносной войны^{37}.

С февраля по июнь 1941 г. происходило сосредоточение и развертывание у наших западных границ главных сил вермахта. С се-

редины мая, когда, по признанию немцев, скрыть подготовку Германии к агрессии было невозможно, начался очередной этап широкомасштабной немецкой дезинформационной кампании: предписывалось выдавать это сосредоточение войск за крупнейший в истории войн отвлекающий маневр, который якобы служит для маскировки последних приготовлений вермахта к вторжению в Англию^{38}.

Таким образом, по мнению большинства историков, весной — летом 1941 г. Германия была готова к ведению полномасштабной войны против Советского Союза. Во-первых, еще в июле 1940 г. было принято политическое решение, что «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г.»; 30 марта 1941 г. на совещании командного состава вермахта Гитлер не оставил никаких сомнений в том, что речь идет о «борьбе на уничтожение». Во-вторых, имелся план агрессивной войны «Барбаросса», разработанный за полгода до нападения и определявший политические и стратегические цели и задачи. В-третьих, была первоклассно подготовленная армия, оснащенная современным вооружением

и техникой, имевшая опыт ведения современной войны, а командующие группами армий и армиями получили указание проследить, чтобы боевой опыт в западной кампании не переоценивался и чтобы немецкие войска готовились к «борьбе всеми силами против равного противника»; также в военных директивах говорилось, что война против России должна вестись «с неслыханной жестокостью». В-четвертых, был составлен план эксплуатации богатств завоеванных территорий и отданы распоряжения относительно управления оккупированными областями, а также приняты документы по проведению беспощадной политики, направленной на эксплуатацию и уничтожение местного населения. В-пятых, стратегическое развертывание немецких сил на Востоке началось еще в феврале 1941 г. и осуществлялось с таким расчетом, чтобы обеспечить кульминацию непосредственно перед началом кампании. В-шестых, важная роль в войне против Советского Союза отводилась Румынии и Финляндии, где «развертывались фланговые группировки», а также Венгрии. В-седьмых,

была создана эффективно действующая военная экономика. Соответствующим образом проводилась и идеологическая обработка немецкого населения⁽³⁹⁾. Таковы были основные условия, при которых Германия начала агрессию против Советского Союза.

Осенью 1940 г. германский генштаб подготовил прогноз относительно ответных действий Красной Армии на немецкую агрессию. Вариант нанесения русскими войсками превентивного удара по сосредоточивающимся у границы немецким войскам рассматривался как «невероятный». Наиболее вероятным немцы считали вариант, при котором Красная Армия примет на себя удар вблизи границы, чтобы без боя не уступить богатейшие, в т. ч. вновь присоединенные, области. Как показали дальнейшие события лета 1941 г., этот расчет немецких генштабистов полностью оправдался. Немцы считали, что существуют лишь «разрозненные укрепления полевого типа на старой и новой русских границах». В дальнейшем они наблюдали за спешным строительством новых укреп-районов на самой границе, а потому имели полное пред-

ставление о советской системе обороны^[40]. Как свидетельствуют трофейные документы, германский генштаб имел также достаточно точную картину сосредоточения и развертывания на германо-советской границе наших войск.

На пути к мировому коммунизму

22 июня 1941 г. Гитлер в своем обращении к германскому народу пытался объяснить, почему вместо продолжения сотрудничества с Советским Союзом он начал против него войну. Фюрер обвинил Москву в «предательском нарушении» пакта о дружбе: около 160 русских дивизий находятся на границе с Германией и непрерывно нарушают эту границу, русские продолжают осуществлять концентрацию своих войск, «большевистская клика» стремится к тому, чтобы «бросить в огонь пожара не только Германию, но и всю Европу». Так возник тезис о превентивной (упреждающей действия противника, готового к нападению) войне. Его сторонники преподносят нападение Германии на СССР как ответ на советскую угрозу своим западным

соседям и этим оправдывают гитлеровскую агрессию.

После войны этот тезис использовали для своей защиты главные немецкие военные преступники и их адвокаты на Нюрнбергском процессе. Так, генерал-фельдмаршал В. Кейтель писал: «После начала нашего превентивного нападения на СССР я вынужден был признать, что Гитлер в оценке предстоящего русского наступления все же оказался прав». По утверждению Кейтеля, именно немецкое «превентивное нападение» в 1941 г. показало «уровень русских агрессивных намерений»^[41]. Затем тезис о «превентивной войне» Германии против СССР стали усиленно распространять многие немецкие генералы в мемуарах и книгах, посвященных второй мировой войне, а также некоторые историки из других западных стран.

В середине 80-х гг. данная тема получила новое развитие, особенно после того, как бывший офицер-разведчик из СССР В. Резун перебежал на Запад и начал там с помощью иностранных спецслужб публиковать статьи и книги под псевдонимом В. Суворов. В книге

«Ледокол», первоначально опубликованной в ФРГ и Англии, а в 1992 г. в России, Суворов утверждал, что если бы Гитлер не напал на СССР 22 июня 1941 г., то спустя две недели — 6 июля — Сталин двинул бы Красную Армию на разгром Германии. Поскольку Гитлер, опасавшийся агрессии со стороны Советского Союза, завершил концентрацию своих войск в ударные группировки раньше, чем это смогла сделать Красная Армия, он первым и нанес удар. Наши войска, готовившиеся к наступлению, а не к обороне и находившиеся к июню 1941 г. еще только в стадии отмотобилизования и развертывания, были захвачены врасплох. В момент немецкого удара они оказались не готовы ни к наступлению, ни к обороне и потому понесли тяжелое поражение^[42].

Затем В. Суворовым был опубликован еще ряд книг, в которых он развивал основной тезис об агрессивных намерениях Сталина. А это значит, как подчеркивается в книгах В. Суворова, что неизменной целью Советского Союза оставалась мировая революция и что мировая война, развязанная Сталиным, была лишь средством достижения этой цели; что

вся внутренняя политика СССР с ее неисчислимыми людскими жертвами в ходе коллективизации и индустриализации была направлена не на строительство зажиточной и счастливой жизни советских людей, а на превращение нашей страны в арсенал мировой революции и, следовательно, вторая мировая война была лишь *эпизодом* в длинной цепи предстоящих битв за мировой коммунизм.

Книги В. Суворова, написанные в яркой, запоминающейся полемической форме, направлены на формирование особого общественного мнения по отношению к истории второй мировой войны в целом, где красной нитью проходит следующая мысль: у Сталина был агрессивный план войны против Германии, материализованный в стратегических наступательных группировках, сосредоточенных на наших западных границах, поэтому нападение Гитлера на СССР затормозило развитие мирового коммунизма.

О книге «Ледокол» много писали в периодических изданиях, ее издали тиражом свыше миллиона экземпляров. Возник своеобразный «феномен Виктора Суворова», расколов-

ший на два «враждующих» лагеря не только ряды профессиональных историков, но и многомиллионную читательскую аудиторию. Как справедливо заметил главный редактор журнала «Отечественная история» С.В. Тютюкин, книга уже «дошла до средней школы» и учителя порой находятся «в полной растерянности». То обстоятельство, что в эти годы в средствах массовой информации развернулась жесточайшая критика коммунистического режима и советского прошлого, во многом определило доверие читающей публики к версии Суворова. Дальнейшее развитие полемики по данному вопросу было связано с рассекречиванием ранее неизвестных науке архивных документов советского Генштаба.

Весной 1992 г. были рассекречены «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (далее — «Соображения»), в которых содержались ссылки еще на шесть документов, в т. ч. на «План намечаемых боевых действий на случай войны с Германией», «Схему развертывания» и др. Историки полагают, что рабо-

та над документом была завершена между 7 и 15 мая 1941 г. «Соображения»-едва ли не единственный серьезный аргумент сторонников суворовской версии, поэтому остановимся на нем подробнее. Документ выполнен рукой А.М. Василевского и не подписан. Имеются исправления, выполненные, предположительно, рукой Г.К. Жукова. Ряд историков считает, что исправления и уточнения были внесены заместителем начальника Генштаба Н.Ф. Ватутиным. На документе нет пометок об утверждении или отклонении, но известно, что его представили Сталину нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генштаба Г.К. Жуков — они были на приеме у Сталина 10, 12, 19 и 23 мая. А 24 мая у Сталина состоялось секретное совещание, на котором обсудили задачи западных приграничных округов в соответствии с оперативным планом войны и сложившейся стратегической обстановкой. В совещании участвовали В.М. Молотов, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин, командующие западными приграничными округами Д.Г. Павлов, Ф.И. Кузнецов, М.М. Попов, Я.Т. Черевиченко и М.П. Кирпонос, члены воен-

ных советов и командующие ВВС этих округов. По мнению сторонников суворовской версии, на этом совещании были рассмотрены и одобрены «Соображения», главным в которых было «упредить и разгромить» гитлеровскую Германию^{43}.

В «Соображениях» Генштаб предлагал разгромить главные силы фашистской армии, сосредоточенные для нападения на Советский Союз — выставить 152 дивизии Юго-западного фронта против 100 германских дивизий. Однако в «Соображениях» не ставилась задача овладения территориями каких-либо государств. Основная цель — разгром главной группировки немцев южнее Варшавы и лишение ее возможностей наступления, а также изоляция Германии от южных союзников. Ни оперативные документы Генштаба, включая план войны и частные оперативные директивы фронтам, ни планы обороны государственной границы СССР силами армий прикрытия и войск второго оперативного эшелона не предусматривали нападения на сопредельные государства. О наступательных действиях Западного и Юго-западного фрон-

тов говорилось только в оперативном плане Генштаба, а в оперативных документах всех западных приграничных округов никакие планы наступательных операций не были предусмотрены.

Некоторые отечественные историки полагают, что «Соображения» были «действующим» документом, на основе которого развернулись широкомасштабные мероприятия; что предложенный военными план был утвержден советским руководством, а указанные в нем меры по подготовке советских войск к «упреждающему удару» стали осуществляться в мае — июне 1941 г. Главными среди этих мер стали следующие: скрытое от мобилизации военнообязанных запаса, выдвижение к западной границе армейских соединений, развертывание *фронт*овых (в условиях мирного времени!) пунктов управления, которые создавались на базе штабов и управлений особых военных округов с 14 по 19 июня. Другие историки считают, что проводившиеся мероприятия могут свидетельствовать о подготовке Советского Союза к «наступательным действиям в будущей войне», а не

к агрессии против Германии^{44}.

В предвоенные и военные годы «не стенографировались и не протоколировались заседания Политбюро»^{45}. Это не позволяет установить, как конкретно решались в Политбюро важнейшие военные вопросы оперативно-стратегического значения. Таким образом, в распоряжении историков нет прямых документальных доказательств того, что Сталин и Политбюро весной 1941 г. приняли *политическое решение* о нанесении упреждающего удара по фашистской Германии. Более того! По свидетельству тех, кто работал в Генштабе перед войной, до самого ее начала военные разрабатывали оперативные планы, не располагая точной информацией ни о позиции советского руководства, прежде всего Сталина, ни о вероятности и сроках нападения на нас фашистской Германии, а потому не привязывали свои планы к конкретной дате. В 1965 г. маршал А.М. Василевский заявил в интервью, что именно отсутствие «прямого ответа на вопрос о вероятности нападения на нас фашистской Германии, не говоря уже об определении хотя бы примерных сроков этого нападе-

ния» — при наличии достаточных данных у советского руководства о «лихорадочной подготовке» Германии к агрессии против СССР — стало подлинной причиной того катастрофического положения, в котором оказалась наша страна в 1941–1942 гг.^{46}

Последний оперативный план войны, разработанный советским Генштабом и *утвержденный Сталиным*, датирован 14 октября (по другим данным, датой утверждения было 15 октября) 1940 г. В первом разделе плана (о противниках СССР) был сделан следующий вывод: «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке против Японии»^{47}. Советский Союз готовился к войне «на два фронта» (и позже вел ее). Вот что следует понимать и помнить! Последующие события осени 1940 г. — весны 1941 г. должны были служить дополнительным аргументом в пользу сделанного в оперативном плане вывода о составе коалиции противников Советского Союза в предстоящей войне с Германией.

Итак, имелся утвержденный Сталиным план на случай войны с Германией и ее союзниками, по которому основы стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил заключались в «активной обороне» с последующей задачей «нанесения поражения главным силам германской армии», что и нашло свое отражение в плане 1940 г. План предусматривал два варианта развертывания на Западе — к югу от Брест-Литовска и к северу от него. Генштаб разработал оба варианта, указав, что «окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны»^{48}. Исполнителем плана был тогдашний заместитель начальника Оперативного управления Генштаба А.М. Василевский. С октября 1940 г. по февраль 1941 г. в план стратегического развертывания вносились непринципиальные изменения. Лишь после прихода в феврале 1941 г. нового начальника Генштаба Г.К. Жукова начались более решительные доработки, которые нашли свое отражение в уже упомянутых нами майских «Соображениях».

Зарубежные и отечественные историки, разделяющие мнение Суворова, исходят, как правило, из представления о том, что СССР до второй мировой войны и перед ее началом занимал доминирующую политическую и военную позицию в международной системе и это позволяло ему втягивать капиталистические державы в войну, иметь почти не ограниченные территориальные претензии и готовиться напасть на Германию если не в 1941 г., то уж не позднее 1942-го.

Некоторые историки с достаточным основанием полагают, что в майском 1941 г. предложении военных «просматривается, скорее, намерение вытянуть Сталина на объяснение, показав, что стратегии выжидания, наперед дарящей инициативу противнику, есть альтернативы»^{49}. Ссылаясь на слова «лично ему знакомого генерала, беседовавшего с маршалом С.К. Тимошенко вскоре после войны», В.М. Фалин считает, что Сталин отверг майскую записку военных «как совершенно чуждую его расчетам». Имеются также косвенные свидетельства со ссылками на беседы с маршалом Г.К. Жуковым, что Сталин категориче-

ски отклонил предложения военных, высказанные в их майских 1941 г. «Соображениях»^{50}.

В 1995 г. в Институте российской истории вокруг книги «Ледокол» состоялась научная дискуссия, материалы которой были опубликованы. Участники дискуссии не пришли к какому-либо единому мнению. В декабре 1997 г. на заседании Ассоциации историков второй мировой войны была продолжена дискуссия по вопросу о существовании советских планов нападения на Германию в 1941 г. Большинство историков — В.А. Анфилов, М.А. Гареев, Ю.А. Горьков, Г.А. Куманев — высказали свое несогласие с мнением историка М.И. Мельтюхова о том, что «летом 1941 г. Советский Союз намеревался сам взять инициативу в свои руки и начать войну с Германией»^{51}.

«Содержание советских оперативных планов, директивных идеологических документов ЦК ВКП(б) и военной пропаганды, — писал М.И. Мельтюхов в своей книге, — наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях Красной Армии к наступлению

недвусмысленно свидетельствует о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию (курсив наш. — В.П.)». Он также полагал, что Сталин, отложив как минимум на месяц нападение на Германию, упустил свой единственный шанс сорвать германское вторжение^{52}. В то же время большинство исследователей проблемы, включая многих видных зарубежных историков, считают, что попытки приписать Сталину часть или всю вину за немецкое нападение лишены всяких оснований. По их мнению, за подобными попытками стоит стремление умалить ответственность немецкой стороны за вероломное нападение на Советский Союз или вообще снять с нее такую ответственность.

Мнение автора

Имеется ряд обстоятельств, которые не позволяют ставить точку в затянувшемся споре сторонников и противников суворовской версии. Во-первых, оппоненты опираются практически на одни и те же исторические факты и свидетельства. Однако выводы, к которым они приходят, заложены не

только в их исходных позициях и умениях интерпретировать имеющиеся источники, но и в противоречивости существующих фактов, их неоднозначности. Во-вторых (и это, на наш взгляд, главное), многие события предвоенной истории не укладываются в привычные схемы и не могут объясняться обычной логикой, т. к. носят иррациональный характер. В качестве примера укажем на противоречивость общей оценки, данной многими военными, политиками и историками поведению Сталина накануне войны: с одной стороны, создан образ хитрого, расчетливого, дальновидного и коварного интригана, что соответствует в исторической литературе образу «выдающегося политика», с другой — личной инициативе Сталина приписывают все те совершенно неразумные приказы, которые привели к трагедии первого года войны.

Здесь и «пренебрежение предупреждениями» разведки о ведущейся полным ходом подготовке фашистской Германии к агрессии против Советского Союза, и то, что Сталин «слепо поверил»

Гитлеру и тем «дезорентировал» советское руководство и народ, и многое другое. Хотя сторонники суворовской версии прямо так не пишут, но получается, что своими предвоенными действиями Сталин специально подставил Красную Армию под сокрушающий удар вермахта. Автор не разделяет суворовскую версию по той причине, что качественное состояние Красной Армии к лету 1941 г., несмотря на огромное число дивизий и вооружений, не давало Сталину достаточных оснований быть уверенным в победе в случае нанесения превентивного удара по Германии^{53}. По нашему мнению, появление суворовского «Ледокола» стало возможным во многом из-за слабости и неумения российской исторической науки дать обществу правдивую и яркую картину второй мировой войны. Книги Суворова резко стимулировали изучение актуальных проблем этого периода отечественной истории. Представляется, что Сталин, видимо, в своих внешнеполитических расчетах учитывал два обстоятельства. Первое — это то, что советско-финлянд-

ская война 1939–1940 гг. продемонстрировала всему миру тактическую неповоротливость Красной Армии, ее низкую боеспособность, слабость командного и офицерского состава. Советские потери за 105 дней войны составили 333 тыс. человек, в т. ч. 65 тыс. — убитыми. Помимо этого выявилось и общее невысокое состояние оборонного дела в стране, поскольку Советские Вооруженные Силы оказались не готовы к проведению крупных наступательных и оборонительных операций. В своем выступлении на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 г., посвященном прошедшей войне с Финляндией, Сталин отмечал низкий профессиональный уровень командных кадров и отсутствие «искусно работающих штабов», слабую вооруженность армии военными новинками (автоматическим оружием, артиллерией, минометами), шапкозакидательские настроения^[54]. На этом фоне блестящий успех вермахта в скоротечной кампании во Франции летом 1940 г. показал кремлевскому правителю, что Красная Ар-

мия еще значительно уступала немецкой армии и не была готова к войне с сильнейшей европейской державой один на один.

Второе важное обстоятельство: в 1941 г. полным ходом шла реорганизация и перевооружение Красной Армии, которые были далеки от завершения. Именно эти главные причины, по нашему мнению, объясняют стремление Сталина оттянуть начало надвигавшейся на СССР войны.

Глава 3. МОЛОХ ВОЙНЫ

Серьезные провалы

22 июня 1941 г. в 3 часа 30 минут немецкая армия начала свое мощное вторжение по всей границе нашей страны от Черного моря до Балтийского. На всех стратегических направлениях противник ввел в действие мощные бронетанковые «кулаки», которые при поддержке авиации протаранили наши первые эшелоны войск и, не ввязываясь в сраже-

ния с советскими фланговыми группировками, продвинулись на большую глубину нашей территории. Немецкая авиация, заранее высланные диверсионные группы сразу же нарушили связь и управление войсками, вследствие чего командование было не в состоянии разобраться в обстановке и принять обоснованные решения. Именно такая картина первых дней Великой Отечественной войны изложена в мемуарах военачальников, встретивших немецкие войска на границе в июне 1941 г., — Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, Л.М. Сандалова, И.В. Болдина, И.И. Федюнинского и других.

Советские войска в первые часы войны пытались выполнять задачи по плану прикрытия, который совершенно не соответствовал складывавшейся обстановке. Действовать по ситуации командиры корпусов и дивизий не могли, поскольку не имели данных о количестве сил и военных акциях противника. Постоянной связи между частями не было, об истинных потерях никто не знал. Оперативные результаты советских контрударов, несмотря на самоотверженные действия на-

ших войск, были незначительны, а понесенные потери неимоверно велики. Особенно тяжелое положение складывалось на Западном фронте, т. к. здесь наступала группа армий «Центр», самая мощная из всех групп, участвовавших в нападении⁽⁵⁵⁾.

К концу июня стало очевидно, что ни на одном фронте не удалось разгромить вклинившиеся группировки противника. Кроме того, вражеская авиация господствовала в воздухе, а наши огромные потери в авиации, танках и личном составе обрекали Красную Армию на дальнейшее отступление. За три недели боев были оставлены Латвия, Литва, Белоруссия, значительная часть Украины и Молдавии. Немецкая армия за этот период продвинулась в глубь страны на северо-западном направлении на 450–500 км, на западном — на 450–600 км, на юго-западном — на 300–350 км. Эти цифры дают представление о среднесуточных продвижениях немецких войск — от 20 до 30 км. Даже на юго-западном направлении, где советские войска имели подавляющее преимущество над немецкими в живой силе и вооружении, где имелась раз-

витая система укрепрайонов, в ожесточенных сражениях выявилось превосходство вермахта в решающих компонентах боя, умелом и четком взаимодействии немецких танков с пехотой, артиллерией и авиацией.

16 июля пал Смоленск, 19 сентября нашими войсками был оставлен Киев, а ранее, 8 сентября, немецкие войска взяли Шлиссельбург, блокировав Ленинград с суши. 6 сентября немцы возобновили наступление на Москву, завершив 7 октября в районе Вязьмы окружение четырех советских армий. В «котел» под Брянском попали три наши армии.

По различным данным, в 1941 г. Красная Армия потеряла от 1,5 до 2,5 млн. солдат и офицеров убитыми и около 3 млн. пленными. Количество погибшего гражданского населения точно не установлено, но исчисляется миллионами. Потери немецкой армии — около 200 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести и почти 500 тыс. ранеными. В конце ноября 1941 г. на некоторых участках линии фронта дивизии вермахта находились в 25–30 км от Москвы^{56}.

Было ли действительно внезапным напа-

дение Германии на Советский Союз? Была ли готова страна к организованному отражению агрессии? Кто повинен в катастрофе 1941г.? Эти вопросы и сегодня продолжают волновать не только историков, но и всех российских граждан.

В своем первом обращении к советскому народу 3 июля 1941 г. Сталин объяснял все случившееся «неожиданностью» нападения, полной готовностью и отобилизованностью немецких войск, опытом войны, который они получили в западных кампаниях⁽⁵⁷⁾. Эти же объяснения во множестве встречаются в военной мемуаристике, многих исторических работах.

В хрущевские времена указывалось, что Германии удалось сконцентрировать в своих руках экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы, создать блок единомышленников по агрессии, оснастить вермахт передовой техникой и вооружить его опытом ведения современной войны. Германская армия имела также «тщательно составленный и до мелочей продуманный план», а к моменту нападения вооруженные силы Гер-

мании были полностью отобилизованы, укомплектованы и сосредоточены у западных границ СССР в «выгодной для наступления группировке». Как важнейший фактор называлась также внезапность нападения. Крупной ошибкой Сталина являлась недооценка им реальной угрозы войны, несостоятельность его расчетов на возможность предотвратить конфликт между СССР и Германией «мерами политического и дипломатического характера». Низкая боевая готовность Красной Армии объяснялась преимущественно ошибками военного руководства и Генштаба

{58}

В брежневские времена во многом вернулись к сталинским оценкам. Отмечалось, что наша армия своевременно была организационно перестроена и приведена в соответствие с новой боевой техникой, уровнем советской военной науки, а по технической оснащенности не отставала от армий крупнейших империалистических держав. Неудачи начального периода войны объяснялись тем, что Красная Армия сражалась в невыгодных, тяжелейших условиях, когда на стороне агрессора были

«материальное превосходство, опыт ведения современной войны и фактор внезапности». Ни слова не было сказано о репрессиях командных кадров Красной Армии перед войной, что было одной из главных причин наших поражений^[59]. Сегодня некоторые историки утверждают, что ошибки руководителей партии и государства, их беспечность и непомерное самомнение привели к трагедии 1941 г.^[60] Авторы двухтомника «1941 год» — обширной и во многом уникальной документальной публикации — квалифицировали предвоенные ошибки советского политического руководства как *«государственные преступления»*. Сказано сильно!

Многие историки (вслед за политиками и военными) заявляют, что один из основных просчетов заключался в определении возможного времени нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. В результате враг упредил нас в концентрации войск, в создании мощных наступательных группировок и добился превосходства в силах и средствах на главных направлениях. Войска Красной Армии, не приведенные в боеготовность,

не заняли положенные им рубежи обороны, находились в лагерях, на полигонах, в стадии реорганизации, пополнения, передислокации и передвижения. Не будь этого, считает историк

В.А. Анфилов, даже при самом неудачном для нас развитии событий советские войска не отошли бы дальше Днепра^[61].

Однако при более глубоком рассмотрении причин катастрофы выясняется, что дело заключалось не только в просчетах, связанных с временем нападения. В своих записках, не вошедших в книгу «Воспоминания и размышления» и опубликованных сравнительно недавно, маршал Г.К. Жуков писал, что Сталин и «полностью согласное с ним» Политбюро не только ошиблись в своей оценке обстановки и всех прогнозах в отношении действий гитлеровской Германии («У Гитлера не хватит сил, чтобы воевать на два фронта, а на авантюру Гитлер не пойдет»), но и не приняли необходимого политического решения — разрешить высшему военному командованию заранее развернуть войска прикрытия в боевые порядки и создать на всех стратегиче-

ских направлениях группировки войск, способные отразить массированные удары германской армии. По этой же причине, по мнению маршала, не был осуществлен еще до войны — весной 1941 г. — столь необходимый перевод основной промышленности «на военные рельсы». Жуков не снимает вины за поражение и с военного руководства, но ошибки последнего, по его твердому убеждению, были производными от политических просчетов Сталина и возглавляемого им правительства^{62}.

Жуков также подчеркивал, что наши вооруженные силы в том состоянии, в котором они находились к началу войны, не могли отразить массированные удары германских войск и не допустить их глубокого прорыва. Отсутствовала надежная система ПВО страны, не имелось в достаточном количестве хорошо вооруженных и подготовленных танковых и механизированных соединений, слабо была развита бомбардировочная авиация, не уделялось должного внимания таким формам ведения войны, как оборона, не было сделано «надлежащих выводов из опыта начального

периода второй мировой войны» и, наконец, замечает маршал, он сам «не успел взять в руки» сложнейшее дело руководства Генштабом.

Приведенное мнение одного из наиболее информированных представителей советской военной элиты, который в январе — июле 1941 г. возглавлял Генштаб, свидетельствует о наличии серьезных разногласий перед войной между политическим и военным руководством Советского Союза. Если быть более точным, то, видимо, следовало бы говорить о полном отсутствии самостоятельности в действиях военного руководства страны, его абсолютной зависимости в принятии решений от политиков даже в тех случаях, когда эти решения касались военных аспектов. Многие конкретные предложения наркомата обороны и Генштаба не были приняты Сталиным своевременно, время оказалось упущенным, перестраиваться пришлось уже в ходе войны, неся большие потери. Начальный ход войны продемонстрировал советскому руководству многие просчеты предвоенной политики, в т. ч. в области военного строительства, но на

осознание этого факта также ушло время. Нужны были новые решения, принципиально пересматривающие всю стратегию войны.

Так, переход к стратегической обороне был осуществлен в период с 25 июня 1941 г. по конец месяца. Однако, как подчеркивают военные историки, мысль о переходе в контрнаступление «не оставляла Ставку Главного Командования еще несколько месяцев». Это проявилось и в ходе знаменитого Смоленского сражения. И только 27 сентября Ставка пришла к выводу о «неготовности» войск к серьезным наступательным операциям и приказала Западному фронту перейти к «жесткой упорной обороне»^{63}. До этого военное и политическое руководство страны не сомневалось в правильности советской военной доктрины, главным стержнем которой была идея «ответного удара» и теория глубокого боя, заслонившие для нашей армии вопросы обороны. Только война показала, чего стоила теория, разработанная советскими генштабистами до войны. Попытка Сталина переложить вину за катастрофу на командование Западного фронта, верхушка которого

была обвинена в измене и по приговору суда расстреляна через месяц после начала военных действий, свидетельствовала о чрезвычайной растерянности кремлевского правителя, его нежелании признать ошибки своей предвоенной политики.

Летняя катастрофа 1941 г. показала, что проводимые в СССР перед войной мероприятия по укреплению обороноспособности страны оказались *недостаточными*. Имеющиеся в распоряжении историков факты опровергают расхожую версию о «неожиданности нападения». Хотя немцы до последнего момента держали точную дату нападения в тайне, но, как считают многие историки, суммарный анализ всей информации, получаемой советской разведкой и ложившейся на стол Сталина, позволял сделать вывод о том, что германское руководство приняло политическое решение о нападении на Советский Союз. Эти историки полагают, что Сталин стоял перед проблемой не дефицита, а *избытка информации*, но по своей укоренившейся привычке никому не верить, маниакальной подозрительности он из всего потока сообщений брал

то, во что желал верить. Ему казалось, что без завершения войны с Англией Германия, боясь войны на два фронта, не нападет на СССР. Поэтому он стремился всячески избежать конфликта с Германией, не спровоцировать ее на агрессию, чем и объясняется его нерешительность^{64}.

Другие историки возражают: Сталин не шел на объявление всеобщей мобилизации до войны, т. к. в этом случае стал бы в глазах всего мира агрессором, что лишило бы СССР возможности создать антигитлеровскую коалицию и получить помощь от Англии и США. По их мнению, неправильно считать главной причиной катастрофы сталинское руководство, потому что были созданы и сосредоточены на западных границах в 1939–1941 гг. армии прикрытия, а в апреле-июне 1941 г. приняты дополнительные меры по повышению боеготовности Красной Армии. Поскольку фактически первым ударам войск агрессора 22 июня подверглись лишь 30 дивизий армий прикрытия из 237 дивизий западных приграничных округов и стратегического резерва, то ошибка Сталина заключалась лишь в пере-

оценке боеспособности наших войск, значительно превосходивших вермахт по числу дивизий и боевой техники⁽⁶⁵⁾.

Еще одна важная причина поражения — качество советского стратегического планирования перед войной. В соответствии с советским планом войны, войска первого стратегического эшелона должны были отразить первый удар врага и перенести действия на его территорию еще до развертывания наших главных сил и резервов. Этот план первоначальных боевых действий, по мнению военных историков, не учитывал того, что в первых кампаниях второй мировой войны (против Польши и Франции) немецкая армия наносила первый удар главными силами, сосредоточенными еще до начала вторжения. За счет высокой концентрации войск немцы создавали многократное превосходство в силах на направлении главных ударов. Советские же войска были растянуты по фронту и имели низкую оперативную плотность: вместо полагавшейся по Полевому уставу 1941 г. полосы обороны одной дивизии в 8–10 км, в действительности приходилось 40–60 км. Имен-

но это обстоятельство, т. е. *характер самого удара*, нанесенного *всей массой* немецких бронетанковых войск, по словам маршала Г.К. Жукова, не был предусмотрен ни Генштабом, ни наркоматом обороны. Раз не был предусмотрен такой удар, далеко не все было сделано для его отражения.

Военные историки также отмечают, что группировка советских войск на границе не носила ни наступательный, ни оборонительный характер, а оперативная готовность войск оценивалась командованием *без учета характера действий противника*, что не дало возможности «постепенно наращивать боевую готовность войск в зависимости от складывающейся обстановки на границе»^{66}.

Большинство историков сходятся на том, что одной из основных причин неудач Красной Армии в начале войны стало ослабление офицерского корпуса массовыми репрессиями. Погибли как «агенты иностранных разведок» и «враги народа» три маршала Советского Союза из пяти имевшихся в то время: в 1937 г. — М.Н. Тухачевский, в 1938 г. — В.К. Блюхер, в 1939 г. — А.И. Егоров. Из 16 коман-

дармов 1-го и 2-го рангов уничтожены 15; из 67 командиров корпусов — 60; из 199 комдивов — 136, погибли все 17 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов.

За 1936–1939 гг. было уволено из Красной Армии 42 575 человек начсостава, в т. ч. уволены «за связь с заговорщиками»: в 1937 г. — 11 104 человека, в 1938 г. — 3 580, в 1939 г. — 284 человека. Из числа уволенных к лету 1940 г. было восстановлено 12 461 человек. По подсчетам О.Ф. Сувенирова, общее число жертв в группе высшего (от бригадного, дивизионного, корпусного звена и выше) комначполитсостава РККА за 1936 — 1941 гг. составило 932 человека. *Красная Армия по существу была обезглавлена, считают историки.* Репрессии сопровождались публичным шельмованием, что приводило к подрыву авторитета и тех военачальников, которые не подвергались наказаниям. Была также нарушена преемственность между старой и новой военной элитой. Чистки командного состава Красной Армии, проведенные в 1936–1939 гг., не только обезглавили вооруженные силы, но и посеяли страх в офицерской среде.

Боязнь командиров принять на себя ответственность за самостоятельные решения делала нашу армию безынициативной, обрекала на поражение в отдельных сражениях даже при равенстве сил с немецкими войсками {67}.

Восполнить понесенные потери до начала войны было невозможно, а реорганизация и увеличение Вооруженных Сил перед войной создавали дополнительный некомплект в офицерских кадрах. За 1938 г. — июнь 1941 г. число стрелковых дивизий возросло с 96 до 198, а всего к началу войны в Вооруженных Силах имелось 303 дивизии. На должности выдвигались молодые, но малоподготовленные и не имеющие опыта руководства войсками кадры. Перед войной в сухопутных войсках в звене «округ — полк» в среднем 75% командиров и 70% политработников имели стаж работы в занимаемой должности до одного года. Красная Армия перед войной росла количественно, но в ущерб качеству, прежде всего офицерского и сержантского состава. В 1940–1941 гг. вновь были назначены на должности более 80% командующих окру-

гами, около половины — командующих армиями, примерно 70% — командиров корпусов и дивизий. Немецкие войска, в отличие от советских соединений, во всех звеньях имели хорошо подготовленный в теоретическом и практическом плане командный состав. Советско-финляндская война выявила серьезные провалы в подготовке командиров тактического звена, в том, что боевой подготовке бронетанковых войск и авиации Генштаб и наркомат обороны не уделяли должного внимания. Поэтому авиация и танковые войска не стали ударной силой, как в вермахте. Сказалось и отсутствие хорошо подготовленных штабистов.

Вопреки устоявшимся мнениям, представляется достаточно обоснованным вывод ряда историков о том, что ход приграничных сражений показал неготовность всех — от Ставки Верховного Главнокомандования до командиров тактического звена — к современной войне. Приказ Ставки во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи даже в условиях глубокого флангового обхода противника часто становился причиной того, что

целые группировки советских войск попадали под удары врага, что вынуждало их вести тяжелые бои в окружении, влекло за собой большие потери в людях и боевой технике, усиливало панические настроения в войсках. Отсутствовало, в отличие от вермахта, четкое взаимодействие на поле боя танков с пехотой, артиллерией и авиацией.

Мнение автора

Среди важнейших причин поражения Красной Армии летом 1941 г. укажем еще одну, которая, по нашему мнению, многое объясняет: массовая паника в войсках в начале войны. Свидетельства ее непосредственных участников, многочисленные советские и немецкие источники позволяют утверждать, что наряду с массовым героизмом были и массовые бегства с позиций, а в безвыходных ситуациях — сдача в плен или самоубийство. Рядовой красноармеец — вчерашний крестьянин или рабочий (по преимуществу тоже выходец из деревни) — осознавал: вся предвоенная пропаганда о мощи Красной Армии и нашей готовности к войне, о том, что в случае войны мы будем во-

евать «малой кровью на чужой территории», оказалась ложью. Наш солдат на своей шкуре почувствовал, что он не «атом» великой армии, имеющей осмысленную тактику и стратегию, но пушечное мясо в руках бездарных и растерянных военачальников. И тогда народ из всех причин военных неудач выделил одну, но, по его представлениям, главную — измена! И не где-нибудь, а в самих «верхах», в руководстве страной и армией. Каждое новое поражение усиливало эти панические настроения, с которыми не могли справиться ни особы, ни политорганы, ни заградотряды.

Положение усугублялось тем, что и командиры разгромленных частей и соединений Красной Армии, попавшие в окружение и пробивавшиеся к своим, находились под влиянием тех же настроений об измене и ничего не могли объяснить бойцам. Так, в авторской рукописи мемуаров маршала К. К. Рокоссовского, полностью изданной только в последние годы, немало страниц посвящено описанию состояния «шока», который испытали наши

войска летом 1941 г. и из которого не могли выйти «длительное время». В ноябре 1941 г. командир разгромленной советской дивизии Котляров, прежде чем застрелиться, оставил записку, в которой были такие слова: «Общая дезорганизация и потеря управления. Виновны высшие штабы. Отходите за противотанковое препятствие. Спасайте Москву. Впереди без перспектив». О сходных настроениях свидетельствуют документы, связанные с событиями 1941 г., в т. ч. с Московской битвой^[68].

Для основной армейской массы виновниками поражений являлись «высшие штабы», но и они на начальном этапе войны не представляли ясно сложившейся обстановки. К кому мог апеллировать Сталин? Кого обвинять в измене? Понятно, что не военных, в рядах которых он провел жестокую чистку буквально перед самой войной. Поэтому, ознакомившись с проектом приговора командующему Западным фронтом Д.Г. Павлову, Сталин сказал своему секретарю Поскребышеву: «Приговор утверждаю, а всякую чепуху вроде

“заговорщицкой деятельностью” Ульрих чтобы выбросил»^{69}.

Предатели

Коллаборационизм в СССР — один из наиболее спорных вопросов. Коллаборационистами называли лиц, сотрудничавших с фашистскими захватчиками в оккупированных ими странах во время второй мировой войны. Данная тема в советской исторической науке до конца 80-х гг. почти не затрагивалась. В обобщающих трудах кратко говорилось, что немецко-фашистские оккупанты лживой пропагандой стремились привлечь на свою сторону хотя бы часть населения захваченных районов, попытались создать местные марионеточные правительства и различные буржуазно-националистические организации. «Но фашистам не удалось обмануть советских людей. Изменников и предателей, шпионов и грязных авантюристов народ заклеил беспощадным презрением», — делали вывод советские историки^{70}.

Факты свидетельствуют, что немецкие войска, вторгшиеся в Прибалтику и на Украи-

ну, были во многих местах встречены доброжелательно, но очень скоро надежды жителей этих республик на самоопределение и собственную государственность оказались иллюзиями. Немецкая оккупационная политика была направлена на порабощение и эксплуатацию населения оккупированных территорий. Уже к концу 1941 г. в ведомстве рейхсфюрера СС Г. Гиммлера был разработан «Генеральный план Ост», предусматривавший немецкую колонизацию Центральной и Восточной Европы. В качестве предназначенных для этой цели территорий фигурировали оккупированные районы Польши, Прибалтийские республики, Белоруссия, ряд областей Украины, Ленинградская область и Крым вместе с землями в излучине Днепра. Из 45 млн. жителей перечисленных районов около 31 млн. объявлялись «нежелательными по расовым показателям». Они подлежали переселению в Западную Сибирь. Помимо насильственного выселения, сокращение коренного населения должно было осуществляться путем запланированного голода. Поселенческие опорные пункты начали создаваться на

Украине, в юго-западной части Литвы. Однако после Сталинградской битвы работа по реализации проекта прекратилась^{71}.

Немецкая оккупационная политика, сопровождавшаяся террором СС и полиции в отношении всех «враждебных рейху элементов», способствовала развитию партизанского движения даже в тех местностях, где до оккупации сохранялось лояльное отношение к немцам. В других регионах Советского Союза с самого начала развернулось широкое сопротивление.

Точных данных, относящихся к коллаборационизму и партизанскому движению, нет. По сведениям отечественных историков, до 1,3 млн. человек входили в состав 6 200 различных партизанских формирований. Основными районами широко развитого партизанского движения были Московская, Ленинградская, Калининская, Смоленская, Брянская, Орловская, Курская области, Белоруссия и Украина^{72}. Со второй половины 1942 г. для борьбы с партизанами немецкое командование задействовало до 10% всего состава сухопутных сил Германии, находившихся на во-

сточном фронте.

По официальным немецким данным, в начале 1943 г. в вермахте действовало до 400 тыс. так называемых *хиви* (добровольцев, коллаборационистов), около 70 тыс. бывших советских граждан находились в войсках службы по поддержанию порядка, примерно 80 тыс. — в восточных батальонах: грузинском, армянском, туркестанском, кавказском, прибалтийских и др.^[73]. По оценке председателя комиссии при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий А.Н. Яковлева, в немецкой армии служило не более 170 тыс. советских военнопленных. В германских частях, сформированных из пленных, костяк составляли сами немцы. Поэтому, полагает Яковлев, простое умножение количества соединений и частей на их штатную численность дает «совершенно неверную цифру участия советских военнопленных в боевых действиях против СССР». Однако, как считает сегодня большинство историков, проблема не исчерпывается одной арифметикой.

Итак, с одной стороны — более миллиона

советских людей, активно выступивших против немецкой оккупационной политики, а с другой, по уверениям многих историков, — «кучка предателей». Почему же в таком случае эта проблема продолжает по-прежнему занимать историков, а число посвященных ей работ превышает несколько сотен? И как в этом случае следует понимать доселе невиданный в новейшей российской истории социальный феномен?

Многие историки сходятся в том, что питательная среда предательства — военные поражения Красной Армии в 1941–1942 гг., способствовавшие депрессии, панике и подавленности. Огромное число военнопленных, голодный лагерный паек, не дававший шансов на выживание, вынуждал к сотрудничеству с немцами. Среди перешедших на сторону врага было немало убежденных противников советской власти, которые рассматривали войну как удобное время для сведения с ней счетов. Здесь было немало репрессированных военных, представителей Белого движения, раскулаченных, расказаченных, измученных людей России, дерзнувших в этот чер-

ный час поставить на «немецкую карту».

Немецкая пропаганда активно использовала в целях идеологической обработки то обстоятельство, что по советским законам попавшие в плен бойцы считались изменниками, дезертирами и подлежали суровой каре.

По утверждению западных историков, основанному на официальных докладах Международного Красного Креста, советское правительство «не пожелало» присоединиться к Гаагской (1907 г.) конвенции и «не подписало» Женевскую конвенцию 1929 г., в которой более четко были определены условия содержания военнопленных. Списки русских военнопленных передавались советскому правительству до осени 1941 г., а затем эта практика прекратилась, т. к. «советские власти неоднократно отказывались передать взамен списки немецких военнопленных»^[74].

Советское командование не вело специального учета пленных. Эти цифры скрыты в разделах отчетности «безвозвратные потери», в рубрике «пропавшие без вести». Как неоднократно заявлял Сталин, «в Красной Армии нет военнопленных. Есть только предатели и

изменники Родины». Военнослужащих, пробиравшихся в одиночку или малыми группами на соединение с частями Красной Армии, судили по статье 193 Уголовного кодекса РСФСР, как за самовольное оставление части или места службы, за побег из части, за самовольное оставление части в боевой обстановке. Большая часть офицеров, вышедшая из окружения, была осуждена военными трибуналами. Совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР от 28 июня 1941 г. предусматривал привлечение к ответственности членов семей заочно осужденного изменника Родины либо через военные трибуналы, либо через Особые совещания при НКВД СССР. После принятия 16 августа 1941 г. постановления ГКО и последовавшего за ним приказа № 270 наркома обороны Сталина ужесточились репрессии в отношении военнопленных и членов их семей. С конца 1941 г. для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии» стала создаваться сеть специальных лагерей, представлявших собой военные тюрьмы строгого режима.

Точные и достоверные данные о числе со-

ветских военнопленных в 1941–1945 гг. отсутствуют. Немецкая сторона называет цифру в 5,27 млн. человек, советская — 4,1 млн. человек. В 1941–1942 гг. по постановлению Государственного комитета обороны (ГКО) все бывшие военнослужащие, обнаруженные при освобождении оккупированной территории, направлялись в спецлагеря для фильтрации. Однако в связи с нехваткой людских ресурсов их стали использовать для пополнения войск. Так, 25 тыс. офицеров, оказавшихся в плену и окружении, были направлены в «штурмовые батальоны», дабы они искупили свою вину кровью. Офицеров использовали в боях до полного истребления «штурмового батальона», т. е. обрекали на верную гибель. Солдата, пробившегося из плена или окружения к своим, могли осудить на смертную казнь по подозрению в шпионаже, в дезертирстве и пр. Особые отделы расстреливали без суда и следствия всех подозреваемых и сомнительных лиц, вышедших из окружения и отставших от своих частей. Людей часто судили заочно, приговаривая к расстрелу лишь на основании ложных доносов и наговоров. Же-

стоким репрессиям подверглись члены семей «изменников Родины»: их ссылали в отдаленные местности СССР, приговаривали к длительным срокам лишения свободы. Именно такая участь постигла семью командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова.

В 1941–1945 гг. только военными трибуналами было осуждено 994 тыс. человек, из них приговорено к расстрелу 158 тыс. человек. Находясь в спецлагерях, бывшие военнопленные и «окруженцы» привлекались к принудительному труду в шахтах, рудниках, в металлургической промышленности, на лесозаготовках.

Мало изменилось отношение к бывшим военнопленным и репатриантам после завершения войны. Особое внимание обращалось на репатриантов, переданных союзниками. В них, как правило, власти видели агентов иностранных разведок. Из 5 млн. бывших военнопленных и репатриантов к концу 1945 г. было передано в спецлагеря НКВД более 600 тыс. человек; 1,2 млн. человек — в Красную Армию, главным образом, в запасные части, где режим полностью соответствовал ла-

герям НКВД^{75}.

Все репатрианты (военнопленные и гражданские лица) рассматривались как потенциальные враги Советского государства. Ограничивались районы их постоянного проживания, категорически запрещалось направлять их на жительство в Москву, Ленинград, Киев. Они становились на учет в органах НКВД — НКГБ и без санкции этих органов не имели права покидать место жительства. Они, как и члены их семей, были ограничены в праве на профессию, на выбор рода занятий, им была закрыта дорога в будущее.

Однако многочисленные документы, включая немецкие, свидетельствуют, что многие бойцы и командиры Красной Армии, несмотря на сложную, а порой безнадежную боевую обстановку, оказывали ожесточенное сопротивление германским войскам и попадали в плен, будучи ранеными, больными, лишенными продовольствия, боеприпасов. Об упорстве русских войск в обороне свидетельствуют и немецкие генералы^{76}.

Совершенно особым было отношение к тем, кто сотрудничал с немцами в годы вой-

ны. Наибольшую известность среди открытых противников советской власти приобрел попавший в плен летом 1942 г. командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов. Движение, которое он возглавил, стало называться его именем. История Власова крайне поучительна. По происхождению он из крестьян, кадровый военный, с 1939 г. — командир 99-й дивизии в Перемышле, с 1941 г. — командующий мехкорпусом во Львове, затем командующий 37-й армией. Во время Московской битвы командовал 20-й армией, войска которой отобрали у немцев Солнечногорск. По мнению командующего Западным фронтом Г.К. Жукова, с управлением войсками своей армии Власов «справляется вполне». В апреле 1942 г. он вступил в должность командующего 2-й Ударной армией на Волховском фронте. К этому времени армия находилась почти в полном окружении, в результате последующих боев была разгромлена. В июле 1942 г. Власов попадает в руки немецкого патруля и после коротких раздумий принимает решение о сотрудничестве с врагом. В специальном меморандуме он всю вину за

поражения Красной Армии возложил на Сталина и его режим, который, по мнению автора документа, держался на штыках НКВД. Для свержения правительства и создания «новой России» предлагалось создать из населения оккупированных областей и военнопленных «русскую армию», что должно было придать оппозиционному движению «характер законности, устранить мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных»⁽⁷⁷⁾. Более двух лет немцы активно использовали Власова в антисоветской пропаганде. Только коренное изменение на советско-германском фронте заставило немцев дать согласие на создание Русской освободительной армии (РОА). К апрелю 1945 г. были сформированы три дивизии (одна в полном составе). Войска РОА дважды участвовали в боях против советских войск — в феврале и апреле 1945 г. на Одере.

Надеясь на разрыв между СССР и западными державами, на признание последних и тем самым на спасение своей жизни, 1-я дивизия РОА, вопреки приказам немецкого командования, двинулась на юг. 6 мая 1945 г. главные силы власовцев вошли в Прагу и

вместе с чешскими повстанцами приняли активное участие в освобождении города от немецких войск. Когда стало ясно, что по взаимной договоренности союзников Прага будет занята советскими войсками, власовцы покинули город⁽⁷⁸⁾. Власов был захвачен советскими офицерами, а 2 августа 1946 г. «Правда» сообщила о судебном процессе над власовцами и о казни 12 человек, в т. ч. Власова.

Многие немецкие генералы считали, что если бы Гитлер вел войну против СССР как освободительную, а не как захватническую, это привело бы к крушению сталинского режима. Вопреки мнению отдельных влиятельных лиц в немецком военном командовании, считавших «формирование русской армии для борьбы против большевиков делом неотложно необходимым», Гитлер был решительно против этой идеи.

Первые документальные публикации о власовском движении появились в нашей стране в 1990–1991 гг. под такими названиями: «Иуды (власовцы на службе у фашизма)» и «Движение, которого не было, или История власовского предательства». Эта позиция оте-

чественной историографии имеет своих многочисленных приверженцев и в наши дни. Так, в книге известного дипломата Ю.А. Квицинского, написанной, по словам ее автора, на «основе подлинных документов», в уста Власова вложены следующие слова: «Все потому, что в своей стране, в себе самом усомнился. Ведь отчего я в плен решил сдать? Думал, что победит Германия. Идиот! Правда, таких идиотов много. Все они нынче вокруг меня собрались»^{79}. В подтверждение данного тезиса Квицинский создает соответствующий психологический портрет Власова — изменника и предателя.

По мнению официальной отечественной исторической науки, генерал Власов использовался вермахтом в пропагандистских целях при формировании частей добровольцев. Кроме пропагандистской функции, ни он, ни созданная под его началом «армия» не играли никакой существенной роли. Отвергались и попытки представить Власова и его сподвижников «стойкими народными борцами против сталинизма»^{80}. В последние годы данный подход пересматривается: коллаборационизм

изучают как сложное социальное явление, вызванное, в частности, отношением сталинского политического режима к своим гражданам в годы войны. В четырехтомном исследовании об Отечественной войне 1941–1945 гг. подчеркивается, что в сотрудничество с врагом были вовлечены «представители всех слоев советского общества»^{81}. В отечественной литературе также сделаны попытки рассмотреть идеологию власовского движения, которая, по мнению ряда историков, «настолько напугала лидеров Советского Союза, что изучалась в ходе следствия во всех аспектах»^{82}.

В зарубежной историографии начало изучению проблемы положила опубликованная в 1948 г. работа видного меньшевика и историка Б.И. Николаевского. По его мнению, на всем протяжении многовековой истории России не было войны, во время которой вскрылась бы такая степень отсутствия внутреннего единства страны, как в Отечественную войну 1941–1945 гг. Показателем этого стало пораженческое движение, к которому он относил и власовское. Большевизм, убив демо-

кратию, убил и порожденные ею формы гражданственности, в результате чего между властью и народом сложились новые формы отношений — «звериная борьба большевистской власти против народа». Война придала этим формам характер открытого противостояния, что выразилось в массовости перехода советских военнопленных на сторону врага. Работа Николаевского основывалась на официальных документах и на личных свидетельствах граждан — участников событий⁽⁸³⁾.

Тема породила длительный спор. Одни считали, что спорить не о чем — поскольку эти люди воевали против СССР на стороне его врага, они были изменниками. Другие возражали: те, кто присоединился к антисталинским силам, были движимы патриотическими чувствами и остались верными если не правительству, то своей Родине. Как всегда, аргументов советской стороне никогда не хватало. Основной целью было морально уничтожить личность Власова в расчете на то, что вслед за этим заявленная им политическая идея провалится сама. Однако, как подчеркивают многие историки, тезисов по-

литической программы Власова, провозглашенных в Смоленском обращении 1942 г. и Пражском манифесте 1944 г., советская пропаганда как бы не заметила.

В Пражском манифесте ставилась цель общей борьбы против большевизма: свержение «сталинской тирании», освобождение народов России от большевистской системы и «возвращение им прав, завоеванных народом в революции 1917 г.»; прекращение войны и заключение «почетного мира с Германией»; создание новой «свободной государственности без большевиков и эксплуататоров». Решительность, с которой Гитлер парализовал деятельность русского генерала, убедительно опровергает, по мнению Й. Хоффманна, версию о Власове как о «фашистском наемнике и лизоблуде»^[84].

Другой зарубежный исследователь данной темы Е. Андреева в своей книге рассматривает военную оппозицию Сталину как «неотъемлемую часть истории общественной русской мысли пореволюционного времени». Она определяет Пражский манифест, выпущенный осенью 1944 г. Власовым и его сорат-

никами, как обращение ко всем русским людям с разъяснением целей своего движения, как призыв к объединенной борьбе против коммунизма. Большинство лидеров власовского движения, замечает Андреева, сами являлись порождением советского строя, против которого воевали, и это обстоятельство роднит русское освободительное движение с Кронштадтским восстанием 1921 г.^{85}

Один из знатоков данной проблемы О. Красовский рассматривал ее в контексте изменения характера Отечественной войны 1941–1945 гг. По его мнению, на первом этапе войны — с июня 1941 г. до зимы 1941/42 гг. — причины поражения Красной Армии, наряду с официально признанными российской стороной, заключались в «нежелании армии воевать», что обуславливалось внутривнутриполитическим положением страны накануне войны и морально-политическими факторами, влиявшими на сознание, волю и поведение подавляющего большинства народа, а следовательно, и армии. Начало войны было воспринято народом как «переход идеологического и политического конфликта между фашизмом и

коммунизмом в военную схватку», которая «не обязательно затрагивала историческую судьбы страны». По этой причине, утверждал Красовский, часть общества, «ненавидящая сталинскую диктатуру», восприняла войну как сигнал о «предстоящем свержении советской власти», а другие были повергнуты в страх. Этот раскол породил и разную реакцию от проявления твердой воли к сопротивлению, борьбе не на жизнь, а на смерть до парализующего страха. Отсюда сдача в плен врагу, встречи оккупантов «с хлебом и солью», стихийное формирование добровольческих отрядов из местного населения для освобождения страны от коммунизма. Однако знакомство на практике с немецкой оккупационной политикой привело к серьезному «психологическому сдвигу» в душах и сердцах многих людей, думающих, что «хуже коммунизма ничего быть не может». Былые обиды забылись, доминирующей стала мысль о «первостепенности задачи уничтожения вторгнувшегося в страну внешнего врага». Таким образом, возникла «морально-психологическая основа для превращения войны в Великую Отече-

ственную». Помимо осуществления «жесточкой и глупой политики немецких оккупационных властей», считал Красовский, все большее число добровольцев осознавало, что они, осуществляя волю политического руководства Германии, «борются в сущности не с коммунизмом, а с Россией». Это имело огромное психологическое значение, приводило к возникновению у добровольцев внутренних конфликтов, появлению разочарования, чувства вины перед собственным народом^[86].

Людские потери

Проблема людских потерь принадлежит к числу самых важных, трудных и запутанных проблем нашей истории. Ее изучение осложнялось тем, что вплоть до 90-х гг. важнейшие архивные документы были недоступны историкам и общественности. Сказался и политический момент: если раньше потери преуменьшались, то в годы перестройки получила широкое распространение версия о «чрезмерной цене» победы СССР в этой войне. Некоторые историки поторопились даже назвать победу «пирровой».

Первая оценка потерь принадлежит Сталину, который в 1946 г. заявил корреспонденту газеты «Правда», что в результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также из-за немецкой оккупации и утона советских людей на немецкую каторгу около 7 млн. человек. Как считают современные ученые, в СССР к этому времени Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) завершила подсчеты потерь мирного населения на оккупированных территориях, которые оценивались в 11,3 млн. человек. Кроме того, погибло пленных 4,9 млн. человек. Сталин знал результаты работы ЧГК, как знал он, считают историки, и о потерях Вооруженных Сил^{87}.

Вопрос о людских потерях за годы второй мировой войны был предметом специального рассмотрения на заседании Президиума ЦК КПСС 14 ноября 1956 г. В записке начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского в ЦК КПСС сообщалось, что «по расчетам ЦСУ убыль населения СССР за годы войны в результате потерь Советской Армии, истребления советских людей оккупантами и превышения

смертности над рождаемостью составила более 20 млн. человек»⁽⁸⁸⁾. Эта цифра и была озвучена Н.С. Хрущевым. Последняя официальная оценка, опубликованная в «Известиях» 9 мая 1990 г., — 27 млн. человек. Среди отечественных историков разброс оценок людских потерь СССР в войне составил от 25–30 млн. человек (А.Я. Кваша, Л.Л. Рыбаковский, А.М. Самсонов и др.) до 43–44 млн. человек (И. Курганов, Б.В. Соколов). К настоящему времени благодаря огромной работе и усилиям многих ученых вопрос о потерях в рядах Советских Вооруженных Сил и среди гражданского населения можно считать в основном решенным.

Демографическая наука использует следующую классификацию видов потерь: «безвозвратные» потери включают убитых, умерших от различных причин, пропавших без вести и попавших в плен; к «санитарным» потерям отнесены все раненые, больные, обожженные, контуженные и др., т. е. все случаи госпитализации⁽⁸⁹⁾. К «демографическим» потерям отнесены все случаи смерти независимо от причин, а также люди, не вернувшиеся из

плена.

Как правило, российские ученые общую оценку потерь проводят за период с конца июня 1941 г. по конец 1945 г., что позволяет учесть число смертей раненых в госпиталях и основную массу репатриированных в СССР военнопленных и перемещенных лиц из числа гражданского населения, а также репатриацию из СССР граждан других стран. Ввиду того что довоенные и послевоенные границы СССР несколько различались, оценка потерь проводилась в границах 1946 г.^{90}

За все годы войны по докладам войск безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил составили 11,9 млн. человек. Однако при освобождении захваченной немцами территории Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики вторично были призваны 939,7 тыс. человек. Это были люди, ранее попавшие в окружение, о которых по документам было доложено как о пропавших без вести. По окончании войны вернулось из плена — по данным органов репатриации — 1,8 млн. человек. Таким образом, фактическое число демографических потерь Советских Вооружен-

ных Сил равняется 9,2 млн. человек: 11,9 млн. человек минус 939,7 тыс. и минус 1,8 млн. Безвозвратные потери немецких войск составили 6,9 млн. человек, что опровергает тезис о «пирровой» победе СССР⁽⁹¹⁾.

Безусловно, приведенные выше расчеты ученых носят приблизительный характер. В обстановке первых месяцев войны, самых тяжелых по потерям для Красной Армии, погребение убитых советских воинов проводилось во многих случаях неудовлетворительно. Зачастую труп погибшего красноармейца было невозможно опознать из-за отсутствия при нем документа, удостоверяющего личность. Подобное стало возможным потому, что по приказу наркома обороны в 1940 г. красноармейские книжки для рядового и младшего начсостава действующей армии были отменены. Книжки вновь стали вводиться в 1942 г. Тогда же в действующей армии появились специальные медальоны с данными о владельце и сведениями о его ближайшем родственнике (с указанием адреса последнего). О неудовлетворительном персональном учете безвозвратных потерь на фронте говорилось

в приказе наркомата обороны весной 1942 г. {92} Также не было централизованного учета погибших и пропавших без вести партизан и подпольщиков. Санитарные потери по донесениям войск составили 18,3 млн. человек.

Не меньшие трудности возникают при определении потерь среди гражданского населения. Возвращение людей из плена и из эвакуации, насильственная высылка отдельных народностей в другие районы страны (по приказу Сталина), демобилизация воинов — все это происходило на фоне ослабленной, разрушенной системы учета, чем объясняется скудость и противоречивость официальных данных. Сотни тысяч беженцев из районов, попавших под немецкую оккупацию, эшелоны на запад и эшелоны на восток... Историкам не просто разобраться в этих потоках.

По расчетам демографов, суммарно все людские потери составили 26,6 млн. человек. Если из этой цифры вычесть фактическую численность людских потерь Советских Вооруженных Сил в 9,2 млн., то общие потери гражданского населения составят 17,4 млн. человек. Разумеется, данная оценка россий-

ских ученых также носит приблизительный характер^{93}.

В целом по отношению ко всему населению СССР в начале войны (196,7 млн. человек) общие людские потери составляют около 12%. Сопоставим эти оценки с потерями населения стран, принимавших участие во второй мировой войне. Потери населения Германии составили от 9 до 19% (в зависимости от того, о каких границах этого государства идет речь); Японии — 3,4%; Великобритании — 0,9% от общего числа жителей до войны; США — 0,3%. Сильно пострадали от немецкой оккупации Польша, лишившаяся 6 млн. своих жителей (17,2%), и Югославия — 1,7 млн. (около 11%)^{94}.

Глава 4. ПО ЛОГИКЕ БОРЬБЫ

Дорога ложка к обеду

Вопрос о том, какую роль сыграла в укреплении обороноспособности помощь наших союзников, каким был вклад ленд-лиза в разгром нацизма, по-прежнему остается одним из наиболее дискуссионных.

В советской исторической науке неоднократно подчеркивалось, что только общественная собственность на средства производства и плановое руководство народным хозяйством «дали возможность в кратчайший срок поставить экономику на службу интересам обороны», в течение года осуществить перевод народного хозяйства на военный лад и к середине 1942 г. не только восстановить, но и превзойти утраченные мощности военной промышленности^[95]. Заместитель Сталина по экономике, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский в своей книге утверждал, что в военные годы в Советском Союзе сохранялись «высокие темпы рас-

ширенного воспроизводства военной экономики», которые выразились в росте совокупного общественного продукта, в увеличении действующих средств производства, росте рабочего класса и фонда его заработной платы, непрерывном росте капитальных вложений. Он также сообщил, что удельный вес поставок союзниками промышленных товаров в нашу страну в сравнении с размерами выпуска этой продукции в социалистическом общественном производстве СССР составил лишь около 4%. Обеспечить «независимость военной экономики» и достичь победы удалось, как утверждал Вознесенский, только благодаря преимуществам плановой советской экономики, позволившим осуществить перераспределение народного дохода, общественного продукта, материальных фондов и рабочей силы «в пользу Отечественной войны». Решение этой задачи было не под силу капиталистическим странам, включая США^{96}.

В западной историографии эти положения подвергаются серьезной критике. Так, основываясь на цифрах официальной советской статистики, П.Л. Кованьковский пришел к

выводу, что «под давлением пятилеток из населения и производительных сил страны ежегодно извлекалось все, что можно было взять». Поэтому, когда грянула война, несмотря на большие запасы вооружения, которые следовало пополнять в ходе войны, государственная промышленность СССР уже была «доведена до максимального напряжения», а потому не могла «расширять свои пределы по мере надобности». По его мнению, СССР исчерпал свои ресурсы до войны, находясь постоянно в «состоянии вооруженного мира». Чтобы ликвидировать недостаток финансовых средств, СССР был вынужден усилить прямое обложение. Налог с холостяков «не помог делу», и тогда ввели очень тяжелый поголовный военный налог⁽⁹⁷⁾.

Современные исследователи, основываясь на рассекреченных данных, считают, что в 1941 г. и в начале 1942 г. военная экономика СССР *не могла* удовлетворять потребности Красной Армии в боеприпасах, артиллерии, танках, грузовиках. Только к концу 1942 г. положение стало выправляться. В СССР за 1941–1942 гг. производство вооружения росло

так: стрелковое оружие — с 1,7 до 5,9 млн. единиц; танков — с 4,7 до 24,5 тыс. единиц; орудий и минометов — с 53 до 287 тыс. единиц; самолетов — с 11,5 до 25,4 тыс. единиц^{98}.

Сказались и большие потери советских войск в боевой технике. Осенью 1941 г. оборонные предприятия Украины, Белоруссии и частично России эвакуировались в восточные районы страны и Среднюю Азию. Все это, безусловно, стало одной из главных причин наших поражений в 1941–1942 гг. Об остроте положения свидетельствует сталинская реплика во время встречи с доверенным лицом американского президента Г. Гопкинсом летом 1941г.: «Дайте нам зенитные орудия и алюминий, и мы сможем воевать три-четыре года»^{99}.

В результате немецкой оккупации к ноябрю 1942 г. численность работающего населения страны сократилась с 85 до 53 млн. человек. Красная Армия выросла примерно на 7 млн. человек. Все эти обстоятельства, отмечают современные историки, привели к увеличению продолжительности рабочего дня, вовлечению в промышленное производство

подростков, женщин, лиц старших возрастов. Оборонные отрасли развивались за счет катастрофического падения производства в гражданских отраслях, в первую очередь сельского хозяйства. Это неизбежно вело к снижению норм потребления, недоеданию, падению производительности труда¹⁰⁰.

Таким образом, в 1941–1942 гг. советская экономика столкнулась с огромными трудностями, включая проблему быстро уменьшающейся ресурсной базы. В этой связи оценка помощи союзников является актуальной. По мнению многих историков, следует учитывать, что на протяжении всей войны советская экономика работала в сверхнапряженном режиме. Продовольственные пайки рабочих и служащих постоянно урезались. Возможно, не будь иностранной помощи, произошел бы экономический упадок, сказавшийся бы и на положении на фронте.

Второе важное обстоятельство: ленд-лизинговая техника составляла весьма значительный процент. В частности, по автомобилям — около 70%, по танкам — 12%, по самолетам — 10%, в т. ч. морской авиации — 29%.

Некоторые виды техники — десантные суда, неконтактные тралы, отдельные образцы радиолокационной и гидроакустической аппаратуры — в СССР в годы войны не выпускались вообще. Стоимость помощи оценена в 11,3 млрд. долларов, в т. ч. 9,8 млрд. долларов — из США. Четверть всех грузов составила продовольствие. По подсчетам М.Н. Супруна, на начальном этапе войны западные поставки смогли восполнить 40% потерь Красной Армии в самолетах и около 30% в танках, а в сентябре 1942 г. — в самый критический момент Сталинградской битвы — на четыре месяца ранее запланированного было возобновлено движение северных морских конвоев. Поставок самолетов союзников в ходе коренного перелома в войне хватило, чтобы восполнить потери советской авиации во всех основных сражениях от Сталинградской битвы до Курской. Благодаря союзным поставкам на заключительном этапе войны нам удалось создать «еще два флота, равные по составу Северному и Тихоокеанскому»^{101}.

Для перевозки ленд-лизовских грузов в Советский Союз использовались три основных

океанских маршрута: через Северную Атлантику (так называемые северные конвои), через Южную Атлантику — Персидский залив — Иран, через Тихий океан. При этом были тяжелые людские потери и утраты техники. Только на Северном морском пути погибло около 100 транспортных судов и около двух десятков боевых кораблей.

Дружба с дьяволом

Как считает сегодня большинство историков, до победы в Московской битве Советский Союз как реальная политическая и военная сила на мировой арене *не рассматривался*. Летом — осенью 1941 г. Сталин неоднократно обращался к английскому правительству с предложением открыть второй фронт в Европе. У СССР были все основания настаивать на скорейшем открытии второго фронта, поскольку 70% наиболее боеспособных и технически оснащенных немецких соединений находились на советско-германском фронте.

7 декабря 1941 г. Япония без объявления войны напала на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор, расположенную на Га-

вайских островах. 8 декабря США объявили войну Японии. То же самое сделала и Англия. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. Зона второй мировой войны значительно расширилась. Вступление в войну Соединенных Штатов с их мощной военно-экономической базой создавало реальные возможности для организации наступательной военной кампании на Западе.

Американский президент Ф. Рузвельт во время второй мировой войны любил повторять: «Дети мои, когда вам грозит большая опасность, дружите хоть с дьяволом, пока не преодолеете ее». Сходных воззрений на союз с СССР придерживался и английский премьер-министр У. Черчилль^{102}.

Еще накануне второй мировой войны в США стали складываться контуры будущей внешней политики, направленной не только на подчинение всего Западного полушария, но и на установление мировой американской гегемонии. Тем самым германской геополитике с определенного момента противостоял американский глобализм. Уже в начале 1941 г. США располагали гитлеровской директивой

«Барбаросса», что позволило правительству страны серьезно скорректировать всю американскую политику: 11 марта 1941 г. конгресс США принял закон о ленд-лизе, по которому правительство имело право передавать займы или в аренду другим государствам различные товары и материалы для обороны, если оборона этих государств являлась «жизненно важной» для обороны США; в мае 1941 г. в США вводится «неограниченное чрезвычайное положение»; в августе того же года конгресс принимает закон, позволяющий американской армии направлять свои части на заморские территории. Общая численность сухопутных сил США возросла за 1939–1941 гг. с 390 тыс. человек до 1,5 млн.^{103}

Правы те историки, которые утверждают, что «вторая мировая война так и осталась в практике ее участников сводом национальных войн, сгруппированных в коалиции по признакам сравнительной близости актуальных интересов». Исчезли общие интересы — распалась и коалиция^{104}.

Американская сторона еще в 1942 г. знала, что русские армии уничтожают больше сол-

дат государств «оси» и их боевой техники, чем остальные 25 объединенных в антигитлеровскую коалицию наций. Поэтому, отмечают российские историки, для Рузвельта важно было выиграть войну пусть при огромных материальных затратах, но сравнительно небольших человеческих жертвах с американской стороны. США нуждались в советских солдатах, чтобы победить немецкие и японские войска.

Глобальные национальные интересы США были четко определены в англо-американской декларации, получившей название «Атлантическая хартия» (14 августа 1941 г.): общая безопасность, полная свобода и единый мировой рынок. Право на самоопределение для всех народов и осуществление изменения границ только с согласия тех, кого это касается, должны обеспечить полную свободу наций. Свободный доступ всех наций к мировой торговле и сырьевым ресурсам Земли, свобода мореплавания обеспечивают единство мирового рынка. Отказ от насилия, нерушимые границы, разоружение агрессивных наций, а также широкая и прочная система междуна-

родной безопасности сделают безопасность общей. Однако в тексте документа не было ни слова о Советском Союзе и советско-германском фронте^{105}.

В сентябре 1941 г. советское правительство выразило свое согласие с основными принципами хартии, подчеркнув, что практическое воплощение их должно соотносываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны. 1 января 1942 г. 26 государств антифашистской коалиции подписали декларацию, по которой обязались использовать все свои военные и экономические ресурсы для борьбы против фашистского блока. Эти государства, а также страны, впоследствии присоединившиеся к ним, стали называться «Объединенными нациями».

Правительство СССР стремилось к конкретизации соглашений. С этой целью в Москве (сентябрь — октябрь 1941 г.) проводилась конференция трех держав — СССР, США и Англии, на которой обсуждались вопросы о помощи СССР со стороны союзников и о взаимных поставках. Однако закон о ленд-лизе был

распространен на Советский Союз только в ноябре 1941 г., а сами поставки в нашу страну на начальном этапе войны проводились союзниками нерегулярно и в незначительных размерах^{106}.

При Сталине историки подчеркивали тот факт, что Советский Союз вел тяжелую войну один против всего фашистского блока государств, поскольку второго фронта в 1941 г. в Европе не было. А в 1942 г. правящие круги США и Англии не открывали второй фронт в Европе потому, что «не желали полного разгрома фашистов». В этот период военные усилия Англии сосредоточиваются в Средиземноморье. У Соединенных Штатов в 1942 г. была своя стратегия — «Тихий океан прежде всего». Для США тогда главным противником была не Германия, а Япония, продвижение которой на юго-запад Тихого океана следовало остановить. Именно на Тихом океане была сосредоточена самая крупная военная группировка Соединенных Штатов^{107}.

Что же касается советско-германского фронта, то американцы считали необходимым оказывать помощь СССР не для того, что-

бы обеспечить русскую победу, а для того, чтобы удерживать Германию связанной до тех пор, пока их собственный вес не станет решающим. Не случайно в ответ на запрос советского посла американский президент заявил летом 1942 г., что все «обстоит хорошо», поскольку Красная Армия «успешно уничтожает немцев». Он также добавил, что второй фронт будет открыт, но не назвал конкретных сроков^{108}.

Несмотря на задержку союзников с открытием второго фронта в Европе, Сталин в своей речи 6 ноября 1942 г. отмечал как свершившийся факт образование «лагеря англо-советско-американской коалиции», получившей впоследствии название антигитлеровской. Через год в своей речи он отмечал, что хотя «нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт», но «это все же нечто вроде второго фронта». После высадки десанта союзников в Северной Франции в июне 1944 г. Сталин оценил ее как блестящий успех, отметив, что «история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла,

грандиозности масштабов и мастерству выполнения»^{109}.

Окончательно политическое решение об открытии второго фронта в Европе Рузвельт и Черчилль приняли в августе 1943 г. на Квебекской конференции. Начало операции «Оверлорд» намечалось на 1 мая 1944 г. С американской точки зрения, средиземноморская стратегия Черчилля, которую поддерживало правительство США до середины 1943 г., исчерпала себя. Второй фронт на Западе, утверждают многие историки, давал Америке возможность не допустить Красную Армию в жизненно важные районы Рура и Рейна. Как пишут американские историки, второй фронт был необходим для того, чтобы дать США сильную позицию для переговоров на послевоенной мирной конференции и ограничить контроль СССР над Европой вне зависимости от того, будут ли советско-американские отношения после окончания войны дружественными. Без проведения крупной операции в Северной Франции, предупреждали президента Рузвельта члены американского правительства, «мощь и престиж СССР будут

настолько велики, что какое-либо противодействие советской политике со стороны США окажется невозможным»^{110}.

За семь месяцев союзные войска почти полностью освободили Францию и Бельгию от немецких оккупантов. К концу 1944 г. гитлеровскому командованию удалось восстановить западный фронт, создать оперативные резервы и подготовить наступление в Арденнах. Однако по-прежнему советско-германский фронт оставался главным фронтом второй мировой войны. Как заметил в июле 1944 г. фельдмаршал Э. Ром-мель, для немцев «куда важнее остановить русских, чем удерживать англо-американцев от прорыва в Германию»^{111}.

Наиболее последовательным оппонентом советской точки зрения на проблему второго фронта был У. Черчилль. В своем многотомном труде он писал, что русские начиная с лета 1941 г. постоянно требовали от «измученной и сражающейся Англии» высадки англичан в Европе, любой ценой и не взирая на риск, с целью создания второго фронта. Русские никогда не понимали всех трудностей,

связанных с успешным проведением десантной операции, замечает в этой связи Черчилль. По его мнению, у союзников в тот момент отсутствовали такие важные факторы, как господство на море и в воздухе, в самой Англии не было нужной армады десантных судов и крупной, хорошо обученной и оснащенной армии, способной противостоять вермахту. Но ему никогда, как он пишет, не удалось убедить Сталина в правильности своей точки зрения — ни в переписке, ни при личных встречах. Черчилль утверждал, что ни политики, ни военные не могли наметить какой-то осуществимый план форсирования Ла-Манша и высадки во Франции раньше конца лета 1943 г. Дальнейшее ухудшение союзнических отношений в 1944–1945 гг. Черчилль объяснял переменой в политике, определяемой «гегемонистскими устремлениями» Сталина, а также тем обстоятельством, что немецкое сопротивление на западном фронте носило пассивный характер, в отличие от боевых действий на восточном фронте. По этой причине, полагал он, союзники должны были встретиться «с русскими армиями как можно

дальше на востоке» и, если позволят обстоятельства, вступить в Берлин”²{112}.

Отмечая наличие коренных разногласий между союзниками на завершающем этапе второй мировой войны, нельзя отрицать и реализм политики Сталина, Черчилля, Рузвельта. В соответствии с подписанным летом 1945 г. в Сан-Франциско Уставом Организации Объединенных Наций перед народами и их правительствами ставилась задача «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Провозглашалась недопустимость агрессии и невмешательство в чужие дела. Члены ООН обязались развивать дружественные отношения, основанные на принципах суверенного равенства всех стран.

Однако, как справедливо подчеркивают современные западные историки, создание двух центральных органов ООН — Ассамблеи и Совета Безопасности, в котором пять постоянных членов (СССР, США, Великобритания, Франция и Китай) имели право вето, формально являлось «компромиссом между двумя концепциями: союза народов (одна нация — один голос), с одной стороны, и приви-

легированным положением отдельных избранных наций — с другой»^{113}. Таким же компромиссом, по мнению этих историков, являлось и решение союзников (фактически согласившихся на присоединение к СССР Прибалтийских государств, передвижение границ Польши на запад за счет немецких земель) на расчленение Германии в результате ее оккупации войсками союзных держав.

Вероломство союзников

Советские историки отмечали, что на заключительном этапе войны цели союзников разошлись и что «правлящие круги империалистических держав Запада взяли курс на развал антифашистской коалиции и вероломное нарушение своих союзнических обязательств по отношению к СССР»^{114}. Под последним подразумевались попытки некоторых представителей нацистской верхушки заключить сепаратный мир с англичанами и американцами.

Российские историки указывали, что «очень уязвимым местом» антигитлеровской коалиции являлось то, что Советский Союз

был «настоящим политическим и идеологическим антиподом» для всех других союзных государств. Как свидетельствуют факты, после форсирования (в начале марта 1945 г.) Рейна союзными армиями немецкие войска сотнями тысяч без боя сдавались англо-американским войскам, но продолжали ожесточенное сопротивление на восточном фронте. Только за период с 1 по 18 апреля союзники взяли в плен 317 тыс. солдат и офицеров вермахта. Это дало Сталину основание заявить союзникам, что немцы на западном фронте «на деле прекратили войну против Англии и Америки», что немецкое командование согласилось «открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска»^{115}.

В марте 1945 г. в Цюрихе состоялись переговоры представителей немецкой и американской сторон, а посредником в этих переговорах выступала шведская сторона. Известно также о переговорах Гиммлера с США и Англией в апреле 1945 г. (это было показано в знаменитом советском сериале «Семнадцать мгновений весны»). Подобные действия являлись прямым нарушением союзнических со-

глашений. Еще в июле 1941 г. по инициативе Сталина в текст советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии был включен пункт о незаключении сепаратного мира обеими сторонами. В последующем это обязательство вошло во все основополагающие документы союзников по антигитлеровской коалиции, включая декларацию 26 государств.

В западной историографии делались неоднократные попытки обвинить Советский Союз в контактах с нацистской стороной, которые якобы состоялись еще в марте и декабре 1942 г., а затем имели продолжение в 1943 г. Однако никаких достоверных документальных подтверждений не приводилось^[116]. Если о переговорах Англии и США с фашистской Германией известно немало, то об аналогичных действиях со стороны СССР — почти ничего. В 1953 г. после ареста Л.П. Берии, в ходе сбора компрометирующих данных на бывшего всеильного министра генерал-лейтенант НКВД П.А. Судоплатов сообщил членам Президиума ЦК КПСС о том, что в начале войны он получил от Берии санкционированное совет-

ским правительством задание — «неофициальным путем выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских войск»⁽¹¹⁷⁾. Советское руководство, если верить письменному свидетельству Судоплатова, представленному в Совет Министров СССР 7 августа 1953 г., было готово пойти на территориальные уступки не меньшие, чем были сделаны Германии в 1918 г. по Брестскому миру. Уже в 90-е гг. в своих мемуарах Судоплатов утверждал, что это был со стороны СССР маневр, дезинформация, чтобы «выиграть время для собирания сил, помешать дальнейшему продвижению германских войск». Именно такой линии защиты против обвинения в попытке «вступить в створ с немецко-фашистскими захватчиками» держался якобы в своих показаниях на суде Берия⁽¹¹⁸⁾. По мнению отечественных историков, сообщение Судоплатова является едва ли не единственным документальным свидетельством на тему «компромиссного мира» между СССР и Германией на начальном этапе войны, поскольку все остальные советские

свидетельства носят косвенный характер^{119}.

В отечественной исторической науке преобладает точка зрения, что лейтмотивом действий США и Англии в 1944–1945 гг. было «опередить русских». Поэтому вместо координации действий союзников на западном и восточном фронтах против Германии правительства США и Англии осуществляли контрдействия, главной целью которых была безоговорочная капитуляция Германии перед указанными державами, а не перед антигитлеровской коалицией в целом. Лондон и Вашингтон, писал В.М. Фалин, «лелеяли надежду, что Германия рухнет, не успев расписаться в капитуляции, что распад рейха, режима и армии начнется с Запада и, в отсутствие твердых договоренностей с советской стороной о разграничении сфер ответственности, о политических ориентирах послевоенного сотрудничества или хотя бы способах мирного сосуществования, это освободит США и Англию от необходимости уважать интересы Советского Союза, вклад советского народа в победу»^{120}.

Глава 5. ИСТОЧНИКИ ПОБЕДЫ

Разрушение мифов

Советские историки рассматривали победу как закономерное следствие «великой жизненной силы советского строя, его превосходства над отживающим свой век строем капитализма», а важнейшим фактором этой исторической победы — «мудрую политику Коммунистической партии»^{121}. По существу данная оценка повторяла сталинские установки, включая его знаменитую речь перед избирателями 9 февраля 1946 г. Эта идеологическая версия просуществовала практически до конца 80-х гг., о чем свидетельствует речь М.С. Горбачева, посвященная юбилею Победы^{122}.

Однако затем под напором новых фактов, рассекреченных архивных документов, в обстановке гласности, когда на страницах печати и в других средствах массовой информации участники войны стали делиться воспоминаниями, вырисовывалась иная картина.

Тогда произошло разрушение прежних идеологических мифов. Создание штрафных батальонов и рот, действия заградительных отрядов, особых отделов НКВД и военной контрразведки СМЕРШ, военных трибуналов, ужасное правовое положение пленных красноармейцев, командиров, политработников и членов их семей, случаи массового перехода солдат и офицеров на сторону врага, жизнь населения оккупированных территорий, которое после освобождения осталось под постоянным подозрением советской власти, — все эти факты разрушали миф о «морально-политическом единстве советского народа» как важнейшем факторе нашей победы в войне.

Более пристальному изучению подвергся и феномен патриотизма, являющийся, по определению историков (как российских, так и западных), движущей силой храбрости, мужества, стойкости и самопожертвования народов Советского Союза во время войны, на фронте и в тылу. Отечественные историки писали о советском патриотизме, воспитанном в народе Коммунистической партией, а западные делали упор на традиционный рус-

ский патриотизм («великорусский национализм»), ставший, по их мнению, мощным элементом сталинской политики еще с предвоенных времен.

За счет чего Советский Союз одержал победу в войне? На смену прежним объяснениям был выдвинут тезис о том, что все победы в Отечественной войне 1941–1945 гг. достигались «многомиллионными напрасными жертвами армии и народа», а используйте мы свой технический и численный перевес более рационально, то «победы, быть может, удалось достичь еще в конце 1942 г. и уж во всяком случае в 1943 г.»^[123] Этому мнению придерживался и известный писатель В.П. Астафьев, заявивший, что «мы просто не умели воевать, мы и закончили войну, не умея воевать. Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами». Он также считал, что Ленинград не следовало бы оборонять и нести такие жертвы в условиях блокады^[124]. Свое видение войны — с абсолютным неприятием всего набора прежних советских представлений об этом общемировом событии — Астафьев отобразил в знаменитом романе «Прокляты и уби-

ТЫ».

Острую полемику и огромный читательский интерес вызвала публикация романа Г.Н. Владимова «Генерал и его армия», в котором размышления автора касаются наиболее дискуссионных проблем Великой Отечественной войны, ее последствий для нас и всего мира. Недаром в жестком и бескомпромиссном споре с другим известным писателем, В.О. Богомоловым, Владимов отстаивает свое право на иное, отличное от официально-советского, видение войны и ставит вопрос: «Лучше было дожить до позора Берлинской стены, сделаться на 45 лет жандармами половины Европы и быть провожаемыми со вздохами облегчения, с едва скрываемой радостью, просить денег у побежденных на вывод войск и строительство для них жилья на родине — а не то, глядишь, еще задержимся... Надо уметь не засидеться, вовремя уйти. А еще лучше — вовремя остановиться»^{125}.

Таким образом, если до перестройки в общественное сознание активно внедрялась мысль о том, что «нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим», то затем

цена достигнутой победы признавалась чрезмерной, а сама победа пирровой. Сегодня основные споры о Великой Отечественной войне сконцентрированы вокруг главного вопроса: почему великая Победа не принесла нам желанной и обещанной Свободы?

Разрушение прежних привычных представлений происходило очень болезненно еще и потому, что эти представления были не у отдельных слоев, а у всего народа. Поэтому и в наши дни, как свидетельствуют материалы специальных социологических опросов российского населения, победа в войне 1941–1945 гг. относится к главному достижению народа в истории России^[126].

В последние годы стали высказываться мысли о необходимости пересмотра самого характера войны 1941–1945 гг., о правомерности применения понятия «Великая Отечественная война», которое, возможно, изжило себя^[127]. Ряд современных историков, включая и наших, считает, что после перехода Красной Армии границы СССР «начался поход советских войск в Европу» и характер войны изменился. Отечественная война, которую ве-

ли народы Советского Союза против фашистской Германии и ее сателлитов, перестала быть народной войной. Авторы, отстаивающие подобную точку зрения, не отрицают, что военно-политическая ситуация того времени «диктовала Советскому Союзу необходимость разгрома гитлеровской Германии на ее территории». Освобождение европейских народов от фашистского ига сравнивается с так называемым «заграничным походом» русской армии в Европу в 1813 г.^{128}

Мнение автора

При подобном подходе, по нашему мнению, сознательно замалчивается тот факт, что война, развязанная фашистской Германией против народов Советского Союза, коренным образом отличается от всех предшествующих, в т. ч. и от тех, которые вела гитлеровская Германия против других стран. За рассуждениями Гитлера об «антисоциальной сущности большевизма» легко угадывается антирусская направленность его политики, отношение к славянам как к недочеловекам («унтерменши»), претворение в

жизнь печально знаменитого генерального плана «Ост». Поэтому русский народ в начале войны вел борьбу за свое выживание, а на завершающем этапе — хорошо понимая, кто ему противостоит, — на территории других стран продолжал ту же борьбу за окончательное уничтожение своего смертельного врага: логика борьбы в действительной истории всегда сильнее логики границ.

Суровая русская зима

В своей знаменитой книге «Вторая мировая война» У. Черчилль писал: «Сила Советского правительства, стойкость русского народа, неисчерпаемые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии»^[129]. Нетрудно заметить, что в приведенной оценке наряду с действительным уважением к народу победившей страны акцент сделан на природный и количественный факторы — зима, размеры и резервы страны.

В западной историографии, главным обра-

зом немецкой, проблема «источники Победы» изучается прежде всего через призму просчетов и «роковых ошибок», допущенных якобы исключительно по вине нацистской политической верхушки и лично Гитлера. Активно эксплуатируется и природный фактор. Так, Якобсен отмечает, что недооценка русских пространств, а особенно людских и материальных сил и резервов Советского Союза была одной из главных причин неудачи Гитлера. Сюда же он относит способность к сопротивлению «большевистского режима», необычайные климатические условия России, русский национализм^{130}.

При оценке военных сражений успехи советских войск объясняются главным образом их подавляющим численным превосходством и неблагоприятными для противника географическими условиями. Именно такая точка зрения характерна для работ немецких генералов — участников войны: К. Типпельскирха, Э. фон Манштейна, Г. Гудериана и других. Поражения же вермахта сводятся, как правило, к случайным факторам. Через все сочинения немецких генералов красной нитью про-

ходит следующая мысль: не будь ошибок Гитлера, ход и исход войны были бы другими. Так, говоря об «утерянных победах», Манштейн фактически возлагает вину за поражение на фюрера, интуиция которого не могла компенсировать недостаток основанных на опыте военных знаний^{131}.

Из-за негативного отношения Запада к советским источникам и идеологической заданности советской историографии немецкая историческая наука оказала решающее воздействие на формирование взглядов американцев. Эти взгляды, по мнению некоторых западных историков, представляли нечто среднее между «мифом и реальностью». В ходу были следующие объяснения: осуществлению немецких планов постоянно мешала погода; советские войска обладали в каждой операции подавляющим численным превосходством над немецкими; советские людские ресурсы были неисчерпаемыми, поэтому русские постоянно игнорировали потери в живой силе; советское стратегическое и оперативное командование было превосходным, ниже — неважным, но и то и другое — негиб-

кое; успех Красной Армии достигался за счет войск, а не маневра; без ленд-лиза СССР мог бы потерпеть поражение; причина поражения немецких войск — Гитлер; советский солдат — фаталист, стоек в обороне, умел хорошо воевать ночью, но эмоционален, подвержен панике^{132}.

Что же касается действительно «роковых» просчетов немецкой стороны, то они, на взгляд большинства российских историков, были допущены на стадии планирования «похода на Восток». Гитлер и его генералитет не сомневались в своем быстром и полном успехе: война с СССР с самого начала планировалась как «блицкриг» против противника, который якобы располагал весьма незначительными силами. Никаких резервов на непредвиденные обстоятельства не закладывалось — недостающее предполагалось добывать в порядке «самообеспечения», что было нереально при планируемом немецким командованием уровне концентрации сил и средств на направлении главных ударов.

Некомплект на восточном фронте составлял в немецкой армии к концу осени 1941 г.

340 тыс. человек, или около половины боевого состава пехоты, а главная цель похода еще не была достигнута. Огромные потери сухопутных войск действовали на вермахт подавляюще. Начальник генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер отмечал в середине декабря 1941 г., что настроение немецких войск «явно подавленное», что они «охвачены апатией». Зимнее обмундирование стало поступать в группу армий «Центр» только во второй декаде декабря. Потери немцев на восточном фронте к 30 ноября 1941 г. составляли: 3 740 танков, 4 219 самолетов, около 2 тыс. гаубиц и орудий, 4 139 минометов, 17 676 пулеметов, 54 422 карабина^[133].

В ходе советского контрнаступления под Москвой к февралю 1942 г. ударные группировки врага были отброшены к западу от столицы на 100 км, а в некоторых местах — на 250 км. С этого времени и до конца войны, как отмечают многие историки, вермахт был уже не в состоянии восполнять некомплект боевого состава своих армий. Стратегия блицкрига — достижение быстрой победы над Советским Союзом в ходе одной кампании, до

наступления зимы — после поражения немцев под Москвой была разрушена. Нехватка людей и сырья с весны 1942 г. стала для военной экономики Германии неизменным состоянием, и оно постоянно усугублялось, когда борьба приняла затяжной характер и Германия была втянута в войну на два фронта. Гитлер попал в положение, которого он всегда стремился избежать и которое рассматривал как главную причину неудач германской политики в эпоху первой мировой войны^{134}.

Несостоятельность немецких планов по завоеванию СССР сказалась не только в самом факте разработки стратегии «блицкрига», но также в том, что был полностью проигнорирован исторический опыт бесславного похода Наполеона в Россию в 1812 г. Для Гитлера и его генералов еще до войны не являлись секретом ни российские дороги и морозы, ни просторы нашей страны. Говорить об этом как о главных причинах поражения немецкие генералы стали только после провала своих честолюбивых планов.

Мнение автора

Мы не отрицаем очевидного — влия-

ния на ход боевых действий огромных размеров страны, сурового климата, людских и материальных ресурсов и пр. Признаем мы и значительный вклад в победу советского государственного механизма в лице его центральных органов — Государственного комитета обороны (ГКО) и Ставки Верховного Главнокомандования^[135]. Однако, по нашему мнению, следует признать неправомерной точку зрения, отводящую названным факторам решающую роль в исходе военных сражений. Нельзя также, на наш взгляд, собственные ошибки, равно как и просчеты противника, делать объективной мерой конечных результатов войны.

По нашему глубокому убеждению, важнейшим фактором (но, безусловно, не единственным), действительно влияющим на победу в такого рода столкновениях, является «качество» народа, его характер. И наш противник прекрасно понимал это. В конце 1944 г., когда крах Третьего рейха стал неизбежным, Гитлер в кругу своих приближенных говорил: «Во имя чего при-

несли мы все жертвы? Ведь так долго, как она уже продолжается, война не продлится. Этого ни один человек не выдержит — ни мы, ни они. Вопрос только в том, кто выдержит дольше»^[136]. Как отмечал в этой связи теоретик военного искусства К. Клаузевиц, «моральные факторы ускользают от всякой книжной премудрости; их нельзя ни измерить, ни классифицировать, они требуют, чтобы их видели и чувствовали». Война показала, что русский солдат смог пройти боевую выучку прямо на поле брани и в решающий момент превзойти немецкого «сверхчеловека». Действовать нашим бойцам приходилось в трудных условиях под бдительным надзором особых отделов, которые в бой не ходили, зато после первых крупных поражений Красной Армии с большим рвением выискивали в войсках «измену». Корни принципиальной разницы между русским и немецким воинами кроются не только в народном характере. Разными были их цели в войне. У одних извечная воля к личной власти и славе, обогащению, непомерная тевтонская гор-

дось, психология феодала, отгороженного от мира стенами своего «замка». Немецкий вермахт со стороны напоминал спаянную железной дисциплиной стаю волков, где каждый готов разорвать не только добычу, но и своего собрата, если тот встанет на пути. Война для немецких героев была прежде всего способом возвыситься, самоутвердиться, снискать почести и власть. Фашистская идеология давала каждому немецкому солдату «религиозное» обоснование этих сокровеннейших желаний, укрепляла веру в свою правоту, распаляла до фанатизма. Ведь иных целей, кроме абсолютного господства «арийской расы», не ставилось перед армией во время «похода на Восток». Этого страшного оружия, которым обладали немцы и которое олицетворял их «фюрер», нельзя недооценивать. Русский народ, сумевший устоять против такой орды, имел принципиально иную психологию, основанную на православной вере и не истребимую никакими коммунистическими догматами атеизма и материализма. Действительный ход событий

Отечественной войны показал, что когда решался вопрос о жизни нации, советское руководство уповало не на танки и коммунистическую доктрину, а на русский народ и его патриотический дух. Вся советская пропаганда на фронте и в тылу сделала русский патриотизм главной темой своих выступлений в наиболее тяжелый период войны — 1941–1942 гг. В октябре 1941 г. вражеские армии стояли под Москвой. Поэтому в речи 7 ноября 1941 г., обращаясь к войскам на Красной площади, Сталин сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» Русский солдат и в войну сумел сохранить лучшие свои черты: природный ум, скромность, бесстрашие, воинскую доблесть и физическую подготовку, оправданный риск, чувство товарищества, доходящее до самопожертвования, умение переносить тяготы, немислимые для других, святую веру в справедливый характер вой-

ны и свою окончательную победу.

Поворотные пункты

В годы войны на Западе признавали решающую роль происходящих на советско-германском фронте сражений для разгрома фашизма. С началом холодной войны и усилением острой идеологической борьбы двух общественных систем — капиталистической и социалистической — эти взгляды изменились. Для принижения роли СССР западная историография выдвинула новые, с ее точки зрения, «более важные факторы». По мнению многих зарубежных историков, роль Советского Союза ограничивалась действиями его вооруженных сил только на одном, сухопутном театре военных действий (восточном фронте), поэтому «Красную Армию нельзя считать главным архитектором победы во второй мировой войне». Решающим был вклад США, которые сражались на нескольких сухопутных театрах (тихоокеанском, средиземноморском, западном), вели морскую войну и осуществляли воздушное стратегическое наступление^{137}.

Такой подход полностью игнорирует тот исторический факт, что еще до вступления Соединенных Штатов в войну (8 декабря 1941 г.) советские войска начали успешное контрнаступление под Москвой и одержали победу, которая, по мнению многих историков, стала «сменой вех» во всей второй мировой войне.

Из 767 дивизий и 131 бригады, имевшихся в вермахте, за годы второй мировой войны на советско-германском фронте использовалось 560 дивизий и 85 бригад, или 72% всех немецких соединений. Помимо немецких войск на советско-германском фронте в годы войны против нас действовали 141 дивизия и 60 бригад Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Словакии и Испании. На восточном же фронте Германия понесла наибольшие потери, которые составили 508 расчетных дивизий, в то время как на западном и средиземноморском театрах эти потери составили 179 дивизий. Фактически на советско-германском фронте были разгромлены, уничтожены, пленены, принуждены к капитуляции почти три четверти вооруженных сил Германии и более 60% армий ее союзников^{138}.

Западная историография выдвинула также теорию «поворотных пунктов» и «решающих битв». К их числу она относит прежде всего те, в которых участвовали англо-американские войска. На первое место ставятся: победа англичан под Эль-Аламейном в Северной Африке и высадка американских и английских войск в Марокко и Алжире в ноябре 1942 г., победа американцев в воздушно-морском сражении у атолла Мидуэй в Тихом океане летом 1942 г., высадка американцев на остров Гуадалканал (Соломоновы острова), положившая, по их мнению, «начало повороту в войне на Тихом океане».

Сталинградской битве отводится в этом ряду последнее место. Также доказывается, что победы Красной Армии в 1943–1945 гг. были обусловлены действиями вооруженных сил западных союзников. Например, ряд западных историков утверждает, что не советские войска сорвали немецкое наступление в районе Курской дуги летом 1943 г., а высадка 9–10 июля 1943 г. англо-американских войск на Сицилии вынудила гитлеровское командование по собственной инициативе «внезапно пре-

кратить» операцию «Цитадель».

Если проанализировать важнейшие стратегические операции, проведенные Красной Армией в 1944–1945 гг., то следует признать тот факт, что советские войска имели подавляющее преимущество над вермахтом и в вооружении, и в живой силе, и в стратегической инициативе, что позволяло Ставке планировать и проводить крупнейшие сражения в условиях, наиболее выгодных для нас и неудачных для немцев.

Особенно впечатляющим было превосходство советских войск в ходе Берлинской битвы: на направлении главного удара на одну нашу дивизию приходилось 1,3–0,95 км, в то время как на одну обороняющуюся немецкую дивизию — 8,2 км. Вся группировка советских войск насчитывала более 80 дивизий; 1,6 млн. человек, 3 827 танков, 8 347 САУ и полевых орудий, 15 654 миномета, 3 255 установок реактивной артиллерии, 3 411 зенитных орудий, 6 696 самолетов, 95 383 автомашины. Плотность наших боевых порядков была столь высокой, что это повлекло перемешивание соединений и частей, лишние потери⁽¹³⁹⁾.

Битва за Берлин была одной из самых кровопролитных операций. В ней обе стороны сражались, не считаясь ни с какими потерями. Начав против СССР войну на уничтожение, фашистское руководство до последних дней этой войны бессмысленно жертвовало своим народом. Как заметил один из участников событий, «немцы поставили перед нами вопрос о жизни и смерти и — получили ответ».

Часть 2. РУССКИЙ ОПЫТ. Советский Союз на пути к сверхдержаве 1946–1953 гг.

Глава 6. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР

За что боролись?

9 февраля 1946 г. (повод — очередные выборы в Верховный Совет СССР) Сталин выступил с речью. Он подчеркнул преимущества советского общественного строя перед несоветским — строя, который «выдержал испытания в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность». Тем самым слушателям давалось понять, что переустройство мира будет проводиться под эгидой Советского Союза и что за образец должен быть взят не только общественный, но и экономический строй (советский метод индустриализации с его

первоочередным и преимущественным развитием тяжелой промышленности, коллективизация как составная часть политики партии по созданию материального базиса социалистического общественного строя). В конце речи, обосновывая необходимость поднять за «три новых пятилетки» уровень отечественной промышленности втрое по сравнению с довоенным уровнем, Сталин прямо заявил, что только при этом условии можно считать страну гарантированной «от всяких случайностей»^{140}.

Таким образом, после военной победы власть потребовала от народа проявить еще и трудовой подвиг, совершить промышленный рывок, который должен был вывести страну в мировые лидеры. Чтобы сделать свою политику более эффективной, советский вождь нуждался в народном одобрении даже тогда, когда эта политика не несла людям ничего, кроме усиления их эксплуатации.

Однако это был уже не тот народ, с которым Сталин имел дело до войны. Пережитые народом в военные годы тяготы и страдания, «поход в Европу» советских войск и знаком-

ство миллионов солдат и офицеров с заграничной жизнью, связанные с победой надежды населения на лучшую жизнь — все это привело к серьезным переменам в общественном сознании, породило мысли о необходимости реформ.

В советской исторической литературе послевоенная сталинская политика оценивалась как единственно возможная в тех исторических обстоятельствах, а трудовой подвиг населения при восстановлении разрушенной страны изображался как осозанный и добровольный выбор миллионных масс, как результат единства партии и народа. Но не писали ни о голоде в 1946–1948 гг., ни о низком уровне жизни основной части населения, ни о сохранении сурового трудового законодательства военной поры, ни о росте преступности, увеличении численности заключенных. Общественное сознание и настроения населения не изучались, внимание историков сосредоточивалось преимущественно на воспевании трудового героизма «трудящихся». Лишь в годы перестройки указанные пробелы отечественной исторической науки стали запол-

няться.

В последние годы появились работы, в которых на основе архивного материала делался вывод о том, что после войны советское правительство перешло от тактики компромиссов к жесткому силовому давлению во внешней и, что было гораздо важнее для будущего страны, во внутренней политике. Новую, третью по счету мировую войну ждали, к ней готовились: «милитаризованное сознание политического руководства сохраняло ориентиры предвоенного развития СССР», т. е. в первую очередь сохранялся приоритет тяжелой промышленности, которая и после войны поддерживала рост военного производства со всеми вытекающими из этого последствиями для гражданских отраслей^[141].

С победой в войне изменилась расстановка сил на мировой арене. Отныне на долгие годы установилось политическое доминирование Соединенных Штатов и Советского Союза. Обе страны, каждая по-своему, пытались использовать ликвидацию нацистского режима и разгром императорской Японии, истощение Англии и Франции, рост собственно-

го престижа в долгосрочных целях. Тот факт, что во многих европейских странах освобождение от фашистского ига происходило при активном участии коммунистов, свидетельствовал, по мнению советского руководства, о переходе стратегической инициативы от капитализма к социализму, о реальных возможностях расширения социалистической системы.

Как отмечают современные российские историки, СССР пытался навязать странам свой опыт «социалистического строительства», часто не взирая на экономические и культурные различия, что приводило к конфликтам и напряженности международной обстановки. США также использовали рычаги воздействия на послевоенную Европу, в первую очередь свое громадное экономическое и финансовое могущество, вовлекая в орбиту американской политики все большее число стран, включая бывших противников.

Недавние союзники по антигитлеровской коалиции, вопреки надеждам своих народов, все глубже втягивались в тотальное противостояние, вошедшее в историю под названием

Мнение автора

Практические шаги советских руководителей при выборе послевоенных приоритетов во многом обуславливались борьбой с Соединенными Штатами Америки за роль мирового лидера. Тем самым насущные интересы народов Советского Союза были принесены в жертву погоне за призраком сверхдержавности, поскольку руководство страны во главе со Сталиным было убеждено, что организация нового мирового порядка не могла проходить без участия СССР. Чтобы выдержать напряжение этой борьбы, следовало «укрепить тыл», т. е. принудить советское общество к новому индустриальному рывку, а в области идеологии продолжать реализовывать доктрину советского патриотизма, которая приобрела законченный вид уже в конце войны. Таким образом, победа лишь на короткий срок смогла объединить «верхи» и «низы» советского общества. После войны советский правящий класс был озабочен укреплением могущества государства, а значит, и укреп-

лением своей власти, тогда как народ мечтал хотя бы о краткой передышке и государственной помощи, ослаблении налогового гнета, улучшении условий жизни.

Коллектив советских людей

Гордость народа победой, достигнутой в борьбе с жестоким врагом, использовалась властью как элемент идеологической обработки масс. Идея державности стала составной частью послевоенной сталинской политики. На разных участках идеологического фронта в этом направлении трудились десятки тысяч профессионалов. Под влиянием идеологических кампаний, в т. ч. борьбы с космополитизмом, патриотизм все более приобретал «охранительные черты»: любить Родину учили народ, который отдал миллионы жизней для спасения своего Отечества. Делались даже попытки сравнивать Советский Союз с прежней имперской Россией.

Элементы державности начали проявляться еще в военные годы. Для офицерского состава Красной Армии было введено ношение

погон, учредили ордена в честь великих русских полководцев — Суворова, Кутузова и Александра Невского. В январе 1944 г. изменился Государственный гимн СССР («Интернационал» стал партийным гимном). Новый гимн начинался словами «Союз нерушимый республик свободных // Сплотила навеки Великая Русь».

В этом же идеологическом ряду и сталинский тост, произнесенный им на приеме в Кремле в мае 1945 г., — за «здоровье русского народа». В нем за внешней благодарностью русскому народу, одержавшему победу над врагом в союзе с другими народами нашей страны, в сознание населения и потомков ловко вкладывался тезис о том, что «доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над фашизмом»^{142}. То, что это было со стороны Сталина тактической уловкой, свидетельствует следующий факт. Получив в июле 1947 г. записку А.А. Жданова с материалами к проекту новой программы партии, вождь против слов «Особо выдающуюся роль в семье советских наро-

дов играл и играет великий русский народ, который по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций» написал свое знаменитое «не то»^{143}. Сталин понимал слово «народ» только в значении «советский», употребляя выражение «русский народ» в интересах государственной идеологии. Признать иное было для него равносильно отрицанию социализма как реальности, построению которого он посвятил свою жизнь. Поэтому в новом государственном гимне были и такие слова: «Знамя советское, знамя народное // Пусть от победы к победе ведет!»

Знаменателен также сталинский тезис из его предвыборной речи перед избирателями 9 февраля 1946 г.: «Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив *советских людей*. Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но эта разница формальная. Важно то, что и те и другие творят одно общее дело»^{144}.

Таким образом, Сталин ставил себе и своему политическому режиму в заслугу то, что вырастил «советских людей», преобразованных в это новое качество благодаря советскому общественному строю, людей, неразрывно связанных с этим строем и не существующих вне его. В 1941–1945 гг. народ выступил в роли спасителя Отечества, стал главной ценностью советской системы, а затем вновь был поставлен режимом в прежнее подчиненное положение. На практике ничего кроме усиления охранительных тенденций советская идеология предложить уже не могла, хотя сомнения в необходимости целостности прежних идейных догм посещали все большее число людей, включая и советскую элиту. Об этом, в частности, свидетельствуют мемуары известного литератора К.М. Симонова и таких политиков, как Н.С. Хрущев и А.И. Микоян.

Переработка слухов

Историки отмечают, что в послевоенные годы на общественное мнение в СССР влияла не только официальная пропаганда, но и «переработка слухов, циркулировавших в на-

роде». По содержанию эти слухи делились на оптимистические и пессимистические. К первым относились слухи о роспуске колхозов, об отмене карточной системы и снижении цен, об ослаблении цензуры и активизации контактов с западными странами. Самым распространенным среди пессимистических слухов был слух о скором начале новой войны.

Власть постоянно заботилась о создании собственного положительного образа, для чего прибегала к манипулированию общественным мнением и использовала различные механизмы воздействия на сознание граждан — от пропаганды до террора. Поэтому общественное мнение в Советском Союзе носило двойственный характер: люди часто говорили на собраниях одно, а в доверительных разговорах — совсем иное^{145}.

Некоторые историки полагают, что в послевоенном советском обществе антиправительственные настроения «сдерживались не только страхом за свою судьбу, но и верой в правильность выбранного курса развития»; что негативное отношение к антисоветским настроениям было свойственно «и партий-

ной элите, и простому народу»; что война «не только на словах объединила народ и правящую партию»^{146}.

Были, конечно, распространены и «верноподданнические» настроения среди всех слоев общества, равно как и настроения критического отношения к советской действительности. О последних, в частности, свидетельствует судебная статистика: в 1945–1946 гг. органами НКВД — МВД было осуждено за контрреволюционные преступления около 250 тыс. человек, что значительно превысило предвоенный уровень.

Мнение автора

Война способствовала росту политического сознания населения, расширила и углубила его жизненный опыт, помогла выработать критическое отношение к советской пропаганде. У большинства населения тяжелые условия жизни вызывали разочарование в советском строе. Однако нам представляется, что выражение «антисоветские настроения», заимствованное историками из уголовного кодекса, является неточным, искажающим содер-

жательную сторону «общественных настроений» как явления. Критические высказывания в адрес Сталина и советского правительства, содержащиеся в письмах или разговорах отдельных граждан, далеко не всегда являлись свидетельством их антисоветских настроений. Усиливая в послевоенный период репрессии против всех слоев советского общества, политический режим действиями своих судебно-следственных карательных органов квалифицировал как антисоветские и те критические высказывания части населения в адрес властей предержащих, в которых не содержалось ни малейшего намека на критику советского общественного строя, на необходимость его замены.

Наиболее устойчивыми и повсеместными были пассивные формы сопротивления, выраженные преимущественно в виде отрицательного отношения к общественному труду (прогулы, опоздания на работу, невыработка обязательного минимума трудодней и пр.). Для формирования антисоветских взглядов был необходим доста-

точно высокий уровень образования, культуры и социального статуса, отличные от обычных жизненные обстоятельства. Условия советской действительности, идеологическая обработка людей, жестокость репрессий в отношении любых проявлений инакомыслия подавляли индивидуальность со столь раннего возраста и с такой силой, что вероятность приобщения к антисоветским взглядам не только не имела в глазах населения никакой практической пользы, но и была несопоставимой с неизменно следующим за ней государственным наказанием. Чтобы преодолеть это табу, в жизни советского общества должно было произойти нечто чрезвычайное. Война как раз и стала событием, потрясшим традиционные устои. Военнопленные, обвиненные в измене Родине и сменившие немецкие лагеря на советские, власовцы, оуновцы и прочие «лесные братья», советские немцы, крымские татары и иные народы, пополнившие в 1940-е гг. число спецпоселенцев и заключенных, — вот питательная социальная среда антисоветских вы-

ступлений после войны.

Время показало, что ни сверхмощное государство с его невиданным в истории аппаратом политического сыска, ни ракетный щит и термоядерное оружие, ни неисчислимы материальные ресурсы, ни идеологический диктат не предохранили великую сталинскую империю от распада. Именно тогда, в первые послевоенные годы, руководством страны была избрана стратегия, потребовавшая от народа великих жертв, что привело к нарастанию противоречий между властью и обществом и в конечном счете к краху советской системы. Вряд ли можно было ожидать подобного результата в обществе, объединенном, по мнению некоторых историков, «не только на словах».

Узники ГУЛАГа

До сих пор проблема государственного террора в советской России остается предметом специальных исследований, включая и художественное осмысление этого феномена. Некоторые работы вызвали наиболее острые

споры⁽¹⁴⁷⁾.

Ряд российских и зарубежных исследователей объяснение факта усиления государственных репрессий в послевоенные годы сводит к борьбе против «коллорабонализма» и «предательства» в военные годы, к обстановке холодной войны или исключительно к личности Сталина.

В отечественной историографии популярным является такое мнение: политическую линию большевиков после революции определили распад Российской империи, поражение в первой мировой войне, затем гражданская война и интервенция, ускоренное действие центробежных сил и др. И вот в создавшихся условиях большевики (во главе с решительными вождями) как наиболее организованная сила, поддержанная уставшими от войны солдатами, ждавшими помещичьей земли крестьянами, выступили в роли «собирателей» земель российских, создателей новой государственности. Они не останавливались ради решения исторических задач ни перед каким насилием. Последующие деяния их преемников приобретали тем самым ха-

рактической исторической закономерности. По этой причине, полагали некоторые крупные ученые, с точки зрения исторической перспективы развития советского общества, массовые государственные репрессии — «исторически преходящий эпизод»^{148}. Это вроде бы соответствует фактам. Однако если принять во внимание внутреннюю сторону исторического процесса, а именно *качество жизни населения* и связанное с ним *народное мировоззрение*, тогда следует признать, что Советское государство из справедливого регулятора общественных отношений превратилось в источник насилия.

Многие историки отмечают в своих исследованиях высокий накал внутривластной борьбы за власть в послевоенный период, т. е. тогда, когда террор как важный фактор социальных преобразований в советском обществе должен был по всем основаниям утратить свое значение, поскольку к этому времени в Советском Союзе уже не существовало классов-антагонистов. Откуда такой всплеск политических процессов именно после войны, резкий рост числа осужденных в

1945–1946 гг., а отчасти и позже, не только по делам политическим, но и уголовным? Ведь социальный состав осужденных — все те же дружественные классы: рабочий класс и колхозное крестьянство. Так, если в 1945 г. по приговорам гражданских судов было осуждено 840,6 тыс. человек, то в 1946 г. — 1,1 млн., в 1947 г. — 1,3 млн., а в 1948 г. — 1,1 млн. человек. Из общего числа осужденных треть составляли женщины! Характерной чертой послевоенных репрессий было, вопреки народным чаяниям, увеличение тяжести наказания. В 1940 г. народные суды приговорили на срок свыше пяти лет лишения свободы 2,1% всех осужденных, в 1946 г. — 4,0%, в 1947 г. — 18,1%, а в 1948 г. — 29,2%. Как свидетельствует статистика тех лет, на первом месте по количеству осужденных — рабочие, т. е. по сталинской терминологии, передовой класс советского общества, затем — колхозники и интеллигенция. На начало 1953 г. в лагерях и колониях системы МВД СССР содержалось 2,5 млн. заключенных, в т. ч. 439 тыс. осужденных женщин. Помимо заключенных, к концу 40-х гг. на спецпоселении находилось около

2,3 млн. человек, которые обязаны были заниматься «общественно-полезным трудом» на тех предприятиях, за которыми они закреплялись. О бесчеловечном характере советского законодательства свидетельствует также следующий штрих: женщина с воли, вышедшая замуж за спецпоселенца, автоматически становилась спецпоселенкой. И наоборот, спецпоселенка, вышедшая замуж за вольного, снималась с учета. В 1948 г. указ Президиума Верховного Совета СССР устанавливал, что выселенные во время войны чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы, калмыки, немцы, крымские татары «переселены на спецпоселение *навечно* и что за побег с места установленного поселения им полагается наказание — 20 лет каторжных работ»^{149}.

Мнение автора

Главный вопрос, по нашему мнению, заключается в следующем: были послевоенные репрессии очередным «преступлением Сталина» или особым свойством советской системы?

Несмотря на достигнутые к началу 50-х гг. успехи в деле «построения социализма в СССР», возможность рестав-

рации капитализма не была снята с повестки дня сталинским режимом. После войны власть, обеспокоенная ростом антиколхозных и антисоветских настроений среди населения, усилила нажим на народ; она по-прежнему хотела властвовать в стране бесконтрольно и безраздельно. Только боязнь реставрации капиталистических порядков (первоначально робко, только как отрицание порядков советских) можно объяснить ту жестокость, с которой государственная власть не только осуществляла искоренение из политической, экономической, культурной, идеологической и научной сфер всяких «остатков» и «пережитков» капитализма, но и не допускала даже намеков на возможные реформы или послабления. Это в одинаковой мере относилось ко всем социальным слоям общества — и «верхам», и «низам».

Глава 7.

УНИКАЛЬНЫЙ ТИП ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Роскошь жевать сталинизм

Среди полутора тысяч исторических деятелей России ушедшего XX столетия по числу посвященных им публикаций Сталин — абсолютный рекордсмен⁽¹⁵⁰⁾. Количество книг, статей, документальных сборников, воспоминаний современников об этой личности в последние 20 лет превышает издания о В.И. Ленине. Как заявил в годы перестройки один из известных советских дипломатических деятелей В.М. Фалин, «если позволим себе роскошь жевать сталинизм продолжительное время, то окажем сами себе скверную услугу». Несмотря на эти призывы, поток литературы, посвященной Сталину, продолжает неудержимо расти. Следовательно, у современного российского общества имеется настоятельная потребность в том, чтобы глубже разобраться в проблемах сталинской эпохи.

Известно, что в ходе становления и разви-

тия СССР все достижения и победы связывались идеологией с именем Сталина. Выступив на XX съезде партии с критикой культа личности Сталина, Н.С. Хрущев положил начало развенчанию «вождя всех времен и народов». Хотя критика сталинизма «сверху» активно велась Хрущевым на всем протяжении его руководства страной и партией, он не использовал термин «сталинизм» в уничижительном смысле. Для него историческая роль Сталина в целом была положительной, ибо вождь, по мнению Хрущева, «оставался марксистом в основных подходах к истории», все делал «для победы дела рабочего класса». Хрущев признавал сталинские преступления против партии и народа, но для него Сталин оставался «в принципе верен идеям социализма», будучи по характеру «диктатором»^{151}.

В брежневские времена произошла частичная реабилитация Сталина, что нашло свое отражение и в исторических трудах. Прежняя партийная установка сохранялась и на начальном этапе перестройки. Далекое не случайно в 1986 г. М.С. Горбачев заявил в ответах французской «Юманите», что «стали-

низм — понятие, придуманное противниками коммунизма, и широко используется для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом»^{152}.

Итоговой для первых лет перестройки стала книга «Историки спорят». По мнению профессора Ю.С. Борисова, Сталин и сталинизм — не тождественные понятия. Содержательную сторону советской эпохи составила «борьба за социализм», а личный вклад Сталина определялся тем, что «к нему сошлись решающие пути управления этим процессом». Борисов утверждал, что со Сталиным был связан отход от ленинизма «в теории и на практике», что с его приходом в ЦК произошла «монополизация положения партийного аппарата», которая и стала характерной особенностью командно-бюрократической системы. Таким образом, заключал Борисов, создание советской политической системы, являющейся фундаментальным завоеванием Октября и призванной «вовлекать массы в непосредственное управление делами общества», было деформировано Сталиным^{153}. Критика сталинизма ведется здесь еще с позиций незыб-

лемости социалистических ценностей, а потому само явление рассматривается как «отход от ленинизма», а не как самостоятельное политико-социальное явление.

В современной исторической науке подходы к изучению и оценке Сталина претерпели серьезную трансформацию. Так, академик В.В. Алексеев пишет, что при характеристике сталинского наследия важнее всего «правильно оценить победу сталинского курса на ускоренную модернизацию страны», поскольку при всей своей жестокости он «объективно отвечал интересам государства в ту эпоху». Немало современных российских историков разделяют данную точку зрения. Другие, например историк Д.А. Волкогонов, считали «неверной и безнравственной» оценку прошлого с позиций арифметических: чего больше было у Сталина — заслуг или преступлений, поскольку «никакие заслуги не оправдывают бесчеловечности». Волкогонов определял сталинизм как «тоталитарную форму отчуждения человека труда от власти, от участия в управлении государством, производством, другими общественными процесса-

ми». По его мнению, за время правления Сталина, вопреки заявлениям, наше общество не построило никакого «полного социализма», а продолжило создавать казарменно-тоталитарный режим. Победителем в стране являлась бюрократия и ее главный жрец — «великий Сталин», ставший олицетворением тотальной бюрократии коммунистической системы. По мнению других историков, Сталин не только практически создал «новое общество» и пытался распространить его влияние по всему миру, но и после своей смерти «сохранил это влияние через свое наследие — советскую систему и мировую систему социализма». Помимо перечисленного, к реальным достижениям Сталина эти историки относят: форсированную «индустриальную модернизацию страны», предотвращение формирования единого фронта западных держав против СССР, обеспечение условий для победы во второй мировой войне, закладку фундамента по «превращению СССР в сверхдержаву». К достоинствам Сталина-политика причисляют также его умение «адаптировать и идеологию, и политику, и социально-экономиче-

скую систему к требованиям времени и текущим задачам СССР»^{154}. Для многих людей и сегодня сталинизм — «это прежде всего сильное государство, способное навести порядок»^{155}.

Ряд современных историков полагает, что усилившаяся за последние годы в российском обществе тенденция «к оправданию и даже прославлению сталинизма» связана с «ответной реакцией» на разрушительный характер постсоветских реформ. По мнению В.П. Данилова, «все достижения» советского общества явились «следствием мощного социалистического импульса», полученного в результате революции. *Эти достижения стали реальностью «не благодаря сталинизму», а вопреки ему.* По мнению Данилова, были и иные — альтернативные сталинскому и менее кровавые — варианты социально-экономических преобразований в СССР. Существование сталинского политического режима «обеспечивалось беспощадностью и массовостью репрессий», однако созданная им система управления на деле «превратилась в тормоз» социально-экономического и культурного

развития страны в целом^{156}.

Известный историк А.Н. Сахаров рассматривает сталинизм в контексте всей истории нашей страны и ее народа, утверждая, что он был порожден не только революцией 1917 г., но и «миром русских традиций». В этой связи Сахаров определяет сталинизм как коллективизм «низов», вознесенных на вершину общества, который был направлен на подавление всего, что выходило за рамки этого «среднего коллективистского уровня». Сталинская система, по мнению Сахарова, «до конца не исчезла и сегодня» именно потому, что она давала простому маленькому человеку «некое эксклюзивное положение, делая его “белой костью” общества». Одновременно сталинизм — это насилие и террор, выросшие из «революционной вседозволенности»^{157}.

В недрах сталинской диктатуры

Огромное влияние на оценки сталинизма оказала (и продолжает оказывать) западная научная мысль, в первую очередь работы сторонников концепции тоталитаризма. Можно говорить о прямом заимствовании

многих оценок этой концепции российскими историками, включая оценку советского политического режима. Авторы данной концепции, оформившейся в западной политологии еще в 50-е гг., рассматривали тоталитарную диктатуру как принципиально новый, исторически уникальный тип политического режима. К числу его признаков они относили возглавляемую вождем движения массовую партию, всеобъемлющую утопическую идеологию, монопольный контроль партии над средствами информации, централизованное управление экономикой и систему полицейского террора. Сторонники этой концепции не видели принципиальной разницы между фашистскими и коммунистическими режимами, считая их двумя разновидностями тоталитарной диктатуры. Например, Х. Арендт писала, что в результате такой диктатуры в СССР образовалось «атомизированное массовое общество», созданное искусственным путем «в результате беспощадного массового террора». Отдельные отечественные историки полагают, что Германия и страны-наследники СССР имеют «общую проблему — рас-

считаться со своим прошлым», т. е. рационально его осмыслить. Но делается это, по их мнению, зачастую «в сжатые сроки» и во многом «идеологически прямолинейно»^{158}.

Некоторые западные ученые в оценке сталинизма предлагают применять комбинированный подход. Сталинизм был связан с личным правлением Сталина и в этом смысле закончился с его физической смертью. Однако репрессивные и «идолопоклоннические особенности» сталинской тирании продолжали сохраняться вплоть до XX съезда партии. Если же, полагают эти историки, рассматривать сталинизм сквозь призму созданных в годы сталинского правления общественных институтов, их связи с партией, которая концентрировала и монополизировала всю власть в Советском государстве, то сталинская эра сохраняется вплоть до распада СССР. На наш взгляд, ценным в данном определении является то, что авторы данного подхода не считают свои оценки истиной в последней инстанции, а уверены: «понимание Октябрьской революции и страны Советии» будет изменяться в соответствии с будущими исторически-

ми событиями, и это есть закономерный путь развития исторической науки^{159}.

Сравнительно недавно стала по-новому осмысливаться послевоенная история — как качественный переход СССР к становлению сверхдержавы и соответствующие этому новому статусу попытки Советского Союза распространить «русский опыт» социалистического строительства на страны, входящие в советскую сферу влияния. Отдельные историки полагают, что в недрах сталинской диктатуры в последние годы правления кремлевского вождя сформировались политические предпосылки «левого курса» будущих постсталинских реформ^{160}.

По мнению известного философа А.А. Зиновьева, коммунизм, связываемый в СССР с именем Сталина, представлял собой не просто политический режим, а особую социальную систему, возникающую в силу действия объективных законов. В странах, где, как в СССР, утвердился «реальный коммунизм», сложился устойчивый образ жизни, в результате которого естественным образом воспроизводились коммунистические обществен-

ные отношения. Зиновьев определял главный результат деятельности Сталина в том, что под его руководством строилось новое коммунистическое общество и создавалась новая социальная организация населения — коммунистические коллективы, в которых люди обучались новым правилам жизни. «Это были годы грандиозного исторического творчества миллионов людей», — подчеркивает философ. Культ Сталина был «элементом народовластия» — он рос снизу, хотя и насаждался сверху, делает вывод Зиновьев. Советский Союз являлся классическим и исторически первым образцом реального коммунистического общества. Среди характерных черт этого общества Зиновьев выделяет поголовную и обязательную грамотность (как необходимый элемент всей системы хозяйства, культуры и управления), запрещение детского труда, гарантию для населения основных факторов жизни — работы, образования, жилища, медицинского обслуживания, пенсии, а также устранение в коммунистическом обществе проблемы одиночества и изолированности индивида, освобождение людей от тре-

вог и ответственности, связанных с собственностью, восприятие важнейших событий жизни страны как важнейших событий личной жизни людей^{161}.

Зиновьев отмечал неразрывную связь позитивных и негативных сторон коммунизма. Так, отсутствие безработицы и гарантия на труд одновременно означали «закрепление» людей; уклоняющиеся от работы рассматривались властью как преступники, тунеядцы. Бесплатное образование, медицинское обслуживание и жилье порождали в людях социальное иждивенчество. Отсутствие у людей стимулов и заинтересованности в результатах своего труда определяло более низкую, в сравнении с Западом, производительность труда и, соответственно, более низкий уровень жизни. К середине 50-х гг., заключает ученый, *исторический сталинизм как «определенная совокупность принципов организации деловой жизни страны, принципов управления и поддержания порядка и принципов идеологической обработки населения» исчерпал себя.*

Работа миллионов «винтиков»

Некоторые зарубежные историки считали, что в своем развитии Советское государство прошло несколько важных этапов. Решающие изменения произошли в 30-е гг., когда «класс государственных служащих», численность которого к этому времени многократно возросла, оказался основным претендентом на власть в государстве. Поскольку государство стало «хребтом советского социализма», а чиновничество — «ядром» нового общества, сталинский политический режим переориентировался с рабочего класса на чиновников: врагов стали искать всюду, в т. ч. «среди своих». Пролетарское происхождение и членство в Коммунистической партии перестало играть роль охранной грамоты и спасать от репрессий. Сталин испытывал зависимость от государственной бюрократии, но не доверял ей. Его террор, развязанный в 30-е гг. против всех слоев бюрократии, — радикальное средство борьбы против претензий «нового класса» на абсолютную власть в стране^[162].

Историки указывали на ряд внутренних противоречий, присущих сталинскому госу-

дарству. Росла личная власть диктатора, но одновременно шло разбухание аппарата, который становился неуправляемым, неэффективным, пытался все контролировать и увязал в сотнях мелких дел. Для общего руководства страной требовалась централизация, но она вызывала невиданный рост аппарата на местах. Управление все более специализировалось, возникало множество новых управленческих структур, имеющих свои узковедомственные интересы. Столкновения между ними нередко приводили к парализации работы аппарата. Главное противоречие заключалось между произволом диктатора, непредсказуемым для бюрократии, и невозможностью создавать и поддерживать бюрократическую систему, чьи правила постоянно нарушались по малейшему сталинскому произволу. Видимо, поэтому Хрущев неоднократно говорил, выражая общее мнение советской элиты, что при Сталине никто не чувствовал себя в безопасности, даже члены Политбюро^{163}.

Укрепляя государство, Сталин вел непрерывную борьбу с разбуханием бюрократического аппарата. Так, в 1947 г. сокращения за-

тронули 778 тыс. человек из союзных и союзно-республиканских министерств и ведомств, в 1948 г. — еще 441 тыс. человек. Одновременно пересматривались штаты управленческого аппарата организаций республиканского и местного подчинения. Однако, вопреки этим мерам, за 1940–1950 гг. общая численность штатов центрального аппарата министерств и ведомств СССР (без силовых министерств — МВС, МВД и МГБ) выросла с 87 до 101,5 тыс. человек^{164}.

Особым свойством советской системы, отмечают историки, было то, что любое начинание в разных областях жизни страны сопровождалось (а часто только этим и ограничивалось) непременным ростом бюрократического аппарата. Так было в годы «культурной революции», когда особенно быстрыми темпами рос административный персонал социально-культурных учреждений, и в годы сплошной коллективизации, когда руководящий персонал на селе вырос почти в пять раз по сравнению с годами НЭПа. Так было и после войны, когда в ходе восстановления народного хозяйства происходил рост числа

предприятий и Государственная штатная комиссия только за два года утвердила штаты административно-управленческих работников почти для 40 тыс. новых предприятий и организаций.

К концу жизни кремлевский диктатор окончательно уверовал в необходимость создания идеальной государственной машины, с помощью которой стало бы возможным регулировать все природные и общественные процессы, включая экономику. Об этом свидетельствуют его рабочие записи послевоенных лет, речи, доклады и иные сочинения. «В области политического строительства, — писал Сталин в 1947 г., напутствуя академиков, которым поручил подготовить проект новой программы партии, — сохранить и усилить Советское государство с его армией, с его органами разведки и администрации, пока существует капиталистическое окружение»^{165}.

После окончания войны и упразднения Государственного комитета обороны (ГКО) Сталин продолжал совмещать посты руководителя партии и правительства и таким образом по-прежнему сохранял в целостности свою едино-

личную власть. К этому времени его культ достиг апогея. Сказалась начатая после успешного завершения Сталинградской битвы идеологическая кампания по возвеличиванию роли партии и Сталина в деле разгрома врага — отныне в сознании многих людей победа связывалась с его именем.

Ученые отмечают, что важнейшей составной частью системы управления в рассматриваемый период являлся *вождизм*, который, будучи сверхвластью по отношению ко всем другим звеньям власти, скрепляли в виде неразрывной цепи. Сталин в представлении значительной части населения Советского Союза являлся символом абсолютной непобедимости, непогрешимости, целостности советской системы, гарантом сохранения социалистических завоеваний перед угрозой новой империалистической агрессии, генератором, дающим импульс всем частям своей «командно-административной системы». Через институты власти — аппарат ЦК партии, Совет Министров, многоуровневые Советы, министерства (в первую очередь министерства внутренних дел и обороны) — он воздейство-

вал на разные области управления и реализовывал свой стратегический план по строительству коммунизма в отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения. Статус «вождя народов» и «продолжателя дела Ленина» давал ему право, не зафиксированное никакими законами или Конституцией, на любые действия и поступки во имя высшего «закона» — расцвета социалистического общества. Именно апелляция к интересам всего советского общества (во имя его процветания) придавала действиям вождя, как он полагал, «легитимный» характер. Сталин также, как некогда его идеал российского правителя, царь Иван Грозный (считавший, что волен «жаловати и казнити своих холопей»), полагал, что чиновник любого ранга, являющийся «винтиком» огромной государственной машины, подлежал замене, если крутился не в ту сторону, которая предписывалась вождем. «Какой-либо “винтик” разладился — и кончено», — сказал о государственном механизме Сталин в своем выступлении в июне 1945 г. на приеме в честь участников Парада Победы. По его мысли, без правиль-

ной работы миллионов «винтиков» невозможно было бы удержать «в состоянии активности» государственное управление огромной страной^{166}.

Как считает большинство историков, последние сталинские процессы — «дело авиаторов», «ленинградское дело», «дело врачей» и прочие политические дела — отразили обострение бескомпромиссной борьбы за власть и влияние в стране представителей различных властных элит (партийной, государственной, военной, полицейской). Отсутствие традиционных механизмов разрешения этих конфликтов — выборы или смена политических партий у власти — определяло особую жестокость борьбы.

Наиболее показательным для послевоенной эпохи стало так называемое «ленинградское дело», в ходе которого столкнулись интересы двух группировок: А.А. Жданова — А.А. Кузнецова и Г.М. Маленкова — Л.П. Берии. В августе 1949 г. без санкции прокурора были арестованы: секретарь ЦК ВКП(б) и член ЦК А.А. Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома П.С. Попков, председа-

тель Совета Министров РСФСР М.И. Родионов, председатель Ленинградского горсовета П.Г. Лазутин и председатель Ленинградского облисполкома Н.В. Соловьев. В октябре того же года был арестован член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Госплана СССР и заместитель председателя Совета Министров СССР Н.А. Вознесенский. Формальным обвинением для последнего послужила утрата им секретных документов. Некоторым ленинградцам было предъявлено обвинение в «великодержавном шовинизме» за предложение создать Бюро ЦК по РСФСР. К подследственным на допросах применялись меры физического воздействия, все они были расстреляны по приговору суда.

Ряд историков дает свою версию мотивов, которыми руководствовался Сталин, временно возвышая то одну, то другую группировку и постоянно следя за сохранением баланса сил при его, Сталина, абсолютном приоритете. Причины победы Маленкова — Берии над ленинградской группой (Кузнецов и др.) заключались в том, что Берия курировал военно-промышленный комплекс, особенно атом-

ный проект, а Маленков имел сильные позиции в аппарате ЦК партии и Совмине. Это ставило их обоих в положение проводников важнейших планов вождя по превращению СССР в сверхдержаву, тогда как на представителях ленинградской группы лежала ответственность преимущественно за развитие гражданских отраслей^{167}.

За несколько месяцев до смерти Сталин инициировал новую реорганизацию в высших эшелонах власти, чтобы предотвратить малейшую угрозу совместных действий членов Политбюро против себя. Как в свое время тяжело больной Ленин, отмечают историки, стареющий диктатор существенно разбавил состав руководящих органов партии новыми выдвиженцами, для чего провел на XIX съезде КПСС решение о создании вместо Политбюро Президиум ЦК КПСС. С теми же целями в своем выступлении на пленуме он подверг дискредитации своих наиболее старых и заслуженных соратников — В.М. Молотова и А.И. Микояна^{168}.

На XIX съезде партии в октябре 1952 г. было принято решение об изменении статуса

исполнительных органов ЦК партии. Политбюро преобразовано в Президиум ЦК КПСС, а Оргбюро признано целесообразным не создавать. Уставом предусматривалось, что ЦК КПСС организует «для руководства работой ЦК между пленумами — Президиум, для руководства текущей работой, главным образом по организации проверки исполнения решений партии и подбору кадров, — Секретариат». По инициативе Сталина значительно увеличился состав Президиума: 16 октября 1952 г. Пленум ЦК КПСС избрал Президиум ЦК в количестве 36 человек, включая 25 членов и 11 кандидатов. Также по инициативе Сталина из членов Президиума было образовано Бюро Президиума ЦК из 9 человек в составе: И.В. Сталин, Л.П. Берия, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, М.Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н.С. Хрущев. Бюро Президиума не предусматривалось ни Уставом партии, ни другими партийными документами^{169}. Эти меры принижали роль старой «сталинской гвардии».

Следует подчеркнуть, что ликвидация Сталиным многих крупных фигур из своего бли-

жайшего окружения вела к постепенному «осереднячиванию» правящей элиты страны.

По мнению ряда историков, и в условиях сталинского диктата у руководящей группы Политбюро — в первую очередь у Маленкова, Берии, Хрущева, Микояна — имелись некоторые общие цели и представления о необходимых переменах в стране, которые позволили им после смерти кремлевского вождя осуществить «олигархизацию» высшей власти^[170].

Все они, в силу пережитого при Сталине унижения и страха за свою судьбу и жизнь, были заинтересованы в создании нового баланса власти, основанного на относительном равновесии членов Политбюро. Они имели необходимые навыки управленческой работы на высших постах, огромный аппаратный опыт, политический авторитет и даже некое подобие «программ» выхода из кризиса, в который все более погружалась советская система в последние годы жизни Сталина. Сказанное не означает, что из политической борьбы за высшую власть в стране исчезли противоречия «старых» (В.М. Молотов, Л.М. Каганович и др.) и «молодых» (Г.М. Маленков, Л.П. Берия,

Н.С. Хрущев) кадров. Дальнейшая история показала, что в борьбе за сталинское наследство все они продемонстрировали весь набор средств, включая репрессивные, из арсенала умершего диктатора.

Глава 8. В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКОМ

Экономическое чудо

В 1947 г. увидела свет книга советского академика, члена Политбюро ЦК партии, председателя Госплана Н.А. Вознесенского. В последней ее главе определялись основные задачи послевоенной перестройки народного хозяйства. Автор подчеркивал, что и для послевоенного времени будут обязательны законы расширенного социалистического воспроизводства, что означало необходимость первоочередного развития тяжелой промышленности. Планировалось в ближайшие годы «восстановить в освобожденных районах СССР хозяйство, разрушенное немецкими оккупантами, и существенно превзойти на всей

советской территории довоенный уровень производства»^{171}.

Эти положения практически повторяли доклад самого Н.А. Вознесенского в 1946 г. на сессии Верховного Совета СССР по плану 4-й пятилетки. Было также запланировано создание в стране «обилия основных предметов потребления» для обеспечения материального благополучия народов СССР. Одновременно говорилось и о необходимости «порох держать сухим» и укреплять военно-экономическое могущество страны. Только практическая реализация этих целей должна была показать, что для советского руководства являлось главным в экономической политике — производство или люди.

Выдвигая подобные задания, советское правительство и в мирное время не собиралось пересматривать основы советской экономической системы, характерные для периода индустриального рывка и военного времени.

Пятилетний план ставил слишком трудные задачи для истощенной войной страны. Чтобы окончательно не отстать от США, уси-

лившихся экономически за годы войны, СССР приступил к выполнению плановых заданий на пределе возможного, каждый раз склоняясь в сторону плана-максимума и заранее смиряясь с неизбежным срывом в отдельных отраслях. Послевоенная сталинская экономическая политика выдвигала проблему темпов в разряд первоочередных, поскольку до тех пор, пока тяжелая промышленность и военно-промышленный комплекс — основа советского народного хозяйства — развивались более быстрыми темпами, чем промышленность ведущих капиталистических стран, СССР мог надеяться на победу социализма во всем мире.

Если исходить из реальности, а не из приукрашенных сводок ЦСУ СССР, советские пятилетки никогда не достигали в полном объеме показателей, заданных плановыми цифрами. Так, в 1950 г. Госплан СССР по заданию правительства проверил сообщение ЦСУ о досрочном выполнении пятилетнего плана и пришел к выводу, что по основным отраслям тяжелой, легкой и пищевой промышленности уровень производства валовой продук-

ции, намеченный расчетами пятилетнего плана на 1950 г., не был достигнут и составил 91,6% от плана^{172}.

Чего же достигла страна в результате послевоенного промышленного рывка? «Уровень довоенного 1940 г. по общему годовому объему промышленной продукции, — сказал на XIX съезде партии Г.М. Маленков, — был достигнут и превзойден в 1948 г., по размерам добычи угля — в 1947 г., по производству стали и цемента — в 1948 г., по производству чугуна и добычи нефти — в 1949 г., по производству обуви — в 1950 г., по производству хлопчатобумажных тканей — в 1951 г. Это означает, что война задержала развитие нашей промышленности на 8–9 лет, т. е. примерно на две пятилетки»^{173}.

На первый взгляд, успехи, достигнутые СССР через семь лет после завершения войны, выглядели впечатляюще. Подробно Маленковым перечислялись другие важнейшие итоги первой послевоенной пятилетки, приводились, сравнительно с западными странами, более высокие темпы роста объема промышленной продукции в СССР. При этом доклад-

чик сознательно умалчивал, что прожиточный минимум в Москве был выше, чем в Вашингтоне, поскольку проблема качества жизни людей в Советском Союзе «выпала» из поля зрения советского руководства.

Советская экономическая модель действовала так, что резко понижала благосостояние населения и качество его жизни. Причина этого заключалась в целях экономической политики — борьбе СССР за мировую гегемонию, что вынуждало развивать производство в ущерб потреблению, уровень которого часто опускался ниже критической черты. В подтверждение — несколько характерных примеров. Согласно бюджетным обследованиям, семьи рабочих Москвы («витрины» достижений социалистического общественного строя и до войны, и после нее) по многим важнейшим продуктам питания (мясо, рыба, сахар, овощи) едва получали половину полагающейся физиологической нормы потребления. А ведь ЦСУ в бюджетных обследованиях учитывало не только продукты, купленные в государственной и кооперативной торговле, на колхозном рынке, но и те, что были полу-

чены рабочей семьей от личного хозяйства (огорода). Речь, следовательно, идет о максимуме. Наибольший удельный вес в продуктовой «корзине» рабочей семьи занимали хлеб и картофель. И если потребление хлеба несколько снизилось в 1950 г. в сравнении с довоенным, то, наоборот, потребление малопитательного, но зато дешевого картофеля возросло на треть. Наряду с хлебом, это был продукт, потребление которого превышало физиологическую норму. По расчетам Минфина СССР, прожиточный минимум в Москве осенью 1948 г. составлял 1 933 руб. (на человека в месяц), в т. ч.: продукты — 946 руб., одежда — 728 руб., жилье — 98 руб., прочие расходы — 160 руб. Такой среднемесячной зарплаты, которая бы обеспечила прожиточный минимум, в СССР не имел в те годы ни один даже самый высокооплачиваемый рабочий. В Вашингтоне в 1948 г. соответствующий показатель составлял 251 долл.^{174}

В отечественной исторической науке подчеркивалось, что в результате героического труда советских людей за пятилетие был восстановлен и значительно превзойден уро-

вень промышленного производства, выросло материальное благосостояние людей; что советский экономический строй проявил свои преимущества и жизненную силу. Упор делался на рост количественных показателей (выплавка чугуна, стали, производство электроэнергии и пр.)^{175}.

Серьезные недостатки советской системы — низкий уровень жизни, медленное восстановление численности населения страны, тяжелые условия труда и быта, жестокость трудового законодательства — были, по мнению ряда историков, обусловлены войной и ее последствиями и никак не связывались учеными с пороками действующей в СССР экономической модели или с государственной политикой в области экономики. Данные воззрения стали пересматриваться только в конце 80-х — 90-е гг.^{176}

Мнение автора

Немало ученых и сегодня полагают, что Советскому Союзу в XX в. была присуща общемировая тенденция перехода от традиционного, патриархального, сельского и аграрного общества к

современному, индустриальному, городскому. Чтобы соответствовать этой тенденции, в СССР создали высокоцентрализованную систему управления, а чрезвычайные меры и грубое принуждение исторически оправданы. Главными задачами Советского Союза в послевоенный период были: выход на мировой уровень технического прогресса; обеспечение военно-стратегического паритета с США; активное военно-экономическое сотрудничество со странами социалистической ориентации^[177].

Во-первых, при таком подходе учеными игнорируется тот очевидный факт, что в погоне за призраком сверхдержавности внутренние проблемы страны отодвигались советским руководством на второй план, хотя в идеологических целях (для подпитки народного энтузиазма) задача повышения уровня жизни советских людей выдвигалась после войны в качестве одной из приоритетных.

Во-вторых, послевоенный рост промышленности, о котором наша пропаганда сообщала как об очередном успе-

хе советской экономической политики, не привел ни к каким структурным изменениям ни в экономике, ни в обществе. Успешная реализация атомного и других военных проектов ложилась тяжелым бременем на неэффективную советскую экономику, увеличивала разницу в развитии между военно-промышленным комплексом и гражданскими отраслями.

В-третьих, желанная цель советской экономики — догнать передовые страны в области высоких технологий — оказалась недостижимой. Все технические новинки внедрялись в промышленное производство медленно и при максимальных социальных затратах. Высокотехнологичные отрасли и предприятия сосуществовали с архаичным производством, что оказывало непрерывное давление на сами основы отечественной экономики. Низкий профессиональный уровень рабочих, преобладание ручного труда, нищенская зарплата — таковы характерные черты «скупой» экономики или, по меткому выражению французского экономиста Ф. Перру, экономики «ничто за ничто».

Сталин достиг предела, решая неотложные задачи экономической политики целиком и полностью внеэкономическими методами.

В-четвертых, важно понять, что низкая оплата труда в СССР и тяжелые материальные условия жизни — это не только плата за нарушение экономических законов, в частности, принципа материальной заинтересованности производителя, но еще и особая правительственная политика, которая поставила народ в особые условия выживания. Государству выгодно такое состояние общества, потому что общество, озабоченное только выживанием, не способно серьезно задумываться о действительных причинах своего бедственного положения. Задача партийной идеологии, успешно решаемая длительное время, — не дать массам понять, что тяжелые условия жизни созданы искусственно, чтобы сделать «индустриального бойца» подвластным воле верхов. Это и составляло существо экономической политики сталинского государства. В-пятых, несмотря на то, что Сталин обладал

экономическим мышлением, реализация его планов не только обернулась для народов Советского Союза миллионными жертвами, но и оказалась в конце концов исторически несостоятельной.

Сельская жизнь

Оплата труда сельских тружеников в рассматриваемый период была ниже, чем в городе. Особенно тяжелым оказалось положение деревни во время засухи, разразившейся в 1946 г., и последовавшего вслед за этим голода. Распределение доходов и оплата труда в колхозах должна была проводиться в зависимости от числа выработанных каждым колхозником трудодней (трудодень — условная оценка каждого вида работ в колхозе). Поскольку после всех расчетов колхоза с государством нередко платить по трудодням было нечем, колхозники окрестили названную систему работой «за палочки» (трудодень или единица — отсюда «палочка»). Так, если в 1940 г. средняя выдача зерна по трудодням в расчете на 1 колхозный двор составляла 8,2 ц,

то в 1947 г. почти вдвое меньше — 4,2 ц. Даже спустя пять лет после окончания войны — в 1950 г. — до половины всех колхозов страны выдавали на 1 трудодень не более 1 кг зерна; около четверти — вообще не выплачивали деньги на трудодни, а 30% колхозов выдавали на трудодень не более 40 коп. В условиях, когда общественное производство не могло обеспечить колхозному населению даже необходимого жизненного минимума, резко возросла роль личного подсобного хозяйства. Однако и здесь государство не оставляло мужика в покое. Деревенское население платило государству не только огромный по тем временам денежный сельскохозяйственный налог, но и натуральный налог продуктами с личных приусадебных хозяйств, за который государство давало чисто символическую цену, в десятки раз меньше той, что стоили эти продукты на рынке или в магазине. Чтобы уплатить эти налоги, зачастую крестьяне были вынуждены продавать сельскохозяйственные продукты, выращенные в личном хозяйстве и необходимые для пропитания своей семьи. Одновременное взимание натурального

и денежного налогов часто приводило к разорению крестьян. Задолженность по налогам не списывалась; чтобы списать недоимки, требовалось специальное распоряжение союзного правительства по каждому конкретному случаю. Если в 1940 г. средняя сумма налога на один колхозный двор составляла 112 руб., то в 1951 г. — 523 руб. Налоги выросли почти впятеро, а земли и скота у крестьян в личном пользовании не только не прибавилось, но, наоборот, убавилось. Рост налогов наличные хозяйства колхозников увеличивал число недоимщиков; значительная часть недоимок числилась за семьями вдов и хозяйствами престарелых. Крестьяне рассматривали такую государственную политику как прямой грабеж населения. Активно продолжал развиваться процесс социального расслоения, связанный не с экономическим фактором, а с местом человека на лестнице колхозных чинов: председатель, счетовод, кладовщик, бригадир, рядовой работник^{178}.

В качестве одной из массовых форм сопротивления деревенского населения государственному гнету стало уклонение от обще-

ственных работ. Здесь не помогали и репрессивные государственные меры. Так, в 1946 г. не выработали обязательного минимума трудодней 4,3 млн. трудоспособных колхозников, а 260 тыс. не выработали вообще ни одного трудодня.

Стихийную миграцию из деревни в послевоенный период не могли сдержать даже паспортные ограничения. Об этом убедительно свидетельствуют демографические показатели. Численность населения СССР изменялась следующим образом (млн. человек на начало года): 1941 г. — 198,8; 1946 г. — 170,6; 1950 г. — 178,5 и 1953 г. — 188,0. Безусловно, огромные потери в войне сказались на послевоенном демографическом развитии СССР. Но не меньшее влияние на численность населения оказывала государственная политика. Так, ежегодный естественный прирост сельского населения до войны значительно превосходил соответствующий показатель в городах. Та же тенденция, хотя и в меньших размерах, сохранилась и в послевоенные годы. При этом численность городского населения СССР выросла за 1946–1953 гг. с 58 до 80,2 млн. чело-

век, а сельское сократилось с 112,5 до 107,8 млн. человек. Главная причина заключалась в том, что подавляющая часть подрастающего поколения убегала из деревень в города. Использовались любые способы, позволявшие преодолеть паспортные ограничения: уход по оргнабору, отъезд на учебу, служба в армии, замужество и пр. Чаще это происходило в те годы, когда деревня испытывала усиление государственного гнета.

Голодная смерть

Голод — государственная политика или вследствие засухи? Одни историки делают акцент на природных (засуха) и объективных (послевоенная разруха и нищета) причинах голода, другие — возлагают ответственность на государство, которое своей экономической политикой усугубляло вышеназванные факторы, способствовало расширению масштабов голода, снижению рождаемости в стране. Первые научные публикации по теме, включая публикации ранее секретных архивных документов, относятся к началу 90-х гг.^{179} Затем появляется обстоятельная монография

В.Ф. Зимы, посвященная этой проблеме^{180}.

Большинство историков считают, что отправной точкой голода явилась сильная засуха 1946 г. Начавшись ранней весной в Молдавии, засуха быстро распространилась на юго-западные районы Украины охватила затем все области Центрально-Черноземной зоны, включая и северные области Украины, а примерно с середины мая — правобережные районы Нижнего Поволжья.

Уже к середине лета 1946 г. правительству стали ясны возможные размеры недорода, а к осени были приняты крутые меры по экономии расходования хлеба: для ряда категорий рабочих и служащих снижены суточные нормы пайка, сняты со снабжения 85% сельчан, подлежащих государственному пайковому снабжению, сокращены лимиты для иждивенцев и детей, отдельных категорий работающих. Эти меры не затронули номенклатурные слои советского общества.

В «битве за урожай» правительственные интересы взяли вверх над нуждами населения. В октябре 1946 г. на пайковом снабжении находилось 59,5 млн. человек, в т. ч. лишь 4

млн. по сельской местности (в основном рабочие совхозов, агрономы, врачи, учителя). Между тем на селе проживало 109,7 млн. человек, в т. ч.: 36,3 млн. колхозников, 3,8 млн. единоличников и кустарей, 3,5 млн. учащихся в возрасте 14 лет и старше, а также 10,5 млн. занятых в домашнем и подсобном хозяйстве. Отсутствие гарантированного заработка в колхозах, огромные налоги на личные подворья селян, соединенные с засухой и неурожаем, усугубили тяжелое положение с питанием деревенских жителей, привели к массовому голоду и бегству из села. Государственная помощь зерном осуществлялась в недостаточных размерах, и к весне 1947 г. голод охватил значительную территорию страны.

Чтобы избежать последствий засухи и не допустить развития голода в стране, государство располагало необходимыми запасами зерна, которые могло и было обязано использовать для помощи голодающим районам. В этом нас убеждают цифры о государственных резервах хлеба, которые составляли (в зерновом выражении по состоянию на 1 декабря): в 1945/46 сельхозгоду — 16 987,4 тыс. т, в 1946/47

сельхозгоду — 12 680,9 тыс. т, в 1947/48 сельхозгоду — 19 564,1 тыс. т, в 1948/49 сельхозгоду — 24 028,8 тыс. т и в 1949/50 сельхозгоду — 31 182,1 тыс. т. Таким образом, недобор зерна в засуху (1946/47 сельхозгод), составивший треть всего запаса страны, был перекрыт в следующем году в 1,6 раза и рос в последующие годы. Однако у советского государства на первом месте были не заботы о нуждах населения Советского Союза, а расчеты на расширение сферы советского влияния. По этой причине только за 1946–1948 гг. экспорт зерна за границу составил 4,4 млн. т (в т. ч. во Францию для повышения шансов коммунистов на выборах). Указанного количества хлеба было бы вполне достаточно, чтобы спасти от голодной смерти сотни тысяч жителей собственной страны.

Прямые потери от голода в 1947 г. составили 770,7 тыс. человек. Именно такую цифру превышения количества смертей в 1947 г. в сравнении с предшествующим 1946 г. зафиксировали органы ЗАГС. В 1948 г. количество зарегистрированных смертей по СССР снизилось на 694,2 тыс. в сравнении с 1947 г. В два

последующих года (1949–1950) абсолютное число смертей по СССР оставалось на высоком уровне.

В наибольшей степени увеличение числа умерших в первый после засухи год по сравнению с 1946 г. наблюдалось в Молдавии, на Украине и в некоторых регионах РСФСР. Среди них: Астраханская, Воронежская, Ростовская, Грозненская, Курская, Вологодская, Крымская, Читинская, Челябинская, Ярославская, Кемеровская, Иркутская области, Краснодарский и Алтайский края, а также Бурят-Монгольская и Башкирская АССР. Мы перечислили только те районы, в которых статорганы зафиксировали в 1947 г. резкий рост — 1,5 раза и более — количества смертей по сравнению с 1946 г. Указанная территория значительно превышала ту, где, согласно официальным правительственным сводкам, в 1946 г. разразилась засуха. А это значит, что отнюдь не погодные условия унесли жизни тысяч людей.

Вопреки распространенной точке зрения, голод в стране не ограничивался 1946–1947 гг., а наблюдался и позже. Специальное исследование

дование, проведенное нами по всем республикам, краям и областям РСФСР, показало, что в 1948 г. положение с рождаемостью не только деревенского, но и городского населения ухудшилось в сравнении с 1947 г. и (в особенности) с 1946 г. Это же подтверждают данные о резких колебаниях рождаемости как по СССР в целом, так и по его отдельным регионам на протяжении 1948–1950 гг.^{181}

Глава 9. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА МИРОВ

Вызов Запада

Холодная война, оказавшая огромное воздействие на мировую историю второй половины XX в., относится к числу наиболее дискуссионных проблем исторической науки не только в нашей стране, но и за рубежом. Среди главных тем — истоки, сущность, периодизация, хронологические рамки холодной войны. Большое влияние на оценки оказывало идеологическое противостояние двух общественных систем — социализма и капита-

лизма. Только начиная со второй половины 80-х — начала 90-х гг. можно, видимо, говорить о научной разработке проблемы российскими историками.

Современные исследователи выделяют ряд особенностей, наложивших отпечаток на изучение этой значительной и объемной проблемы. Во-первых, лишь сравнительно недавно ученые получили доступ к важнейшим архивным документам. Среди них: материалы отделов ЦК КПСС, стенограммы пленумов, некоторые важные документы Секретариата и Политбюро, значительная часть сталинского архива. По-прежнему остаются закрытыми архивы КГБ, не рассекречена большая часть шифротелеграмм — основное средство связи между Москвой («инстанцией») и зарубежными представительствами. Во-вторых, в условиях несовершенства источниковой базы было затруднительно проводить объективное изучение советской политики, ее механизмов, динамики и результатов. В-третьих, на фоне демократических процессов, развернувшихся в России, сложилось «острокритическое отношение к старым идеологизиро-

ванными постулатам, стремление избавиться от советского «имперского» наследия». Во многих работах на первое место вышла проблема исторической ответственности и вины советского руководства, прежде всего Сталина, за возникновение и продолжение холодной войны^{182}.

Однако и сегодня между учеными нет единства по многим вопросам истории холодной войны. Поэтому нам представляется преждевременным вывод автора школьного учебника Н.В. Загладина о том, что большинство ученых полагают, будто лидеры СССР и США проявляли обоюдное «нежелание идти на компромиссы, считаться с интересами друг друга»^{183}. Скорее можно говорить о том, что в российской историографии начинает преобладать точка зрения, в которой большая часть вины за развязывание холодной войны возлагается на советскую сторону^{184}.

В советской исторической науке термин «холодная война» первоначально употреблялся применительно к политике США и других «империалистических» государств в отношении социалистических стран, в первую

очередь Советского Союза, и хронологически охватывал период после второй мировой войны до 60-х гг. Целью этой войны была попытка «переиграть» результаты второй мировой войны, лишить советский народ и «силы прогресса» плодов победы^{185}.

Современные историки полагают, что характер холодной войны не может быть правильно понят, если оставить без внимания доктринальные основы советской внешней политики в послевоенные годы. Их краткая формулировка выглядит следующим образом: на смену «загнивающему» капитализму неминуемо должна прийти коммунистическая формация как высший итог развития человечества; в оценке явлений международной жизни следует руководствоваться марксистско-ленинским положением о конечной победе «мировой революции», поэтому СССР должен делать все для достижения этой цели; первоочередной идеологической задачей является внедрение в массовое сознание идеи об особом (мессианском) предназначении СССР, способном устроить на Земле счастье всего человечества; пока существует импери-

ализм, войны на земном шаре неизбежны, поэтому, чтобы предотвратить новые войны, следует уничтожить империализм^{186}.

Последнее положение было высказано Сталиным в 1952 г. в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Историки отмечают, что, начав политическую деятельность с ленинской интерпретации идеи «мировой революции», кремлевский правитель к концу жизни трансформировал эту идею в политику неуклонного расширения рамок «советской империи». В то же время ученые отмечают значительную роль реализма во внешней политике Сталина в эти годы, вынужденного считаться с действительным положением Советского Союза в мире и наученного горькими уроками недавно закончившейся второй мировой войны. В ряде последних работ феномен Сталина в холодной войне раскрывается в сочетании *тиран-«реалист»*; его ум и воля играли «громадную, определяющую роль» в выработке советской внешней политики. По мнению этих историков, уже осенью 1945 г. Сталин считал противоборство с Западом «неизбежным» и разрядку после войны —

«невозможной».

Сегодня большинство российских историков определяют холодную войну как политическую, идеологическую, экономическую и локальную военную конфронтацию двух антагонистических систем — капиталистической и социалистической; роль первой скрипки играли два государства (каждое на своей стороне) — США и СССР. Завершением этой войны считают конец 80-х гг.

В последнее время в отечественной исторической науке оформился новый подход к проблемам холодной войны. Происхождение ее все более связывают с той политикой союзных держав, которую они проводили и до, и в ходе второй мировой войны, т. к. противоречия между двумя социальными системами восходят к расколу мира в 1917 г. Поскольку итоги войны резко изменили соотношение сил между двумя системами в пользу социализма, дальнейшее мировое развитие виделось Кремлю в виде непрерывного усиления социализма. В этом, полагают приверженцы указанного направления, заключалась глобальная цель Сталина^{187}.

И коммунистическая идеология, и либерально-демократическая (западная) были рассчитаны на максимальное распространение. Если Восток, утверждают эти историки, не мог предложить ничего, кроме своего «тотального опыта», то Запад апеллировал к «универсальным человеческим ценностям, обогащенным новым позитивным зарядом». К таковым после войны стали относить: принятие Устава ООН и создание ЮНЕСКО, учреждение Международного военного трибунала и Международного валютного фонда (МВФ), возврат к планам всеобщего разоружения и выдвижение планов единой Европы, принятие Всеобщей декларации прав человека и пр. Утверждают также, что Сталин и его преемники придавали решающее значение стратегии борьбы за социализм, хотя «однозначно трудно сказать», готово ли было советское руководство при Сталине идти до конца, «до решающей вооруженной схватки с капитализмом». Запад представлял в этом конфликте страны с «развитой демократией» и соответствующими ей институтами, тогда как в Советском Союзе господствовали безальтерна-

тивная партийная идеология и государственное насилие как основной метод решения внутренних и внешних проблем. Завершением холодной войны считают падение Берлинской стены (символ раскола двух систем) и распад Советской империи.

Другие отечественные историки отмечают, что холодная война сильно отличалась от общей конфронтации двух систем. Это была особая форма противоборства, со своим глобальным масштабом, предельной интенсивностью и чрезвычайно высокими ставками. Согласно определению госдепартамента США, холодная война — это все формы борьбы, кроме прямой войны (психологическая война, подрывная деятельность и пр.). Выигрыш в этой войне позволял привлечь на свою сторону подавляющее большинство стран, и в этом смысле это была война миров. Эти историки также подчеркивают: доктрина директора ЦРУ А. Даллеса, сформулированная им весной 1945 г., подразумевала конечной целью борьбы против СССР гибель русского народа как «самого непокорного народа на земле, окончательное, необратимое угасание его самосо-

знания». Таким образом, заключают историки, стратегию Запада по отношению к Советской России нельзя рассматривать как просто геополитическое «сдерживание коммунизма». Главным аспектом этой войны была борьба с «русским империализмом» на территории исторической России^{188}.

Западная версия событий холодной войны отличалась большей однозначностью; ее оценки были диаметрально противоположны советским. Сказалось и то обстоятельство, что, по мнению зарубежных кругов, США одержали в этой войне историческую победу над СССР. Тезис о полной и безоговорочной «победе» Запада в холодной войне записан во многих правительственных документах США, включая «Стратегию национальной безопасности».

История сохранила имена двух виднейших идеологов западного мира, объясняющих природу холодной войны с позиций англо-американских интересов. Первый — Дж. Кеннан, автор так называемой доктрины сдерживания, бывший в 1944–1946 гг. советником посольства США в Москве. Он изучал

сталинскую систему и ее вождя. Итогом размышлений стало его донесение, отправленное американскому правительству 22 февраля 1946 г. Он писал: «СССР является политической силой, которая фанатически привержена взгляду о «невозможности постоянного модус вивенди (способа существования) с Соединенными Штатами, силой, полагающей, что желательно и необходимо разрушить внутреннюю основу американского общества, уничтожить традиционный образ жизни, подорвать международные позиции американского государства с тем, чтобы укрепить советскую мощь». Глухие к логике разума, подчеркивал Кеннан, русские в то же время весьма чувствительны к логике силы. Поэтому США достаточно сдержать экспансию Кремля «преобладающей силой», чтобы добиться его ослабления и отхода в «естественные географические пределы», за которые он вышел в итоге второй мировой войны. По оценке бывшего президента США Дж. Буша-старшего, его страна проводила политику сдерживания коммунизма до конца 80-х гг.^{189}

Вторым идейным вдохновителем «сдержи-

вания коммунизма» был отставной премьер-министр Англии У. Черчилль, выступивший в марте 1946 г. в американском колледже в Фултоне в присутствии президента Г. Трумэна со своей программной речью. Он сформулировал цели «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке», направленной против растущей опасности для христианской цивилизации со стороны «коммунистических или неофашистских государств». Для этого, как он считал, США и их западные союзники должны сохранять монополию в отношении атомной бомбы, объединить под единым руководством и для совместного использования свои военно-морские силы, авиацию и базы. Основную угрозу мировому сообществу Черчилль видел в росте влияния коммунистических партий в странах Европы, действующих «в полном единении и абсолютном повиновении указаниям, полученным от коммунистического центра». Поэтому западные страны должны были отказаться от прежней доктрины равновесия сил и перейти к созданию значительного перевеса в военной мощи над Советским Сою-

зом. Фултонская речь была заранее согласована с Белым домом, хотя американский президент в публичном заявлении озвучил версию о своем предварительном «неведении» относительно ее содержания⁽¹⁹⁰⁾.

Спустя неделю в «Правде» было дано развернутое изложение речи Черчилля, а через два дня опубликовано интервью Сталина, в котором он заявил, что «установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР». Санкционировав публикацию основных положений речи Черчилля в советской печати, полагают современные историки, Сталин тем самым готовил почву для «закручивания гаек» внутри страны, т. к. знал, как истосковалась страна по покою и миру, как сильно в народе стремление расслабиться после крайнего напряжения сил в военные годы.

Фултонская речь впервые открыто сформулировала фундаментальный вызов Западу советской системе и Сталину, и этот вызов был принят.

Противостояние сверхдержав

Известный историк В.П. Наумов на основе ряда материалов из Архива президента РФ считал, что Сталин «готовился к третьей мировой войне» и «не боялся ядерной войны», а историки А.А. Фурсенко и Т. Нафтали пришли к совершенно иному выводу: Сталин в последние месяцы жизни «вынашивал надежды на ослабление напряженности в отношениях с Западом»^{191}.

Один из наиболее спорных вопросов советской послевоенной истории — наличие у СССР плана ведения войны против США. В одной из последних работ, касаясь ситуации 1948–1949 гг., ее авторы пишут, что отсутствие соответствующих документов в российских архивах вовсе не означает, что такого плана у СССР не было. По их мнению, с началом нового витка холодной войны одновременно «началась проработка оперативных планов ведения боевых действий против друг друга как в США, так и в СССР». Но если в отношении американских намерений авторы (А.А. Данилов и А.В. Пыжиков) ссылаются на конкретные документы и исследования, то советских планов для этого времени им «об-

наружить не удалось». Развертывание советской десантной армии и баз военного снаряжения на Чукотке, Камчатке и на побережье Северного Ледовитого океана, разработка в Советском Союзе стратегических бомбардировщиков сверхдальнего действия с ядерной бомбой на борту, способных достичь территории США, проведение советских военных учений в Заполярье, подготовка планов диверсий против американских военных баз в Европе — факты, с помощью которых Данилов и Пыжиков стремятся обосновать свою точку зрения о подготовке СССР к третьей мировой войне. Ссылаясь на свидетельства многочисленных источников, они считают, что новой мировой войны Сталин не боялся и к ней готовился, но «полагал, что время для прямого военного противостояния с США еще не пришло»^{192}.

Ряд отечественных историков, напротив, подчеркивая агрессивный характер международной политики США, ссылался на конкретные исторические факты. Так, в сентябре 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов одобрил идею нанесения США первого

удара по потенциальному противнику. Тогда же был разработан меморандум с предложением отобрать 20 наиболее важных целей, «пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». В 1949 г. американским планом войны с Советским Союзом («Дропшот») намечалось сбросить на 100 городов нашей страны 300 атомных бомб в первом ударе. Как свидетельствуют рассекреченные документы, американские военные планы второй половины 40-х гг. основывались на следующих положениях: война с СССР — реальность, если не удастся «отбросить» мировой социализм; СССР и его союзники не должны достигнуть уровня США в военном и экономическом отношении; США должны быть готовы первыми использовать ядерное оружие^{193}.

Корейский конфликт

Кульминационным пунктом противостояния США и СССР на начальном этапе холодной войны стало участие обеих сверхдержав в корейской войне (25 июня 1950 г. — 28 июля 1953 г.). Рассекреченные архивные доку-

менты неопровержимо свидетельствуют, что первой начала военные действия Северная Корея. Решение о нападении северокорейский лидер Ким Ир Сен принял после того, как заручился поддержкой Сталина и Мао Цзэдуна^{194}.

По мнению историков, позиция Сталина в корейском конфликте строилась с учетом ряда важнейших фактов: обладание СССР атомной бомбой, рост национально-освободительного движения в Юго-восточной Азии, заявление американской стороны о том, что ее мировые оборонительные рубежи обходят Корею. Президент Трумэн полагал, что Москва сознательно стремилась втянуть США в вооруженный конфликт на Дальнем Востоке, чтобы развязать себе руки в других стратегически важных районах мира и прежде всего в Европе^{195}.

Советское правительство сначала оказывало КНДР помощь вооружением, боевой техникой, материальными ресурсами, а в конце ноября 1950 г. перебросило в Китай несколько авиадивизий, которые участвовали в отражении налетов авиации США на территорию Се-

верной Кореи и Китая. В небе Кореи воевал прославленный Иван Кожедуб⁽¹⁹⁶⁾.

По сообщениям иностранной прессы, в ходе корейской войны советские суда осуществляли десант на восточное побережье Центральной Кореи, а советские бомбардировщики совершали налеты на Сеул. Война шла с переменным успехом. Смерть Сталина, как считают современные отечественные историки, позволила московскому руководству совместно с Китаем и КНДР путем уступок достигнуть соглашения с американцами о перемирии в Корее, и после трудных переговоров мирное соглашение в июле 1953 г. было подписано.

Корейская война показала не только пределы силы мощнейших в мире держав, но и непримиримость двух противоборствующих систем.

Американские историки считают, что начало корейской войны привело Америку к заключению сепаратного мирного договора с Японией, и это затрудняло контроль СССР над ситуацией в Тихоокеанском регионе. Агрессия Северной Кореи, полагают они, побудила

страны НАТО к укреплению альянса, наращиванию вооруженных сил, к согласию на присутствие американских войск в Европе и даже к принятию мер по ремилитаризации ФРГ {197}.

В целом исследование проблем холодной войны еще далеко от своего завершения, можно говорить только о предварительных итогах и оценках. Ход мировой истории сложился так, что в рассматриваемый период появились реальные возможности для превращения США и СССР в сверхдержавы. Каждая из противоборствующих сторон пыталась использовать свои сильные стороны, присущие ей как общественно-политической системе. Однако никто из историков не отрицает тот очевидный факт, что конфликт между обеими системами протекал в рамках нового мирового порядка, выработанного на международных конференциях в Сан-Франциско, Потсдаме; что ни один локальный военный конфликт не перерос в «горячую» войну; что в конце концов стороны научились достигать компромисса в своих спорах.

Часть 3. БИТВА ЗА КОММУНИЗМ Советский Союз в годы реформ: март 1953 г. — октябрь 1964 г.

Глава 10. РАСЧИСТКА ПУТИ ОТ ЗАВАЛОВ

Привесок к марксизму-ленинизму

В отечественной исторической науке до недавнего прошлого реформы изображались (в соответствии с ленинскими формулировками) как «побочный продукт революционной классовой борьбы». Роль и значимость реформ преуменьшались и недооценивались, а потому почти не изучались. Это в полной мере относилось и к хрущевскому времени⁽¹⁹⁸⁾.

Распад СССР вновь поставил в повестку дня для историков проблему соотношения ре-

волюций и реформ в XX в., заставил переосмыслить прежние выводы и оценки. Однако события мировой истории повернулись так резко и неожиданно, а изменения были столь значительны, что потребовалось немало времени для накопления необходимого эмпирического материала и выработки соответствующей методологии. Сразу обозначились разные подходы и критерии в оценке советского прошлого. Одни историки рассматривали хрущевские реформы как предтечу горбачевской перестройки и отправной точкой распада советской системы называли первую половину 60-х гг., другие подчеркивали изначальную утопичность социализма как «идеального мира», строительство которого стоило миллионных жертв и который оказался «непригоден» для решения экономических, социальных, национальных проблем.

Современные историки выделяют, как правило, реформы двух типов — системные и структурные. Первые подразумевают качественные изменения «во всех сферах общественно-политической жизни», вторые связаны с преобразованием отдельных структур

или отраслей. Подчеркивается также необходимость учета направленности реформ: одна часть реформ, полагают ученые, вела к укреплению и развитию советского строя, а другая, приспособившая этот строй к «рынку» и «демократии», разрушала стабильность и целостность системы. Некоторые историки отмечают следующее важное обстоятельство: хрущевские начинания имели «общую направленность» и проводились по «определенной схеме», но их результаты оказались «неоднозначными», поскольку по существу они подрывали советский строй¹⁹⁹.

В этой связи важно знать, как понимали эту проблему хрущевские предшественники на посту руководителя Советского государства, чьи воззрения и практические рекомендации в этом вопросе для Хрущева служили путеводной нитью. Как уже отмечалось выше, для В.И. Ленина реформы всегда были «побочным продуктом революционной классовой борьбы». Однако будучи реалистом, чутко улавливающим малейшие изменения в общественной жизни России, Ленин призывал «уметь определять» противоположность

между понятиями «революция» и «реформа», не абсолютизировать ее. Анализируя важнейшие реформы царской России — реформу 1861 г. и столыпинскую — Ленин подчеркивал, что обе остались реформами в силу «слабости известных общественных элементов», но в то же время создали условия для дальнейшего развития революционных сил. Ленин указывал и качественное отличие, лежащее, по его мнению, в основе обоих процессов. Реформы — это «уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства», тогда как революция есть «ниспровержение господствующего класса». Революция «ломает старое в самом основном и коренном», а не переделывает его «осторожно, медленно, постепенно», был уверен Ленин.

В своих работах Ленин неоднократно подчеркивал, что переделать капиталистическое общество реформами нельзя, — для этого необходимы «революционная власть и насилие». Однако принятие новой экономической политики в 1921 г. заставило Ленина внести коррективы в свои теоретические построения. Он хотя и с оговорками, но признавал

НЭП как «реформистский» подход в коренных вопросах экономического строительства, отличный от прежнего, революционного. Ленин уточнял: после того как пролетариат одерживает победу в своей стране, он вправе использовать реформы как «необходимую и законную передышку» для накопления сил к «революционному выполнению» нового перехода. Но и в период НЭПа, по Ленину, сохраняется прежняя цель революции в России — «переделать все», чтобы ни один разумный человек «никогда не подумал вернуться к старому»^{200}.

Следует, однако, подчеркнуть, что необходимость прибегать к реформам или, по ленинской терминологии, к «передышке», несколько не означала в его представлении какого-либо отступления от революционной идеологии и ее центрального программного пункта — свержения власти помещиков и капиталистов и «освобождения трудящихся масс от этих эксплуататоров».

Следовательно, для Ленина реформы — не самоцель, а тактический маневр, проводимый для перегруппировки революционных

сил в ходе реализации стратегической цели большевистской партии — «водворения социализма». Важно также отметить, что в отличие от реформ Ленин рассматривал всякую революцию как «весьма глубокий кризис», охватывающий в первую очередь область политики и экономики. Этот кризис, по его мнению, не зависел от кризиса, «созданного войной».

Большинство ученых признают, что ленинский НЭП был первой реформой советского строя, который, чтобы остановить свое падение в пропасть, был вынужден возродить курс на рыночные реформы.

Следующий этап социалистического строительства в СССР, потребовавший изменения прежнего политического курса, — индустриализация и коллективизация. Последняя, вопреки распространенному ныне среди историков мнению, не рассматривалась советскими вождями как реформа. «Если конфискация земли у помещиков была *первым* шагом Октябрьской революции в деревне, — гласила резолюция XVI съезда ВКП(б), — то переход к колхозам является *вторым* и притом решаю-

щим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР»^{201}. В «Истории ВКП(б). Краткий курс» эта сталинская оценка не только повторена, но и расширена. Ликвидация кулачества как класса признавалась в этом учебнике равнозначной «по своим последствиям» Октябрьской революции. Своеобразие и отличие этой новой революции, по мнению авторов «Краткого курса», состояло в том, что «она была произведена *сверху*, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке *снизу* со стороны миллионов масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»^{202}. Однако в рамках этой второй революции в качестве «передышки» для подготовки к очередному революционному переходу, как считал Сталин, проводилась политика реформ. Именно в этих выражениях он оценивал отмену карточной системы на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1934 г.: «В чем смысл всей политики отмены карточной системы? — Прежде всего в том, что мы хотим укрепить денежное хозяйство... *вовсю* развер-

нуть товарооборот. Вот основной смысл предпринимаемой нами реформы»^[203]. Итак, по Сталину, реформа возможна только в русле прежнего революционного курса как «подпорка» для укрепления базовых основ нового советского строя. Такой подход, как видим, был вполне в духе ленинских установок.

По своему мировоззрению, связанному с соответствующим воспитанием, образованием, убеждениями и деятельностью, Хрущев так же, как его предшественники, верил в «неумолимое развитие общества на пути к справедливой общественно-экономической формации»^[204]. Иными словами, несмотря на свою борьбу со сталинизмом, он верил в коммунизм, т. е. в окончательный успех непрекращающейся ни на миг деятельности Коммунистической партии Советского Союза по революционному переустройству не только советского общества, но и всего мира. Сам Хрущев считал себя в первую очередь революционером, а не реформатором, о чем свидетельствует весьма примечательный факт. В июле 1960 г. на встрече с представителями советской интеллигенции Хрущев дал следую-

щую оценку своей послесталинской политике: «Мы не только раскритиковали недостатки прошлого, но и провели такую *перестройку* (курсив наш. — В. П.), которую без преувеличения можно назвать *революционной* (курсив наш. — В. П.) в деле управления и руководства всеми областями хозяйственного и культурного строительства»^{205}. Хотя, как и его предшественники, Хрущев избегал употреблять в своем политическом лексиконе слово «реформы», однако в отношении партийных оппонентов его политическому курсу он неоднократно применял выражения «консервативные люди», «талмудисты и начетчики», «ревизионисты», «догматики и консерваторы». Себя же Хрущев относил к тем, кто выступал на стороне нового в борьбе со старым, «в борьбе сил, выступающих за торжество коммунистических принципов, против извращения этих принципов».

В его представлении, он занимался «расчисткой пути от завалов», убирал все «отмершее и ненужное», доставшееся ему в наследство от Сталина и мешающее «историческому движению к коммунизму». В то же время, по

его собственному признанию, у высшего руководства имелись «опасения», что оно может не справиться с перестроечными процессами и направлять изменения «по такому руслу, чтобы оно оставалось советским». Поэтому приходилось сдерживать рост общественных настроений, «неудобных с точки зрения руководства»^[206].

Наиболее ярые оппоненты хрущевской политики — В.М. Молотов и Л.М. Каганович — приписывали Хрущеву инициативу в строительстве «потребительского социализма», ставку на обывателя и «мещанина», а хрущевскую реорганизацию государственного аппарата хотя и называли вслед за Хрущевым реформой, но считали, что на практике она обернулась «троцкистским перетряхиванием кадров министерств и местных органов» и принесла «вред народному хозяйству»^[207].

Считалось, что именно Хрущеву принадлежит авторство крылатого выражения «Коммунизм — это гуляш». В действительности он неоднократно в своих выступлениях говорил о необходимости роста материального благосостояния людей, заявлял, что для «простого

человека» важны не идейные рассуждения, а конкретные продукты — мясо, масло, молоко, колбаса и если будет «привесок других продуктов к марксизму-ленинизму, то идеи марксизма-ленинизма не только в передовые, а и в средние головы полезут при смазке маслом, чем насухую». По мнению же Молотова, усиление фактора материального стимулирования труда, характерное для политики Хрущева, порождало *материальное неравенство людей*, способствовало усвоению массами «буржуазной психологии». По этой же причине Молотов и Каганович называли Хрущева «правым уклонистом», оживляя в памяти партийных кругов осужденного Бухарина с его лозунгом «обогащайтесь»^{208}.

На закрытом пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 г. новый лидер Л.И. Брежнев заявил, что Хрущев «встал на путь нарушения ленинских принципов коллективного руководства жизнью партии и страны, выпячивал культ своей личности». Таким образом, вина за все ошибки и просчеты эпохи «оттепели» была возложена на опального реформатора. Приведенная оценка оказывала негативное влияние на

изучение хрущевских новаций на протяжении длительного периода. Только в 1987 г. исторические заслуги Хрущева в критике культа личности Сталина, его реформы в области экономики и управления получили официальное признание^{209}. Однако в горбачевском докладе причина неудач «прогрессивных начинаний» связывалась главным образом с личностью реформатора, его «субъективистскими ошибками», т. е. считалось, что неэффективность советской системы вытекала не из самой ее природы, а определялась личностными особенностями советского лидера.

В последующем М.С. Горбачев дал развернутую оценку хрущевских реформ, признавал их объективный характер, обусловленный не пресловутым «волюнтаризмом» Хрущева, а условиями и обстоятельствами времени, пониманием невозможности сохранения сталинского режима. Он также полагал, что своим закрытым докладом на XX съезде партии Хрущев нанес «первый удар по тоталитарной системе» и это было «вехой во всемирной истории»; что экономическая реформа ликвидировала советское «крепостное право» в дерев-

не; что совнархозы положили начало обновлению хозяйственных кадров; что общий замысел разделения парткомитетов на промышленные и сельскохозяйственные заключался в слове «косной и статичной» структуры управления⁽²¹⁰⁾.

Ключевое место среди хрущевских реформ, по общему признанию ученых и политиков, занимало разоблачение культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Именно после этого среди прогрессивной части коммунистов развернулась дискуссия о сущности социализма, той системы, которая была создана в СССР. По мнению ряда исследователей, благодаря Хрущеву сформировалась новая система взаимоотношений не только между супердержавами (СССР и США), но и внутри мирового коммунистического движения. XX съезд лишил священного ореола и самого вождя, и коммунистические идеи. Ученые отмечают большой разброс в оценках хрущевских реформ: для одних это «цепь предательства марксизма-ленинизма», для других — «цепь реформ». Социологические опросы показали, что Хрущев запомнился населению не только

как борец с культом личности, прекративший в стране массовый террор, но и как «кукурузник», считавший эту культуру панацеей, способной излечить все беды отечественного животноводства. Одной из главных причин ограниченности хрущевских реформ считают то обстоятельство, что они проводились руками номенклатуры, которая думала не столько о самих реформах, сколько о сохранении своей власти в новых формах и условиях. В то же время историки отмечают, что в своей внутренней политике Хрущев пытался опереться на народ, в котором наблюдалось «глубокое отторжение» сталинских насилий и ужасов^[211].

Периоды давления и компромиссов

Некоторые западные историки отмечают, что в Советском Союзе широкомасштабные реформы осуществлялись «часто». Для понимания этой закономерности они предлагают изучать те проблемы, которые эти реформы были призваны разрешить. По их мнению, основные проблемы оставались «неизменными», а попытки их решения были «по-

хожи друг на друга», поскольку однопартийная советская диктатура действовала силой принуждения. Среди методов решения проблем выделены следующие: чистки (от индивидуальных исключений из партии до массовых репрессий); идеологические «заклинания», обращенные к народу («социалистическая революция», «социализм в одной стране», «построение коммунизма», «перестройка»); непрерывная перекройка общественных институтов и управленческих государственных структур; особая политика проведения всевозможных «кампаний», призванных выявить официальные приоритеты и мобилизовать для решения задач «массы» и «актив». Непрерывное давление, оказываемое властью на общество, сменялось временным послаблением, если существование советского строя ставилось под угрозу. Цикличность периодов давления и компромиссов обуславливалась неизменной природой советского государства^[212].

Один из наиболее глубоких знатоков советской системы и общепризнанный мировой авторитет в этой области Я. Корнай в сво-

их исследованиях показал (а многие считают, что и доказал): ключом к объяснению классической социалистической системы служит понимание ее политической структуры, т. е. признание факта *безраздельного* господства коммунистической партии, одержимой своей особой идеологией — строительством коммунистического общества. Партия и идеология образуют такое же единство, как душа и тело. Именно этот главный фактор (главная линия причинно-следственных связей, по Корнай) породил все остальные специфичные для системы явления — господство государственной формы собственности, бюрократический механизм управления, согласование планов, нехватку рабочей силы, хронический дефицит и др. *Каждый раз, когда реформы угрожали абсолютной власти КПСС, происходило их свертывание и подавление всех сил, «отклоняющихся от партийной политики или противостоящих ей»*^{213}.

Многие историки отмечают следующий важный факт: именно политические реформы послесталинского десятилетия стали камнем преткновения для советских руководите-

лей. Попытки что-либо серьезно изменить в этом ключевом звене советской системы положили конец карьере всего реформаторского крыла партии. Сначала это был Л.П. Берия, а затем Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев. Последний (благодаря поддержке партаппарата) продержался дольше всех, но именно аппарат стал инициатором отставки Хрущева, когда почувствовал в его реформах серьезную угрозу своей абсолютной власти в стране.

Берия вышел из доверия

Среди сталинского окружения имелась группа лиц, понимавшая необходимость проведения реформ советской системы. Инициаторами изменения прежней политики выступили Л.П. Берия и Г.М. Маленков. Роль Н.С. Хрущева в первые месяцы после смерти Сталина, как свидетельствуют исторические факты и как считает большинство историков, не была определяющей в кремлевском руководстве.

5 марта 1953 г. в 8 часов вечера, когда Сталин доживал последние минуты, началось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Со-

вета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором произошло перераспределение ключевых постов в партии и государстве. Маленков был утвержден на пост председателя Совета Министров СССР, Берия после семилетнего перерыва вновь возглавил объединенное министерство внутренних дел, Молотову был возвращен пост министра иностранных дел, а Микояну — министра внутренней и внешней торговли.

Было признано необходимым, чтобы Хрущев «сосредоточился на работе в ЦК КПСС». Вместо двух действующих органов ЦК (Президиума и Бюро Президиума) сохранялся один орган — Президиум ЦК КПСС. Количественный состав Президиума ЦК КПСС сократился с 25 членов и 11 кандидатов до 11 членов и 4 кандидатов. В состав Президиума входили: Г.М. Маленков, Л.П. Берия, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, М.Г. Первухин (в газетной публикации о заседании состав Президиума указан в числе 10 человек, а не 11, т. к. из него был исключен Сталин). Таким образом, внутри узкой группы

нового руководства сильные позиции имели не только представители реформаторского крыла, но и консервативного в лице Молотова, Кагановича и Ворошилова^{214}. Маленкову, Берии и Хрущеву поручалось «приведение в должный порядок» сталинского архива, что, по мнению некоторых историков, являлось «индикатором принадлежности к подлинной власти»^{215}.

Вопрос о роли Маленкова и Берии в после- сталинских реформах был сильно затушеван в хрущевский период. Многие ученые и сегодня оценивают, например, позицию Берии и его начинания весной-летом 1953 г. в духе хрущевских мемуаров: якобы Берия стремился к «захвату власти», чтобы повернуть развитие страны «с социалистического на капиталистический путь». В настоящее время под давлением фактов эти оценки пересматриваются. Отдельные историки даже стали изображать Берию как главного инициатора послесталинских реформ, чьи намерения были «весьма серьезные», но реализовали их другие. Делаются также попытки подойти объективно к оценке деятельности Берии^{216}.

Наиболее взвешенной и аргументированной представляется позиция тех ученых, которые рассматривают послесталинские реформы как достаточно узкое в политическом и социальном отношении явление. Изменения начались в небольшом кругу партийно-государственной верхушки, у которой на тот момент отсутствовала не только развернутая программа реформ, но и широкая поддержка как среди самих реформаторов, так и в обществе. Особенность переживаемого в Советском Союзе исторического момента заключалась в том, что после длительных лет сталинского правления общество только начинало «просыпаться и осознавать происходящее», поэтому слово «оттепель» как нельзя более точно характеризует данное состояние. Второе важное обстоятельство, свидетельствующее об ограниченности реформ, — принципиальные расхождения среди членов советского руководства по вопросу о приоритетах внутренней и внешней политики, методах осуществления реформ. Миллионы заключенных и спецпоселенцев, вымирающая под налоговым ярмом деревня, раздутый во-

енно-промышленный комплекс, высасывающий из экономики все соки, конфронтация по всему миру, включая своих недавних союзников, в т. ч. из социалистических стран, тревожные настроения внутри страны — вот далеко не полный перечень проблем, накопленный в послевоенный период.

Сразу же после пленума в апреле 1953 г. Маленков потерял свое руководящее положение в качестве секретаря ЦК КПСС, державшего под контролем партийный аппарат и все руководящие кадры советской государственной машины. Лишившись столь мощной опоры, он стал серьезно зависеть от других членов Президиума ЦК, входивших в Совет Министров. Его положение теперь во многом зависело от союза с Берией. Однако, как показали дальнейшие события, Маленков не вполне осознавал новую ситуацию и полагал, что, возглавив правительство, стал первым в государстве.

Наиболее активно вел себя в первые месяцы после смерти Сталина Берия. Он стремился расставить на ключевых постах в Министерстве внутренних дел СССР своих людей,

освободившись от неудобных лиц, торопился реализовать свою идею об амнистии осужденных (соответствующий указ принимается 27 марта 1953 г.). По его же инициативе пересмотрен ряд громких сталинских политических процессов — «дело авиаторов», «дело врачей», «мингрельское дело» и др. В ряду бериевских начинаний также были попытки скорректировать кадровую политику в национальных республиках, пересмотреть прежнюю экономическую политику, нормализовать отношения между СССР и западными странами путем создания «мирной, воссоединенной Германии»^{217}.

Большинство историков отмечают ряд причин, по которым Берия потерпел неудачу. Это, во-первых, торопливость и непродуманность многих предложенных мер. Так, по указу об амнистии из лагерей и колоний было освобождено более 1 млн. человек; множество уголовников буквально наводнили города и поселки, сделав обстановку напряженной. Порядок быстро восстановили, но это решение негативно отразилось на престиже Берии^{218}. Также и попытки выдвигать активнее

национальные кадры вызвали неприятие этой меры у русских кадров в союзных республиках и в центральном партийном аппарате, стремящемся избежать конфликта на местах. Стремление Берии опираться в своих действиях на аппарат МВД только усугубляло конфликт между различными ветвями власти — силовыми структурами и партийными. Особенно резкую оппозицию внутри Президиума ЦК КПСС вызвало предложение Берии по Германии — против выступил не только Молотов, но Булганин и Хрущев. Ситуация усугублялась тем, что 17 июня 1953 г. началось массовое выступление населения Берлина и ряда городов ГДР, подавленное советскими танками по приказу Берии. Последний, по свидетельству генерала П.А. Судоплатова, считал, что демонстрация силы повысит советские шансы для достижения компромисса с западными державами по вопросу мирного объединения Германии^[219]. Этот расчет оказался ошибочным. Неудача по германскому вопросу и растущее сопротивление партийного аппарата новому курсу заставили Маленкова перейти в лагерь противников Бе-

рии.

Существовало еще одно важное обстоятельство, способствовавшее консолидации антибериевских сил. К лету 1953 г. МВД СССР накопило документы, которые могли дискредитировать Маленкова, Хрущева, Молотова, Кагановича и других членов Президиума ЦК КПСС. По мнению большинства историков, страх объединил членов Президиума и они устранили Берию, сделав из него на долгие годы «козла отпущения» за все приписанные ему преступления сталинского политического режима. Ученые также считают бездоказательными, не подтвержденными документами, строки из обвинительного заключения о том, что Берия организовал заговор с целью «захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии»^{220}.

По мнению ряда историков, важнейшим политическим итогом июльского пленума 1953 г., на котором осудили Берию, стало подтверждение принципа партийного руководства при решении любых вопросов и усиле-

ние значения должности секретаря ЦК КПСС, т. е. непосредственное укрепление позиций Хрущева, в т. ч. и по отношению к своему главному сопернику Маленкову. Сосредоточившись на работе в ЦК КПСС, Хрущев получил возможность контролировать всю текущую работу партийного аппарата и ситуацию не только в центре, но также в областях и республиках. Положение Хрущева в руководстве ставило его в исключительно выгодное положение, поскольку позволяло блокироваться с любым влиятельным членом Президиума ЦК.

Мнение автора

События 1953 г. наглядно свидетельствовали, что советские руководители рассматривали проведение реформ как еще один весьма специфический способ борьбы за власть. Интересы дела не являлись определяющим мотивом их политической линии, главная мотивировка — расширение пределов собственной власти. В случае угрозы потери личной власти лидеры или откладывали практическую реализацию назревших вопросов, или принимали

наиболее консервативный вариант реформ.

Историческое противоречие, которое не сумел разрешить окончательно ни один советский лидер, включая Хрущева, заключалось в том, что проводить нововведения приходилось руками того аппарата, который рассматривал реформы прежде всего как угрозу собственной власти и стабильности своего положения, а потому всячески им противился на деле, одобряя на словах. Даже Сталин вынужден был считаться с этой аппаратной особенностью советской системы управления, искоренить которую не смог никакими чистками. Новое руководство также должно было считаться с этим обстоятельством.

Расправа с Берией, выполненная по сталинским образцам, означала не только политическую дискредитацию бывшего «верного ленинца», но и его начинаний. И все же, покончив с Берией, июльский пленум только отсрочил на непродолжительное время проведение реформ, первым опытом которых стали события весны-лета 1953 г. От-

ныне упор стали делать на первоочередное решение экономических проблем, считая, что внутривнутриполитические разрешились вместе с устранением Берии. Ошибочность данного решения выявилась достаточно скоро, уже во время развернувшейся борьбы Хрущева за роль единоличного лидера не только с консервативным крылом партии, но и с реформаторским в лице Маленкова.

Антибериевская оппозиция на некоторое время объединила в одном лагере реформаторов и консерваторов, что усиливало позиции последних, способствовало сохранению прежних имперских амбиций во внешней политике. Особенно отчетливо звучали эти мотивы в выступлении на июльском пленуме 1953 г. Молотова, заявившего, что СССР в союзе с примкнувшими к нему государствами держит по-прежнему капитализм «в страхе за свой завтрашний день»^{221}.

Поворот в аграрной политике

Одним из важнейших направлений внутренней политики стали в рассматриваемый

мый период преобразования в области сельского хозяйства и колхозного строительства. В некоторых современных исследованиях по этой проблеме отмечается, что хрущевские реформы 50-х — начала 60-х гг. были направлены на «постепенный вывод колхозов из-под государственного диктата и на создание условий для их развития как самостоятельных хозяйств, действующих в условиях регулируемого рынка». Другие историки считают приведенную оценку завышенной, а экономический диктат государства, осуществляемый по отношению к колхозам в хрущевский период, несовместимым с понятием «регулируемый рынок». В подтверждение своей точки зрения они указывают на тот исторический факт, что начиная с 30-х гг. и вплоть до 90-х гг. в СССР государство через колхозы осуществляло принудительное изъятие хлеба и иной сельскохозяйственной продукции по заниженным ценам. Эти «ножницы цен», т. е. искусственно поддерживаемая государством ценовая политика, при которой промышленные товары были относительно дороги, а сельскохозяйственные относительно дешевы,

позволяли изымать из деревни многомиллиардные суммы и перераспределять их в пользу военно-промышленного комплекса. Делалось это с помощью обязательных поставок, а с 1958 г. данная система стала называться государственными заготовками. Никакой экономической самостоятельностью по отношению к Советскому государству, подчеркивают эти историки, колхозы никогда не обладали, а все «государственное регулирование» сводилось к определению конкретной доли отчуждаемой у производителя сельскохозяйственной продукции — в одни годы (как при Сталине) больше, в другие (как при Хрущеве или Брежневе) меньше, но никогда не существовало эквивалентного обмена. Они также отмечают, что в хрущевский период стало активно поощряться совхозное строительство, т. е. в аграрной сфере происходил рост удельного веса государственных хозяйств. Новые совхозы строились на целинных и залежных землях; также происходило преобразование в совхозы экономически слабых колхозов, имеющих большую государственную задолженность^{222}.

Историки отмечают одно из главных противоречий хрущевской аграрной политики, которое заключалось в том, что понимая необходимость реформирования сельского хозяйства и повышения его производительности, Хрущев остался в плену идеологических догм, поскольку был убежден: социалистическое сельское хозяйство имеет преимущество перед частным. Отсюда его политика сокращения так называемых личных приусадебных хозяйств в деревне, принятие мер, направленных лишь на улучшение экономических структур (реорганизация МТС, совхозное строительство и др.), антипатия к развитию рынка^{223}.

Реформы в сельском хозяйстве начались при активном участии Маленкова, который в августе 1953 г. как глава правительства выступил с инициативой на сессии Верховного Совета СССР по закону о сельскохозяйственном налоге. Действующая система налога по так называемым прогрессивным ставкам (в зависимости от дохода, получаемого с личного приусадебного хозяйства или огорода) заменялась новой — предусматривалось обло-

жение в твердых ставках с одной сотой гектара («сотки») земельного участка, находящегося в личном пользовании колхозного двора, рабочих и служащих, единоличных крестьянских хозяйств, независимо от размера общей суммы дохода. Таким образом, непомерные для крестьян сталинские поборы с личных подворий заменялись посильной для деревни нормой, что резко повысило материальную заинтересованность и эффективность крестьянского труда. Эта мера затрагивала интересы миллионов семей, поскольку в эти годы большая часть животноводческой продукции в стране производилась не в общественном, а в личном хозяйстве. Своим выступлением Маленков на долгие годы остался в памяти сельских жителей защитником крестьянских интересов. По свидетельству очевидцев, газету с его докладом в деревнях «зачитывали до дыр» со словами «вот этот за нас». С именем Маленкова деревня связывала начало поворота в аграрной политике партии^{224}.

В отечественной исторической науке поворот в аграрной политике связывали с сентябрьским пленумом ЦК КПСС 1953 г., где с ос-

новным докладом выступил Хрущев^{225}. Официальная версия причин кризиса сельского хозяйства или «отставания», по выражению Хрущева, заключалась в исторической необходимости для СССР заниматься первоочередным развитием тяжелой промышленности, которая поглощала капиталовложения и рабочую силу, а также в допущенных советским управлением при Сталине ошибках в организации и планировании сельского хозяйства, в нарушении принципа материальной заинтересованности. В качестве первоочередных мер предусматривалось повышение заготовительных цен на сельхозпродукты, снижение стоимости услуг машинно-тракторных станций (МТС), улучшение материально-технического снабжения сельского хозяйства^{226}.

И вновь консервативные силы попытались поставить под сомнение предлагаемые новшества. С тонкой, завуалированной критикой доклада, направленной сразу против обоих реформаторов-аграрников (Маленкова и Хрущева), выступил Молотов. Он заявил о необходимости дать прежде всего «политическую оценку» положения дел в сельском хо-

зяйстве и тем мероприятиям, которые «наме-
чаются партией в настоящее время», говорил
о том, что «нельзя в ЦК партии ограничивать-
ся или сводить дело к производственным во-
просам». «Мы говорим о том, что зерновая
проблема решена, — сказал также Моло-
тов, — но все же муку мы продаем пока не во
всех городах, а там, где ее продаем, — не всех
сортов»^{227}. Тем самым ставилось под сомне-
ние одно из центральных положений докла-
да Маленкова на XIX съезде партии о том, что
в СССР зерновая проблема решена «оконча-
тельно и бесповоротно».

На сентябрьском пленуме Хрущев был из-
бран первым секретарем ЦК КПСС, что давало
ему дополнительный и весьма мощный ре-
сурс для укрепления своей лидерской пози-
ции в борьбе за единовластие.

Держись, корова, в штате Айова!

Решения сентябрьского пленума оказали
большое влияние на оздоровление сель-
ского хозяйства. Однако этого казалось Хру-
щеву недостаточным. Ему требовалось найти
такое начинание, которое позволило бы за

короткий срок резко поднять сельскохозяйственное производство, переключить внимание деревенского населения с личного хозяйства на общественное, избавить его, Хрущева, от внутрипартийной критики и (главное!) сделать так, чтобы очередное новшество целиком связывалось в народном сознании с именем самого Хрущева. Такое средство было найдено. В декабре 1953 г. министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов направил в ЦК КПСС на имя Хрущева докладную записку, в которой предлагал увеличить производство зерна в стране за счет распашки перелогов, залежей, целинных земель, а также малопродуктивных лугов и пастбищ. Министр обращал внимание на то, что начиная с 1951 г. государственные заготовки зерна в стране начали отставать от расхода хлеба. Особенно резкий разрыв наблюдался в 1953 г. Из документа непонятно — готовил ли министр докладную на основе заданий ЦК или по собственной инициативе, но в своих мемуарах Хрущев приписывает заслугу исключительно себе. Через полтора месяца Хрущев уже за своей подписью направил в Президиум ЦК за-

писку, которая повторяла основные положения документа, подготовленного Бенедиктовым. Хрущевская записка начиналась с того, что в ней дезавуировалось заявление Маленкова на XIX съезде об «окончательном решении» зерновой проблемы в СССР^{228}. Это, по мнению Хрущева, должно было дать дополнительный аргумент в пользу первоочередного освоения целины, которое признавалось «реальным источником увеличения производства зерна» в стране.

Февральско-мартовский пленум 1954 г. принял решение о подъеме целинных и залежных земель в восточных районах страны. Отдельные историки обращали внимание на то, что новая политика опрокинула планы, принятые XIX съездом партии; тогда главной задачей зернового хозяйства признавалась интенсификация его на наличных площадях.

По данным официальной статистики, в СССР за 1954–1960 гг. было освоено 41,8 млн. га целинных и залежных земель, в т. ч. — 25,5 млн. га в Казахстане. Однако часть из них потом была заброшена, заросла кустарником и вышла из сельскохозяйственного оборота.

Всего за 1953–1963 гг. в стране посевная площадь зерновых культур выросла со 106,7 до 133,8 млн. га (на 125,4%), средняя урожайность с 1 га — с 7,8 до 8,3 ц (на 106,4%), а валовой сбор зерна с 82,5 до 107,5 млн. т (на 130,3%)^{229}.

Рост, как видно из приведенных цифр, достигнут прежде всего за счет экстенсивного фактора — распашки земель, тогда как средняя урожайность выросла незначительно. В отдельные годы — 1955, 1957, 1959, 1960, 1963 — расходование хлеба в стране на государственные нужды превышало заготовки на 3–7 млн. т. Нехватка важнейших продуктов питания, в первую очередь хлеба, привела к их масштабным закупкам за границей. В 1963 г. на эти цели ушло около 370 т золота из государственного резерва.

Если судить по приведенным цифрам ЦСУ, Хрущеву (как и его предшественникам) не удалось решить зерновую проблему в стране «окончательно и бесповоротно». Мало помогло и освоение целины, которое, как признают все историки, проводилось чрезвычайными государственными мерами, принудительно.

Чрезмерная распашка целины и нарушение севооборотов привели к пыльным бурям, резкому оскудению плодородного слоя. Вопреки радужным планам, с прилавков магазинов стали исчезать мясо, молоко, хлебные продукты. Осенью 1963 г. хлебзаводы прекратили плановую выпечку батонов и булок, белый хлеб выдавался только больным и дошкольникам. В самом важном сражении Хрущев все больше проигрывал своим оппонентам «битву за коммунизм». Партийные решения и постановления, предписания и указания сельскохозяйственных органов градом сыпались на деревню — не успевали осмыслить одни директивы, а уже приходили другие. Многие историки отмечают тот факт, что перераспределение государственных людских и материальных ресурсов в пользу целинных районов привело к запустению центральных и северных областей России^{230}.

Ряд историков полагает, что начиная с 1959 г. в аграрной политике Хрущева началось «забегание вперед»: согласно плану, к концу семилетки СССР должен был догнать США по производству молока и масла на ду-

шу населения (страна украсилась лозунгами «Держись, корова, в штате Айова»); планировалось повысить уровень обобществления колхозно-кооперативной собственности, прежде всего за счет ликвидации приусадебных хозяйств; на XXII съезде партии было заявлено, что «за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество». Основную причину неудач в области сельского хозяйства историки-аграрники объясняют отступлением от принципов сентябрьского пленума 1953 г., усилением стихийной миграции сельского населения в города, ростом гонки вооружений, возвращением к прежним методам администрирования в отношении деревни^{231}

Мнение автора

В целом не отрицая влияние вышеназванных факторов на корректировку хрущевской аграрной политики, тем не менее мы не можем считать их главными и решающими. Скорее они были следствием, а не причиной. Главная причина, на наш взгляд, объяснялась особенностями политического устройства страны, ограничениями,

вытекающими из самого существования советской системы, которые она накладывала на действия своих лидеров. И спад среднегодовых темпов прироста сельхозпродукции в 1959–1963 гг., и трудности с хлебом, и снижение натуральных выдач в колхозах в счет оплаты труда, и ограничение скота в личной собственности граждан и сокращение размеров приусадебных участков, и многие другие свидетельства нашего неблагополучия в аграрной сфере — это не было только следствием «хрущевских ошибок», а свидетельствовало о пределах реформируемости советской системы в целом и ее экономики в частности. И отступление от принципов сентябрьского пленума 1953 г., равно как и остальные «шарахания в сельском хозяйстве из стороны в сторону», в которых обвиняли Хрущева на октябрьском 1964 г. пленуме его коллеги по Президиуму ЦК КПСС, также не могут объясняться лишь особенностями природы советского лидера^[232]. У Хрущева, когда он убедился в том, что целина не может решить зерновую проблему в стране,

остался единственный способ вновь, как в сталинские времена, заставить мужика безропотно трудиться в колхозах: запретить этому мужику вести личное подсобное хозяйство, чтобы оно не отвлекало его от участия в общественном производстве. Но эта мера, вопреки надеждам Хрущева, привела к отрицательному результату — усилилась стихийная миграция в города. Общий прирост городского населения страны в 1960–1964 гг. за счет притока сельских жителей составил около 7 млн. человек (большая часть — молодежь). Были заброшены десятки тысяч деревень, объявленных государством «неперспективными». Но не мог Хрущев (из-за угрозы потери своего престижа борца с культом личности) в полном объеме вернуться к прежней репрессивной сталинской политике в деревне, чтобы сдержать бегство ее жителей в города. Приходилось идти на компромиссы или изыскивать новые возможности. Поэтому закономерно, на наш взгляд, что наряду с прежними гонениями на личные хозяйства крестьян в 1963 г. Хрущев стал

больше внимания уделять проблемам интенсификации и модернизации аграрного сектора экономики. Мы привели пример так называемых противоречий хрущевской политики только в одной сфере — сельскохозяйственной, чтобы показать главное: социалистическая система налагала свои ограничения на действия реформатора, в конечном счете определяя не только цели, но также пути и средства решения проблем, необходимость замены одних другими. Отсюда — «зигзаги», т. е. и непоследовательность действий реформатора, наблюдаемая и в других областях социалистического строительства. Личностный фактор, по нашему мнению, играл важную, но все же второстепенную роль.

Всеохватывающий план

И в наши дни между учеными не прекращаются споры о том, в какой степени директивное планирование, сумевшее в свое время обеспечить решение важнейших общенациональных задач (например, создание тяжелой и оборонной промышленности), оказа-

лось приспособленным к научно-технической революции. По-прежнему актуальным остается вопрос о логике хрущевских реформ, о том, была ли современная судьба плановой системы predetermined «советским прошлым» или потерпел поражение сам принцип планирования.

Как известно, в Советском Союзе конституционно закреплялось, что вся хозяйственная жизнь страны «определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом». *Под плановой системой экономики понимают такую систему народного хозяйства, в которой определяющую роль играли централизованные директивные задания предприятиям на определенный срок, обеспеченные централизованным снабжением ресурсами и сбытом.* Организационным центром планирования в СССР являлся Госплан, который опирался на республиканские, областные, городские и районные плановые организации и таким образом охватывал все «закоулки» советской экономики. До 1957 г. процесс планирования начинался во всех звеньях этой цепи *одновременно*. Каждое пред-

приятие, отрасль, регион в своем планировании шли, как правило, не от потребностей населения и государства, а «от требуемого предприятиями и ведомствами объема ресурсов»^{233}. Свои предложения Госплану, связанные преимущественно с «неприкасаемыми» показателями для развития военно-промышленного комплекса страны, высказывало союзное правительство. При этом зачастую требования были взаимоисключающие — одновременно намечалось повысить темпы роста, выделить дополнительные инвестиции отдельным регионам или отраслям, не отнимая их у других, увеличить потребление, не сокращая капиталовложения.

При составлении окончательного варианта пятилетнего плана Госплан испытывал сильный политический нажим со стороны отраслевых отделов ЦК КПСС, местных партийных органов, каждый из которых стремился отстаивать интересы собственной отрасли или региона. В связи с этим подготовка директив по пятилетнему плану представляла собой бесконечные согласования в треугольнике Госплан — Совет Министров СССР — ЦК

КПСС. Общее число показателей народнохозяйственного плана, утверждаемых союзным правительством, было огромным (снизилось за 1954–1955 гг. с 8 434 до 5 613 показателей)⁽²³⁴⁾.

Хотя по Конституции именно Совет Министров СССР «принимал меры по осуществлению народнохозяйственного плана», Хрущев своими реформами государственного и партийного аппарата стремился, как полагает большинство ученых, «вырвать реальную власть у могущественной и разветвленной министерской бюрократии и передать ее партии». Он хотел заставить партию на всех уровнях непосредственно заниматься народным хозяйством и нести за его состояние всю ответственность. На июньском 1957 г. пленуме ЦК КПСС в ходе разгрома «антипартийной» группы Молотова — Маленкова — Кагановича Хрущев объяснял свою линию следующим образом: если политические деятели на Западе хозяйством «не управляют», а этим занимаются «капиталисты», то в СССР «мы отвечаем за хозяйство, мы отвечаем за промышленность, отвечаем за сельское хозяй-

ство, мы отвечаем за всю внутреннюю политику»^{235}. Имел здесь место и личностный момент, т. к. один из соперников Никиты Сергеевича — Маленков, по его собственному признанию, был сторонником технократического, т. е. отраслевого подхода к управлению и планированию^{236}. При нем укрепились и получили развитие «суперминистерства», в то время как Хрущев подверг последние в 1957 г. коренной реорганизации.

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что в условиях централизованного планирования хозяйственный менталитет правящей элиты «полностью исключал» возможность хозяйственной самостоятельности предприятий, т. е. возможность развития полноценных рыночных отношений. По этой же причине не признавалась необходимость таких цен, которые бы обеспечивали рентабельность каждого запланированного вида продукции, т. е. экономических стимулов для предприятий в рамках самого плана. Допускалось лишь самое ограниченное материальное стимулирование отдельных работников по результатам их труда. Вот это-то небольшое

отступление от законов централизованного планирования воспринималось многими учеными (в их числе и историками) за движение «верхов» к «регулируемому рынку».

Такой менталитет, по мнению многих экономистов, был обусловлен не только советской идеологией коллективизма, но и логикой жесткого всеохватывающего плана.

Хрущев пробил брешь в этом менталитете, полагают ученые. Чтобы преодолеть кризисные явления в советской экономике (в первую очередь отставание в плане технического прогресса от капиталистических и даже некоторых социалистических стран), он выдвинул «парадоксальную формулу»: продолжать, как в сталинские времена, поддерживать ускоренное развитие тяжелой промышленности и ВПК, а подъем сельского хозяйства обеспечить за счет введения там материальных стимулов^{237}. Травле был подвергнут председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков, выступавший за перераспределение капиталовложений и отказ от преимущественного роста тяжелой промышленности, за ускоренное развитие легкой, пищевой про-

мышленности и внедрение хозяйственного расчета. На январском 1955 г. пленуме ЦК КПСС эта маленковская линия была названа «теоретически неправильной и политически вредной», направленной на «снижение дешевой популярности» населения. И он был освобожден от своего высокого поста^{238}.

Чтобы приблизить управление к производству, была проведена совнархозовская реформа. 10 мая 1957 г. по докладу Н.С. Хрущева приняли закон, по которому осуществлялся переход от управления промышленностью и строительством через отраслевые министерства и ведомства к новой форме управления — Советам народного хозяйства (совнархозам), образуемым по экономическим административным районам. К июню того же года в стране насчитывалось 105 экономических районов. Как правило, границы этих районов совпадали с границами существующего административного деления СССР на республики, края и области, но были и исключения. Так, Ленинградский совнархоз включал в себя территорию Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. В ходе районирования и

создания совнархозов было ликвидировано 141 общесоюзное, союзно-республиканское и республиканское министерство. После реорганизации в 1959 г. в стране сохранялось всего 9 хозяйственных министерств. В конце 1962 г. проведено укрупнение совнархозов (вместо 105 их стало 43)^{239}.

Совнархозы наделялись большими правами в области управления промышленностью в своих экономических административных районах и, в отличие от министерств, являлись органами коллегиального управления. Они во многом способствовали росту технико-экономических показателей в промышленности, повышению эффективности капитального строительства, сокращению управленческого персонала. Однако совнархозовская система активизировала один из основных управленческих пороков — местничество. Особенно ярко оно проявлялось при выполнении планов кооперированных поставок, когда совнархоз стремился в первую очередь снабжать предприятия «своего» района. Трудности возникали и при реализации совнархозами на «чужой» территории неходо-

вых товаров, не пользующихся спросом у населения. Помимо этого, союзное правительство через свои планирующие и снабженческие органы продолжало осуществлять мелочную опеку над совнархозами, опасаясь утратить функции центрального директивного органа в области управления промышленностью и строительством. Совнархозы были отменены уже после отставки Хрущева, в октябре 1965 г.

В научной литературе и мемуарах бывших государственных деятелей содержатся противоречивые оценки экономических результатов замены министерств совнархозами. Одни считают ее успешной, позволившей за короткий срок наладить кооперацию между отраслями региона, модернизировать многие предприятия. Отрицательные последствия реформы они связывают с позицией многочисленной министерской бюрократии, часть которой оказалась в 1957 г. «не у дел», а та, которая была вынуждена ехать в совнархозы, чувствовала себя временщиками, желающими вернуться в министерские кресла. Другие полагают, что из-за чрезмерной власти совнар-

хозов «экономика шла к развалу». Третьи утверждают, что «имели место как потери, так и выигрыши»^{240}.

Глава 11.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ РЕФОРМАТОРА

Секретный доклад

ХХ съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г., относится к числу наиболее значимых событий истории нашей страны. В нем нашли отражение исторические закономерности, связанные с необходимостью десталинизации советского общества, и те особенности, которые обуславливались эпохой. Съезд сделал зримыми для всего мира процессы, которые исподволь и все более интенсивно развивались в Советском Союзе с послевоенного времени и которые в конце концов «перевернули» всю советскую систему. Исторической заслугой Н.С. Хрущева является то, что он смог точно определить момент смены прежней сталинской политики и, опираясь на поддержку снизу и авторитет первого секретаря

ЦК КПСС, развить и дать возможность проявиться на практике многим реформистским начинаниям, которые впервые прозвучали после смерти Сталина весной — летом 1953 г. Своей энергичной, а нередко и импульсивной деятельностью Хрущев придал реформам необходимое ускорение и своеобразие.

Отмечая все эти обстоятельства, некоторые историки в мотивах деятельности Хрущева по разоблачению культа личности Сталина склонны усматривать в основном решение «конкретных целей лидерства в партии и государстве» и не считают хрущевскую десталинизацию «серьезной и последовательной». Внутрипартийную борьбу они объясняют преимущественно конфликтом между двумя ветвями власти — партийной (ЦК КПСС) и исполнительной (Совет Министров СССР), каждая из которых стремилась закрепить свой приоритет. По их мнению, политическая система при Хрущеве не смогла избавиться от «самого тяжелого извращения социализма» — насилия и репрессий^[241]. Безусловно, указанные мотивы во многом определяли хрущевскую политику, но далеко не во всем.

Уже в первые годы своего пребывания на посту первого секретаря ЦК партии Хрущев понимал, что действительным лидером страны он станет лишь в том случае, если его политика будет отвечать первоочередным интересам правящего слоя СССР — советской бюрократии. Таким первоочередным интересом, объединяющим реформаторов и консерваторов, т. е. все без исключения слои чиновников, являлось их желание сделать невозможными прежние кровавые чистки в отношении «руководящих кадров». Доклад Хрущева на XX съезде КПСС «О культуре личности и его последствиях» и соответствующее постановление ЦК решали эту проблему самым надежным способом — *политическим осуждением сталинских чисток*, в первую очередь осуждением его политики «в области нарушения советской законности».

При Сталине власть и привилегии советских чиновников, считают историки, уравновешивались постоянным страхом возможной репрессии в отношении любого из них. При Хрущеве сохранение подобной политики стало невозможным: в своем докладе на съезде

он неоднократно подчеркивал необходимость «до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности»^{242}. Если в феврале 1954 г. количество заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, составляло по СССР 468 тыс. человек, то в январе 1954 г. — 114 тыс., а в апреле 1959 г. — 11 тыс. политических заключенных. По имеющимся архивным данным, всего в 1954–1962 гг. было реабилитировано 258 тыс. человек, включая многих партийных и военных руководителей — жертв сталинских чисток. Среди них — М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, В.К. Блюхер, Р.И. Эйхе, Я.Э. Рудзутак, П.П. Постышев, С.В. Косиор, В.Я. Чубарь, Н.А. Вознесенский и другие, упомянутые в хрущевском докладе на XX съезде КПСС.

Отметим еще одно обстоятельство, способствовавшее возвышению Н.С. Хрущева. Наиболее принципиальный политический оппонент из среды советских руководителей — В.М. Молотов отмечал, что среди его единомышленников по Президиуму ЦК КПСС, вы-

ступавших против хрущевских реформ, «не было единства, не было никакой программы», а было только желание «снять» Хрущева^{243}. Отсутствие в стане консерваторов альтернативной политической программы реформ вынуждало оппонентов к бездействию и пустому критиканству. Молотов сообщает, что открыто не выступил на XX съезде против доклада Хрущева потому, что боялся в партии «раскола», но тут же замечает: если бы его группа выступила против, то «нас бы просто вышибли»^{244}.

Это ценное признание неопровержимо свидетельствует, что Хрущев пользовался широкой поддержкой в партийной среде. Пользовалась народной поддержкой и его политика десталинизации, в которой люди увидели возможность свободного развития, не скованного сталинскими догмами. Именно эти обстоятельства, по мнению многих ученых, позволили Хрущеву, как он сам метко выразился, «правильно уловить момент и настоять, чтобы такой доклад был сделан»^{245}.

Как отмечается многими историками, горы литературы посвящены «секретному до-

кладу» Хрущева на XX съезде КПСС и его оценке, однако подготовка самого доклада, отражающего механизм действия политической власти в СССР, стала предметом специального изучения сравнительно недавно. В Советском Союзе доклад Хрущева был опубликован только в 1989 г., а в 2002 г. этот доклад впервые издан со всеми известными редакциями и вариантами текста^{246}. Различные варианты доклада отразили перипетии сложной политической борьбы, развернувшейся в советском руководстве в ходе десталинизации. Перед началом съезда 8 февраля 1956 г. в Президиум ЦК была представлена итоговая записка, подготовленная так называемой комиссией П.Н. Поспелова, содержащая отчет о репрессиях прошлого. На следующий день она была заслушана на заседании Президиума ЦК. В сообщении комиссии Поспелова отмечалось, что «надо проявить мужество, сказать правду съезду», но при этом «продумать, как сказать, кому сказать». Мнения разделились. Молотов полагал, что «надо сказать», но при этом подчеркнуть, что Сталин на протяжении 30 лет руководил страной, при нем про-

ведена индустриализация; что Сталин был «продолжатель дела Ленина», т. е. Молотов настаивал на высокой оценке деятельности покойного вождя. Каганович не отрицал, что «наряду с борьбой идейной шло истребление кадров» и надо «доклад заслушать», но при этом сделать так, чтобы «нам не развязать стихию». С их позицией соглашался и Ворошилов. Иную точку зрения занял Маленков, заявивший, что «никакой борьбой с врагами не объясним, что перебили кадры». За доклад высказались и остальные члены Президиума. Подвел итоги обсуждения Хрущев: среди членов Президиума «нет расхождений» по вопросу «что съезду надо сказать». Вместе с тем, учитывая мнение Молотова, Кагановича, Ворошилова и их влияние в партии, Хрущев осторожно заметил, что в докладе следует «учитывать оттенки». Не был решен на Президиуме вопрос о том, кто будет делать доклад^[247]. Однако Хрущеву стало ясно, что если он проявит нерешительность в главном вопросе, его политическая карьера может завершиться.

13 февраля 1956 г. Президиум принимает

решение: сделать на съезде доклад «о культуре личности», а докладчиком назначить первого секретаря ЦК партии Н.С. Хрущева. Состоявшийся в тот же день пленум единогласно утвердил эти решения. Однако сам доклад о культуре личности, в отличие от отчетного доклада ЦК, с которым на съезде также выступил Хрущев, не был представлен ни Президиуму ЦК, ни пленуму. По мнению историков, это являлось грубым нарушением партийных традиций, т. к. утверждался доклад, «текста которого в это время вообще не существовало» и который еще «предстояло написать»^[248].

Проект доклада «О культуре личности и его последствиях» был подготовлен все тем же Пospelовым к 18 февраля 1956 г., но не удовлетворил Хрущева. К этому времени съезд работал уже пятый день. 19 февраля Хрущев надиктовал стенографистке свои дополнения к проекту. Объединение хрущевских диктовок и поспеловского проекта, полагают историки, и составило основу будущего «секретного доклада». Он был прочитан в последний день работы съезда на его закрытом утреннем заседании 25 февраля. Никакого обсуж-

дения доклада на съезде не было. Делегаты «единогласно» одобрили положения доклада, и на этом съезд завершил свою работу. По свидетельству А.Н. Яковлева, присутствовавшего на заседании в качестве инструктора ЦК КПСС, заключительный вариант доклада Хрущев дорабатывал вместе с секретарем ЦК КПСС Д.Т. Шепиловым и при чтении на съезде «почти не отрывался от написанного текста». Однако некоторые историки, принимая во внимание эмоциональный характер Хрущева, считают, что «вряд ли Хрущев строго придерживался текста»^[249]. Ученые и архивисты утверждают, что «ход закрытого заседания не стенографировался», поэтому трудно в действительности определить, какой же текст доклада был зачитан Хрущевым делегатам съезда. 5 марта 1956 г. Президиум ЦК принял решение ознакомить с докладом «О культуре личности и его последствиях» всех коммунистов, комсомольцев, беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

Историки считают, что в партийных организациях страны читался уже «отредактированный, правленный вариант доклада Хру-

щева».

Важнейшая идея хрущевского доклада — стремление возложить всю вину за все плохое в прошлом на Сталина и тем самым реабилитировать советский строй, социалистические идеи и Коммунистическую партию. Хрущев стремился подвести слушателей к мысли, что свою долю ответственности за преступления прошлого разделяют и некоторые люди из числа входящих в нынешнее политическое руководство страны, но конкретных имен не назвал. Большое место в докладе занимал теоретический раздел — осуждение культа личности с позиций марксизма и так называемого политического завещания Ленина 1922 г., в котором отмечались недостатки Сталина.

Под систему подкапываются!

Именно так охарактеризовал свои впечатления от «закрытого доклада» Хрущева на XX съезде КПСС один старый большевик. Реакция советской и мировой общественности, которой основное содержание доклада вскоре стало известно, была крайне неоднозначной.

Историки лишь продолжили эти споры, диаметрально разойдясь в своих оценках хрущевского доклада.

Уже первая реакция советского населения на него показала, что было немало таких людей, которые рассматривали сталинские преступления как преступления всей советской системы, не сводимые к воле одного человека или группы личностей, использующих режим в собственных интересах. Как отмечают современные историки, может быть, впервые со времен гражданской войны народ задумался о цене строительства «светлого будущего». Раскол в оценке нашего прошлого, настоящего и будущего затронул не только партийную среду, но и все слои советского общества. «Все мы стали критически мыслить», — заметил в этой связи один из участников обсуждения хрущевского доклада. Немало было и таких, кто считал, что «в нашей партии все остается по-прежнему». Налицо был раскол общества, и этот критический вал грозился захлестнуть страну, свести на нет идеологическую работу партии.

Своеобразным ответом на подобные на-

строения стало постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», в котором сталинский культ объявлялся следствием борьбы «отживших классов» с политикой советской власти, объяснялся внутривнутрипартийной борьбой против «врагов ленинизма» (которые стремились к «реставрации капитализма в СССР»), сложностью международной обстановки и ожиданием «постоянной угрозы нападения извне», постепенной подменой партийного контроля за органами государственной безопасности «личным контролем Сталина» (при котором нормы правосудия подменялись «его единоличными решениями»). Наряду с этими положениями в постановлении подчеркивалось, что сталинские злодеяния совершались «в интересах обеспечения победы коммунизма», что и составляло «трагедию» Сталина. Как грубую ошибку определяло постановление «из факта наличия в прошлом культа личности делать выводы о каких-то изменениях в общественном строе или искать источник этого культа в природе советского общественного строя»^{250}. Такова

была официальная версия событий, данная советским руководством в ответ на усиление процесса демократизации страны.

Для понимания общественных настроений тех лет следует учитывать, что многие люди по-прежнему считали Сталина «великим продолжателем дела Ленина», под руководством которого был «построен социализм» и «разгромлен фашизм», хотя им стали известны факты массовых сталинских репрессий.

В исторической литературе отмечается, что доклад Хрущева породил надежду на серьезные перемены внутри «самого советского аппарата власти и, соответственно, внутри диктатуры, которая господствовала в государствах Восточного блока». В Польше и Венгрии в 1956 г. произошли восстания, которые были подавлены советскими войсками^{251}.

Содержание доклада Хрущева и произведенный им эффект, считают многие историки, способствовали «значительному ухудшению репутации коммунистических партий во всем мире». Лидеры 29 зарубежных компартий, присутствовавшие на съезде, были ознакомлены с «закрытым докладом». Однако

немало было таких, которые узнавали о главной новости из сообщений зарубежной печати. Так, шведская компартия обвинила СССР в том, что, скрывая информацию от иностранных коммунистов, ЦК КПСС «щедро делится ею с буржуазными журналистами». Во многих коммунистических партиях образовались различные группировки — в зависимости от отношения к хрущевскому докладу. Одни считали, что Хрущев «искажил историческую правду» и даже если что-то из сказанного соответствует действительности, то «об этом следовало молчать», другие считали доклад «преждевременным», а третьи разочаровались в коммунистических идеях и покинули компартии.

5 июня 1956 г. американская «Нью-Йорк тайме» опубликовала полный текст доклада Хрущева, который по сути был идентичен подлинному выступлению советского лидера. Ряд историков с достаточным основанием полагает, что текст доклада попал на Запад с помощью польских коммунистов. С этого начался новый этап антикоммунистической и антисоветской истерии.

Особенно болезненно советское руководство восприняло интервью руководителя итальянской компартии П. Тольятти, который заявил, что культ личности мог быть порожден самой советской системой, а ошибки Сталина связаны с увеличением роли чиновников «в политической и экономической жизни Советского Союза, возможно, прежде всего в самой партии». В результате советская модель была осуждена, а чтобы подтвердить свою независимость от СССР, Тольятти в том же 1956 г. выдвинул концепцию «полицентризма» в коммунистическом движении. Она выражала решение европейских коммунистических партий стать независимыми от предполагаемого контроля со стороны Москвы^{252}. Резко увеличилось количество критической информации о СССР также в китайской прессе.

Мнение автора

Во многом правы, вероятно, те историки, которые считают, что хрущевский доклад имел далеко идущие последствия, поскольку «не мог не подставить под удар всю систему в целом, даже если процесс ее распада все

еще требовал времени и должен был пройти множество этапов». С другой стороны, по нашему мнению, не следует упускать из вида объективную закономерность процесса десталинизации, в основе которого лежало стремление основной массы советского населения жить свободно, без тех оков, которые налагал на общество сталинский политический режим. Как метко заметил один философ, Сталин «гнул общество под себя» и эта политика не могла продолжаться бесконечно. В этой связи укажем на два разных подхода, существующих в оценке XX съезда. В годы перестройки распространенной была точка зрения, согласно которой съезд стал начальным рубежом десталинизации общественного сознания, с которого взял старт «процесс освобождения и очищения от мифов и наследия сталинизма в нашей стране»^{253}. Другие ученые убеждены, что «хрущевский «переворот» был результатом, а не началом антисталинского движения», равно как и реабилитация заключенных. По мнению этих исследователей, реабилитированные не сыг-

рали сколько-нибудь значимой роли в десталинизации советского общества. Эти ученые связывают антисталинские настроения с первыми послевоенными годами, перерождением советского общества в годы Отечественной войны 1941–1945 гг.^{254} Вторая точка зрения, на наш взгляд, глубже и точнее отражает действительные процессы, вызвавшие к жизни XX съезд и его знаменитый доклад.

Бунт на корабле

Западные исследователи в первую очередь подчеркивают, что создание совнархозов стало одним из главных факторов, приведших к появлению «антипартийной» группы. Они отмечают, что раздробление «министерских империй» нарушило интересы номенклатуры в высших эшелонах центральной власти и породило «определенный административный хаос». В то же время создание совнархозов встретило поддержку региональных партийных кадров, которые, по мнению этих историков, «были всегда основной клиентурой Хрущева»^{255}. Ряд отечественных ис-

ториков также придерживается данной точки зрения.

Обратимся к фактам. Как свидетельствуют выступления многих участников пленума 1957 г. из числа высшей партийно-государственной элиты, с момента решения вопроса об организации совнархозов атмосфера в высшем руководящем органе страны — Президиуме ЦК КПСС — «стала ухудшаться». Противники реформы, среди которых первую скрипку играл В.М. Молотов, утверждали, что реорганизация промышленности проведена поспешно, «не как полагается». По свидетельству А.Н. Задемидко, бывшего министра угольной промышленности СССР (возглавившего в 1957 г. Кемеровский совнархоз), Совет Министров СССР проявил «полное неучастие» в создание совнархозов, что являлось свидетельством серьезной аппаратной оппозиции хрущевскому курсу^[256]. С ликвидацией экономических министерств и созданием совнархозов, которым были переданы важные функции по управлению экономикой, Хрущев не только «перетряхнул» государственную бюрократию, оставив на важных должностях дове-

ренных ему людей, но и поставил под свой личный контроль один из наиболее мощных и многочисленных отрядов советской элиты — государственных чиновников. С этого момента, считают некоторые историки, какой-либо компромисс в высшем руководящем органе страны становился невозможным. «Если мы их не уберем сейчас, — заявил в приватном разговоре с первым заместителем председателя Совмина СССР М.З. Сабуровым бывший глава правительства Г.М. Маленков, — тогда они уберут нас»^{257}.

В июне 1957 г. на заседании Президиума ЦК партии Маленков, Молотов, Каганович и поддержавшие их члены Президиума предъявили Хрущеву многочисленные претензии, а затем семью голосами против четырех приняли решение о его смещении с поста первого секретаря ЦК КПСС. Молотов и его сторонники требовали: ограничить реализацию решений XX съезда, поскольку их фамилии «в качестве виновников репрессий» начали упоминаться в средствах массовой информации; ограничить роль ЦК и партии внутрипартийными делами, идеологией и культурным

строительством, а руководство народным хозяйством передать правительству; сократить права союзных республик в области контроля над различными отраслями промышленности, чтобы повысить роль центра. Хрущев обвинялся также в том, что он «ведет себя не так, как подобает главе партии и страны», а «начинает распоряжаться» членами Президиума ЦК как «пешками». Резкой критике был подвергнут хрущевский лозунг в ближайшие годы «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения»^{258}. Принятие требований группы Молотова означало бы для Хрущева не только конец его личной политической карьеры, но и крах его важнейших реформаторских начинаний. В то же время историки и политики отмечают, что логика внутрипартийной борьбы привела к тому, что в одном стане с консерваторами оказался Маленков, который «хотел тоже быть реформатором» и чьи политические цели совпадали с курсом Хрущева^{259}.

Чтобы переломить ситуацию, председатель КГБ И.А. Серов по согласованию с Н.С. Хрущевым в срочном порядке доставил само-

летами в Москву членов ЦК партии, сторонников Хрущева. Эта группа вмешалась в работу Президиума и добилась открытия пленума. Выступивший на пленуме секретарь ЦК М.А. Суслов объяснил сложившееся противостояние борьбой двух противоположных позиций по отношению к провозглашенному XX съездом курсу. Министр обороны маршал Г.К. Жуков огласил документы, которые делали Молотова, Кагановича и Маленкова (наряду со Сталиным) главными виновниками арестов и расстрелов партийных и советских кадров. Хрущев одержал на пленуме полную победу, а его соперники лишились всех своих постов и позже были исключены из партии. В исходе этого противостояния важную роль сыграли молодые члены ЦК, преимущественно секретари обкомов, стремившиеся отодвинуть от власти «старую гвардию» Сталина, которая явно переоценила свои силы и популярность в партийной среде.

Однако реплика Жукова на заседании Президиума ЦК о том, что «ни один танк не тронется без моего приказа», вызвала шок у обеих противоборствующих сторон — получа-

лось, что не ЦК партии и ее глава, а министр обороны дает разрешение на применение вооруженной силы. Поэтому в октябре того же года Жуков был освобожден от своего поста и выведен из состава Президиума Ц.К. Он был обвинен в том, что «встал на путь отрыва Советской Армии и Флота от партии и правительства»^{260}. Боязнь сильной личности — одна из главных причин прекращения карьеры прославленного маршала. Отставка Жукова означала также усиление контроля партии над армией и личных позиций Хрущева.

На октябрьском пленуме 1964 г., принявшем решение об отставке Хрущева, многие видные советские руководители — Ф.Р. Козлов, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный — говорили о том, что первый секретарь «монополизировал военные вопросы», поэтому якобы Президиум ЦК оборонной техникой «не занимается» и «не знает», что делается по военным вопросам^{261}. По мнению отечественных историков, недовольство партийной элиты и представителей военно-промышленного комплекса страны объяснялось тем, что Хрущев был абсолютно уверен в своем праве едино-

лично решать «не только военно-политические вопросы, но даже военно-стратегические», что он «третировал» прославленных советских военачальников, «возомнил себя военным теоретиком» и выдвинул ряд идей, которые не поддерживались военными. Эти историки считают, что Хрущев не только инициировал военную реформу, но и проводил ее в жизнь «в соответствии с собственными представлениями о месте и роли армии в советской политической системе»^{262}.

За годы своего правления Хрущев неоднократно проводил сокращение Вооруженных Сил СССР, аргументируя свою точку зрения тем, что «у нас есть ядерный щит, наши ракеты самые лучшие в мире, американцы догнать нас не могут», поэтому огромные армии — это «старый хлам», который «пудовыми гирями висит на шее народа». За период с 1953 по 1956 гг. численность Советской Армии сократилась почти на 1 млн. человек, а в январе 1960 г. по новому закону планировалось произвести сокращение на 1,2 млн. человек и уменьшить расходы на военные нужды. Одной из главных целей сокращения армии бы-

ло высвобождение рабочей силы для использования в гражданских отраслях народного хозяйства, поэтому преобладающая часть демобилизованных воинов направлялась на промышленные предприятия, в совхозы и колхозы. Однако большинство уволенных офицеров, считавших службу в армии своей пожизненной профессией, уходили из армии с большим нежеланием. Сокращение Вооруженных Сил вызвало массовое недовольство офицерского состава^{263}.

Западные историки считают, что взаимоотношения между Хрущевым и военными носили более гибкий характер: хотя Хрущев сокращал численность армии, чтобы удовлетворить потребительские нужды населения, он вместе с тем «умилостивил военных ядерным оружием и баллистическими ракетами». Что касается отставки Жукова, то здесь у историков нет разногласий: она была проведена с целью «исключить всякую возможность «бонапартизма» Жукова».

Власть номенклатуры

Ученые отмечают важнейшую особенность реформаторской деятельности Хрущева — все преобразования государственных учреждений он тесно связывал с постановкой перед реформируемыми органами конкретных практических задач. Так, 6-й пятилетний план на 1956–1960 гг. первоначально сохранял прежние приоритеты: тяжелая промышленность и темпы роста, технический прогресс, а на последнем месте — потребление. Затем в феврале 1959 г. были утверждены контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. По своим целям новый план означал разрыв с прошлым: на первом месте стояло сбалансированное народное хозяйство, «всестороннее развитие всех отраслей» и «непрерывное» повышение жизненного уровня народа. В связи с образованием совнархозов центр тяжести по составлению планов переносился в регионы. Резкой критике был подвергнут Госплан за косность, бюрократизм, отрыв от экономики регионов.

За этими намерениями Хрущева ясно проглядывало стремление сделать сторонниками своих реформ все слои советского общества,

чтобы можно было использовать всенародную поддержку как важнейшее средство борьбы с аппаратным бюрократическим засильем в системе управления. Стратегия, выбранная Хрущевым, полагают историки, могла увенчаться успехом только в случае полного выполнения намеченных планов, в первую очередь по подъему уровня жизни населения. Поэтому экономические трудности, переживаемые страной в начале 60-х гг., стали одной из главных причин, предопределивших падение реформатора.

Не менее важным был и политический аспект хрущевских реформ. В современной литературе по-разному оцениваются причины конфликта Хрущева с партаппаратом, который в конечном счете привел к его отставке. Одни полагают, что пока Хрущев ставил все хозяйственные и советские органы, а также армию под власть партии, он пользовался в партии поддержкой. Однако партбюрократия, став полновластной хозяйкой, захотела сохранить «максимум власти при минимуме работы и ответственности». Поэтому Хрущев на втором этапе реформ был вынужден при-

ступить к реорганизации самой партийной системы, которая сопровождалась очередной кампанией десталинизации.

Особенно ярко десталинизация проявилась на XXII съезде партии. Съезд проголосовал за вынос тела И.В. Сталина из Мавзолея, и его захоронили у Кремлевской стены. Имя Сталина исчезло из названий учреждений и городов, был переименован даже Сталинград. В ноябре 1962 г. в журнале «Новый мир» была опубликована повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», где изображена жизнь ГУЛАГа. Повесть имела огромный общественный резонанс. Если «секретный доклад» Хрущева на XX съезде разоблачал сталинские преступления против партии, то солженицынская повесть выносила на передний план страдания народа. Однако, как справедливо подчеркивают историки, общественная оппозиция при Хрущеве «еще не выходила за рамки «коммунистического реформаторства». Другие историки корень зла и неудачи реформ видят в пороках советской системы, в частности, в отсутствии «гибких институтов», во «врожденном консерватизме»

плановой системы». Так, по их мнению, экономические проблемы пытались решить прежними административными методами, лишь переносили проблему на иной уровень, а не решали ее^{264}.

Принятый на XXII съезде партии новый устав КПСС (октябрь 1961 г.) предусматривал систематическое обновление партийных органов: низшее звено, от первичных парторганизаций до райкомов включительно, на каждом выборах должно было обновляться наполовину, на республиканском и областном уровне — не менее чем на одну треть, а состав ЦК КПСС и Президиума ЦК должен был обновляться на одну четверть^{265}.

Таким образом, неконтролируемые сталинские репрессии в отношении советской номенклатуры должна была заменить хрущевская ротация «по закону». Но Хрущев не остановился на этом. Ноябрьский пленум 1962 г. принял решение о перестройке партийного руководства народным хозяйством. На практике это означало, что парторганизации — начиная с областных и ниже — делились на промышленные и сельские, т. е. на

территории одной области или края образовывались два обкома. Вместо единых Советов создавались промышленные и сельские Советы и их исполкомы. Ликвидировались самые многочисленные сельские райкомы партии, а управление сельским хозяйством передавалось территориальным производственным управлениям.

Эти новации, отмечают историки, создали новые условия деятельности партаппарата. В первую очередь ротация кадров должна была затронуть среднее звено провинциальных руководителей, бывших до того основной опорой Хрущева в его борьбе с «антипартийной» группой Молотова, Маленкова, Кагановича. Принцип систематического обновления состава партии породил неизбежный конфликт между аппаратом и первым секретарем, чей срок избрания «в силу признанного авторитета», согласно новому уставу, мог быть «длительным». Этот конфликт усугубился после решения о разделении некогда единой партийной иерархии на промышленную и сельскую. Данный шаг, по мнению партийной элиты, высказанному на октябрьском

1964 г. пленуме при отставке Хрущева, привел к «зависимости» промышленных обкомов от совнархозов, поскольку после своего укрупнения каждый совнархоз сосредоточил в своих руках «всю полноту хозяйственной власти» на территории не одной, а нескольких областей^{266}.

Таким образом, совнархозы усиливали свое влияние на хозяйственную жизнь страны, в то время как обкомы его утрачивали. На смену власти министерской, против которой боролась партия, пришла совнархозовская власть, обладающая огромными материальными ресурсами. Вместе с этим укрепилась и возросла роль региональных элит, чье влияние в жизни страны стало рассматриваться как серьезная угроза центральной власти.

Хрущевская перестройка партийных органов, по мнению участников октябрьского пленума, также противоречила «ленинскому требованию об идейном и организационном единстве партии и ведущей роли рабочего класса в государстве и социалистическом обществе». Практически ни один из членов Президиума ЦК, выступавший на этом пленуме

за отставку Хрущева, не обошел вниманием данный вопрос. Единодушным было и мнение выступающих, их оценка. Говорилось о «принижении роли парторганов», о том, что «жизнь не подтвердила» нововведений, которые привели к «неразберихе» и в результате произошло «невероятное переплетение, смешение функций, прав и обязанностей партийных, государственных и хозяйственных органов»^{267}.

Эта реакция партаппарата на хрущевские реформы не только отражала конфликт между представителями различных властных элит, но в первую очередь стремление партии вернуть себе утраченные позиции и выгодную роль простого «посредника» в экономическом производстве, который не несет прямой ответственности за неудачи. Хрущев заставил партийные органы заниматься несвойственными им задачами — принимать непосредственное участие в организации производства, однако без необходимой квалификации и желания трудно было рассчитывать на успех. Поэтому реформа, как отмечают многие экономисты, на практике привела

к путанице в действующей системе управления, что отразилось на народном хозяйстве страны. Для хрущевских оппонентов по Президиуму ЦК партии срыв семилетки был одним из главных аргументов в пользу сворачивания реформ. Как было принято в советской политической практике, вина за все ошибки была возложена персонально на Хрущева, который в своем заключительном слове на октябрьском пленуме 1964 г. в следующих выражениях прокомментировал позицию своих коллег: «Собрались — и мажете говном, а я не могу возразить. Спасибо за работу, за критику»^{268}.

По мнению многих отечественных и зарубежных историков, именно разросшаяся КПСС, которая выражала интересы управленческой элиты, стала самым мощным препятствием на пути реформ. Другие историки считают, что происходившие в системе власти процессы носили более сложный характер. Они согласны с тем, что правящая бюрократия на пути к вершине своего могущества «свела реформы на нет», но саму партию считают лишь «правлящим слугой» советской бю-

рократии. Эта бюрократия, по их мнению, представляла собой класс, главной целью которого являлась защита «собственных интересов». Ни на что иное она «не была способна», т. к. не имела серьезных лидеров, а была «идеологически бесплодна, деморализована и часто коррумпирована».

Отечественный историк Р.Г. Пихоя выделяет две группы факторов, объясняющие причины отставки Н.С. Хрущева. Первые — объективные процессы в стране, подрывавшие влияние Хрущева как главы партии и государства. Это неспособность решить проблемы экономики, в первую очередь сельскохозяйственного производства. Вторые — личные отношения Хрущева с представителями партийной, военной и промышленной элиты страны. И все же, как и его западные коллеги, Пихоя убежден: именно партаппарат «отправил на покой» Хрущева, т. к. он не гарантировал этому аппарату «стабильность, преемственность, безнаказанность».

За 1953–1964 гг. число коммунистов в СССР выросло с 6,9 до 11,8 млн. человек (на 70%). И хотя доля рабочих в партийной среде

несколько увеличилась, однако к середине 60-х гг. она составляла только 37%, а более 46% составляли служащие. По данным официальной статистики, в 1965 г. каждый десятый коммунист работал в органах государственного или хозяйственного управления, в аппарате партийных и общественных организаций^{269}.

Уже хрущевские современники отмечали факт бюрократизации Советского государства, рост воровства и коррупции, захваты-вавший все слои «руководящих кадров», серьезные противоречия между официальной идеологией и действительностью, углублявшие пропасть между элитой и остальным населением. Так, известный экономист академик Е.С. Варга отмечал в своих дневниках, что на «место “рабочего государства” двадцатых годов пришло в шестидесятые годы государство бюрократии с Хрущевым в качестве диктатора во главе»^{270}. Приведенное мнение не являлось чем-то исключительным для того времени, подобные мысли высказывались нередко, хотя, конечно, для «внутреннего пользования».

Глава 12.

СОВЕТСКИЙ ЕЖ В ШТАНАХ АМЕРИКАНЦЕВ

Почему Карибский кризис не закончился термоядерной войной?

«Если запустить в штаны американцев нашего ежа?» — именно такими словами Хрущев в апреле 1962 г. прервал доклад министра обороны СССР маршала Р.Я. Малиновского, который сообщил первому секретарю ЦК КПСС о развертывании американских ядерных ракет средней дальности в Турции. Первый секретарь прямо сказал маршалу, что думает об этом: нельзя ли поставить наши ракетные системы на Кубе? Аргументация Хрущева сводилась к тому, что, по донесениям разведки, СССР отстает от США по боеголовкам в 15 раз и ликвидировать это отставание можно не раньше, чем через 10 лет. Вместе с тем ракеты на границе США резко меняют всю ситуацию и компенсируют наше временное отставание. Малиновский ответил, что

это должно быть «не военное, а политическое решение»^[271].

Этим знаменательным событиям предшествовал приход в 1959 г. к власти на Кубе революционных сил во главе с Ф. Кастро. 17 марта 1960 г. президент США Д. Эйзенхауэр подписал секретную директиву о подготовке отрядов кубинских эмигрантов для вторжения на Кубу. В апреле того же года это вторжение кубинских эмигрантов, осуществленное при поддержке вооруженных сил США, закончилось их поражением. В конце 1961 г. кубино-американский конфликт начал перерастать региональные рамки. Этому, полагают историки, способствовала и политика советского руководства, усиление конфронтации между США и СССР в начале 60-х гг. В июне 1961 г. в Вене Хрущев заявил новому президенту США Дж. Кеннеди, что СССР будет «оказывать поддержку национально-освободительным войнам». А противостояние между двумя политическими системами в центре Европы привело к возведению в августе 1961 г. Берлинской стены. Однако многие западные историки сходятся на том, что вопреки

позднейшим утверждениям Хрущева главная цель его шага состояла «отнюдь не в защите Кубы от возможности нового вторжения, спонсируемого американцами». Американский ученый М. Малиа считает, что основная причина крылась в целях советской внешней политики, направленных на «достижение международной безопасности, которая позволит Советскому государству наращивать свою мощь в глобальном масштабе». Для достижения этих целей, полагает Малиа, Хрущев избрал такие методы как «бряцание» ракетами и испытание бомб и крайнюю меру запугивания американцев — размещение советских ракет и ядерных боеголовок на Кубе. Со стороны Хрущева это была «отчаянная попытка» не только обеспечить стратегический паритет с помощью географического фактора, но и «способ умиловить советских военных, компенсируя сокращение численности армии и ассигнований на военные нужды»^{272}.

Ряд отечественных историков считает, что в своем решении по Кубе советское руководство стремилось «получить политические выгоды в противостоянии двух лагерей», что ку-

бинский кризис был типичным порождением холодной войны, т. е. объясняют его стремлением СССР и США занять господствующее положение в мире. В случае удачи Советский Союз получал «форпост» социализма в Латинской Америке и приставленный к самому «виску» Соединенных Штатов ядерный «пистолет».

На октябрьском пленуме в 1964 г. эта хрущевская инициатива была обозначена как «жонглирование судьбами народа» и «авантюризм», нанесший ущерб нашему государству и ухудшивший советско-кубинские отношения. Хрущев обвинялся также в том, что в своем безудержном стремлении помочь националистическому движению в третьем мире он «пренебрег национальными интересами Советского Союза». Однако Хрущев защищал свое решение тем, что, по его мнению, в кубинском вопросе «риск был неизбежен»^[273].

Российский историк А. Фурсенко и американский историк Т. Нафтали, написавшие наиболее полный отчет о самом опасном противостоянии великих держав во второй половине XX в., пришли к выводу, что «тайные

действия Кеннеди и ядерный гамбит Хрущева оказались не только дорогостоящей неудачей, но и катализатором опасного развития событий в период холодной войны. Даже после разрешения кризиса Куба оставалась тяжелым грузом, прямо или косвенно вызвав покушение на Кеннеди и подтолкнув к смещению Хрущева»^{274}.

Западные исследователи отмечают ту особенность, что «ракетный кризис» 1962 г. выглядел таковым только в глазах Запада, поскольку советское общество практически «ничего не знало о происходящих событиях» и рассматривало произошедшее исключительно сквозь призму «борьбы за мир».

Замысел Хрущева основывался на скрытном развертывании группы советских войск на Кубе, чтобы поставить американское руководство перед свершившимся фактом. Ставка на внезапность, считают отечественные историки, была сделана потому, что у Москвы отсутствовали легальные основания для размещения советских ракет на Кубе. Не было у Хрущева и надежных свидетельств относительно планов американского вторжения на

Кубу. 18 мая 1962 г. на заседании Совета обороны состоялось обсуждение возможности размещения на Кубе советских войск с ракетно-ядерной техникой, а 24 мая Генштаб подготовил записку о создании на Кубе группы войск (операция «Анадырь»). В тот же день состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором протокол не вели. На одной странице было записано секретарем Совета обороны генерал-полковником С.П. Ивановым: «1. Мероприятие “Анадырь” одобрить целиком и единогласно (по получении согласия Ф. Кастро). 2. Направить комиссию к Ф. Кастро для переговоров»^{275}.

В мае 1962 г. советская делегация посетила Кубу. В состав делегации под чужими фамилиями входили главнокомандующий ракетных войск маршал С.С. Бирюзов и только что назначенный послом на Кубе бывший резидент КГБ А.И. Алексеев. По возвращении делегации в Москву было созвано новое заседание Президиума ЦК, на котором доложили, что кубинское руководство согласилось с размещением советских ракет практически без колебаний^{276}.

10 июня члены Президиума ЦК КПСС единогласно проголосовали за размещение на острове Куба группы советских войск, взяв за основу ракетные войска.

Операция «Анадырь» проводилась в обстановке абсолютной секретности, немногим более десяти человек (генералы и офицеры) знали о предстоящем походе в полном объеме. Особые меры предосторожности разрабатывались для перевозки ракет и ядерных боеголовок. В августе — сентябре флот доставил на Кубу военную технику и личный состав. К 20 октября ядерные боеприпасы, доставленные в кубинские порты дизель-электроходом «Индигирка», прошли проверку и находились на ракетных базах воинских частей. Всего на Кубе разместили 164 ядерные боеголовки. Ядерные боеголовки к 36 ракетам Р-12 с радиусом действия до 2 500 км находились «вблизи стартовых позиций ракет и были готовы к боевому применению». По свидетельству американской стороны, США узнали о наличии ядерных боеголовок на Кубе только в 1998 г. из советских источников^{277}.

Спорным остается вопрос о том, могли

СССР применить ядерное оружие. Сын Н.С. Хрущева в своей двухтомной книге сообщает, что когда до окончания работ на ракетных базах остались «считанные часы», Хрущев позвонил министру обороны Малиновскому и «попросил еще раз повторить указание: ракетным подразделениям на Кубе не подчиняться ничьим приказам, кроме его личных распоряжений»^{278}. По свидетельству участника событий генерал-лейтенанта Н.К. Белобородою, советские войска на Кубе не имели права самостоятельного применения ядерного оружия. А по воспоминаниям генерала армии А.И. Грибкова, входившего от Генштаба в группировку советских войск на Кубе, «существовало устное указание Хрущева командующему группировкой генералу армии И.А. Плиеву применять ядерное оружие самостоятельно, если это диктовалось создавшейся ситуацией или в случае утраты связи».

Когда большая часть советской группировки была уже на Кубе, американский разведывательный самолет У-2 сделал снимки, после чего специалисты пришли к выводу: на острове устанавливаются ракеты среднего ради-

уса действия. Выступление американского президента 22 октября по радио и телевидению повергло Соединенные Штаты в шок. С 24 октября по решению Кеннеди вводилась блокада острова, дипломатично названная «карантином». В тот же день Москва сделала Вашингтону предупреждение: если США развяжут ядерную войну, СССР «нанесет самый мощный ответный удар». Советские дипломаты в Вашингтоне продолжали уверять, что никакого наступательного оружия на Кубе нет. Пентагон рассматривал возможность воздушного удара по советским ядерным объектам. Плиев докладывал Малиновскому, что в случае «ударов по нашим объектам со стороны американской авиации применить все имеющиеся средства ПВО». На полученной телеграмме Хрущев написал «Утверждаю. 27.10.1962»^{279}. Мир стоял на грани невиданной войны.

В результате переговоров (обмена посланиями) между Хрущевым и Кеннеди, усилий дипломатов, разведчиков и военных стороны пришли к компромиссу: если СССР выведет свои ракеты с Кубы, то нападения на нее не

будет.

Один из главных уроков Карибского кризиса, по мнению историков, заключался в том, что «появилось понимание бессмысленности использования ядерного оружия». По мнению отдельных ученых, Карибский кризис был классическим случаем «использования ядерного “устрашения” для получения ограниченных политических выгод». Одновременно он показал бесперспективность ядерной войны и ядерного устрашения, наметил контуры урегулирования региональных конфликтов при участии Организации Объединенных Наций.

Часть 4. ВРЕМЯ КОНСЕРВАТОРОВ. Эпоха «застоя»: pro et contra 1965–1985 гг.

Глава 13. ЭТО И ЕСТЬ НАСТОЯЩИЙ КОММУНИЗМ

Знаток коридоров власти

По свидетельству историка Д.А. Волкогонова, своей карьерой будущий генсек Л.И. Брежнев обязан Н.С. Хрущеву, который в 1950 г. рекомендовал его первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии. На XIX съезде партии сам Сталин, заинтересовавшись молодым и представительным партийным «молдаванином», рекомендовал Брежнева секретарем ЦК и кандидатом в члены Президиума Ц.К. После смерти Сталина он был лишен высоких партийных должностей и назначен заместителем

лем начальника Главполитуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1954 г. Хрущев вновь способствовал карьере своего протеже, которого послал вторым секретарем ЦК компартии Казахстана. В 1955 г. Леонид Ильич стал первым секретарем этой республики, а в 1960 г. был выдвинут своим высоким покровителем на должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. Однако, по свидетельству Волкогонова, Брежнев «не питал любви к своему предшественнику», а в 1964 г. являлся одной из самых значимых фигур среди советского руководства в деле устранения Хрущева с политической арены

{280}.

Если оценки Брежнева как политика отличались большим разнообразием, то его человеческие качества — доброта и общительность, благожелательность и радушие, отсутствие мании преследования и комплекса опасности, страсть к охоте, наградам, женщинам и роскошным автомобилям — подчеркивались почти всеми без исключения мемуаристами. Этаким, по определению А.Е. Бовина, «хороший помещик с большим хлебосоль-

ным домом» мог получиться из Брежнева в тургеневские времена^[281].

По мнению Г.И. Воронова, бывшего в брежневские годы председателем Совета Министров РСФСР и членом Президиума ЦК КПСС, советские руководители «плелись в хвосте событий», а сам Брежнев хотя и был «человек безграмотный» и «неискренний», умело осуществлял «единоличное правление». По свидетельству П.Е. Шелеста, бывшего первого секретаря ЦК компартии Украины и члена Политбюро, входившего в ближайшее окружение Брежнева в 1964–1973 гг., «молодые, энергичные, принципиальные» работники ЦК партии — В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев, А.Н. Шелепин — невысоко оценивали Леонида Ильича, но в борьбе за власть «переоценили свои возможности и недооценили силу Брежнева, его умение вести аппаратные игры, закулисную борьбу». Советский посол в США А.Ф. Добрынин отмечал в Брежневской политике хорошее знание «коридоров власти», «привычку играть вместе с командой», а не отдельно». Он также сообщал факт, подтверждаемый многими политиками брежневско-

го времени: ряд важнейших направлений деятельности государства генсек передоверял другим членам Политбюро, серьезно не вмешиваясь в их работу. Так, подчеркивал Добрынин, вопросы идеологии были «отданы на откуп Суслову», а в проведении внешней политики Брежнев «фактически полагался до конца своих дней на Громыко»^{282}.

Многие (и политики, и ученые) отмечали, что Брежнев «не был лишен политических способностей» и «очень хорошо» знал советский аппарат, все его механизмы и их функционирование. Ему также были присущи «тонкое психологическое чутье» и «удивительная способность маневрировать людьми». В аппаратной борьбе Брежнев проявлял «ум, хитрость и изобретательность». Многих членов Политбюро — Г.И. Воронова, А.П. Кириленко, К.Т. Мазурова, Н.В. Подгорного, Д.С. Полянского, П.Е. Шелеста, А.Н. Шелепина (участников октябрьского 1964 г. пленума ЦК КПСС) — Брежнев вывел из состава высшего партийного органа. В отличие от своих предшественников (Сталина и Хрущева), он устранил конкурентов без каких-либо

серьезных конфликтов, репрессий и «даже без публичного поношения». По мнению его соратников, об умении Брежнева разбираться в людях говорил тот факт, что «никто его не предал, как это было до него с Хрущевым и после него с Горбачевым»^{283}.

Л.И. Брежнев полагал, что поскольку при Сталине «люди боялись репрессий», а при Хрущеве — «реорганизаций и перестановок», то народ «не был уверен в завтрашнем дне», а поэтому свою задачу на посту руководителя страны он обозначил как «обеспечение спокойной жизни для советских людей».

Многие исследователи отмечали, что первоначальный секрет успеха Брежнева заключался в том, что ему своей политикой удалось соответствовать стремлению аппарата «к консолидации», а населения — «к спокойной жизни». Можно привести тот факт, что на первом послехрущевском съезде партии произошло минимальное обновление правящей верхушки.

Однако, по мнению ряда историков, более важное значение для многолетнего правления Брежнева имело другое обстоятельство,

связанное с методами его руководства, отразившими стремление номенклатурного коммунизма к стабильности и самосохранению. Девиз брежневского политического режима, по мнению известного диссидента А.А. Амальрика, был выражен в следующих словах: «Не троньте нас, и мы вас не тронем». Многие историки утверждали, что высшие партийные структуры, пока их возглавлял Брежнев, «функционировали как коллегиальные органы». Если при Сталине аппаратчики рисковали личной свободой, а нередко и жизнью, при Хрущеве — своим положением, то во времена Брежнева между центральной властью и периферией имелось неписаное, но от этого еще более эффективное соглашение, гарантирующее стабильность правящего класса на всех уровнях. М.С. Горбачев в своих мемуарах отмечал, что Брежнев извлек «необходимые уроки» из отставки Хрущева, а потому своей главной опорой опять сделал первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК республик. «Это был, — писал Горбачев, — своего рода “общественный договор” между основными носителями власти». Смысл дан-

ного «договора» состоял в том, что руководителям регионов давалась «почти неограниченная власть», но взамен они должны были поддерживать генсека «как лидера и вождя». Именно благодаря этому, считают многие политики, Брежневу удалось оставаться у власти 18 лет, «причем фактически не работая последние шесть лет»^{284}.

Во второй половине 70-х гг. здоровье Брежнева стало ухудшаться: слабела память, ослабла способность сосредоточиваться на сложных политических вопросах. Постепенно, по словам академика Е.И. Чазова, Брежнев превратился в «дряхлого, склерозированного старика». Именно в связи с ухудшением состояния здоровья Брежнева, отмечали все наблюдатели, произошла новая расстановка сил в высшем эшелоне власти: в тесном сотрудничестве находились руководители внешней политики, министерства обороны и КГБ — А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов и Ю.В. Андропов, тогда как А.Н. Косыгин «лицетворял собой довольно влиятельное совминовское лобби». Важную роль играли также ответственный за идеологию М.А. Сулов и бессменный заведу-

ющий общим отделом ЦК КПСС К.У. Черненко. В результате произошла так называемая фрагментация власти генерального секретаря, распад центральной власти на отдельные «вотчины» — оборонную, внешнеполитическую, идеологическую, полицейскую — не связанные единым руководством. Шесть лет, после того как в 1976 г. Брежнев перенес обширный инфаркт, в стране «фактически не было» руководителя, объединяющего и координирующего всю работу государства и партии.

Устинова, Громыко и Андропова многие историки называли главными ответственными за усиление консервативных тенденций во внутренней и внешней политике СССР во второй половине 70-х — начале 80-х гг.^{285}

Поедем охотиться!

Как отмечалось в докладе председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина на сентябрьском пленуме ЦК КПСС в 1965 г., решение экономических задач возможно только тогда, когда «централизованное плановое руководство будет сочетаться с хозяйствен-

ной инициативой предприятий и коллективов, с усилением экономических рычагов и материальных стимулов развития производства, с полным хозяйственным расчетом»^[286].

Для своего времени мысль о сочетании самостоятельности предприятий с централизованным управлением была прогрессивной. Однако, по свидетельству некоторых экономистов, всегда «трезвому реалисту» Косыгину в этом вопросе были свойственны иллюзии, поскольку он недооценивал «цепкость мертвящей бюрократии, ее способность к росту и экспансии». Вопреки расхожему мнению, как свидетельствовал ближайший косыгинский сподвижник и председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, Брежнев поддерживал реформу, поскольку он «сознавал роль материальных стимулов». Однако, в отличие от Косыгина, он никогда не вдавался в тонкости и сложности экономического анализа и не владел необходимыми для этого знаниями. Так, Н.К. Байбаков в своих воспоминаниях писал, что когда он докладывал Брежневу проект народнохозяйственного плана на 1973 г., тот, утомившись слушать, заявил: «Николай, ну тебя

к черту! Ты забил нам голову своими цифрами. Я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв, поедем охотиться». После охоты «повеселевший» Брежнев «согласно кивал головой» и на заседании Политбюро «поддержал» проект плана^{287}.

Антиреформаторское большинство в Политбюро возглавлял Н.В. Подгорный. Он заявил: «На кой черт нам эта реформа, мы и так двигаемся неплохо». Этот критический настрой разделяли многие министры и члены ЦК КПСС. Реформа предусматривала замену показателя «объем валовой продукции» показателем «объем реализованной продукции», который дополнялся установлением задания по объему производства в натуральном выражении важнейших видов промышленной продукции.

Предусматривалось также изменение отношений между предприятиями и государственным бюджетом: у предприятия оставалась значительная часть прибыли, необходимая для образования фондов стимулирования. Вместо территориальных советов народного хозяйства (совнархозов) были воссозда-

ны отраслевые министерства.

Еще в 1962 г. «Правда» опубликовала статью профессора Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия». Сторонники этого идейного течения ратовали за предоставление большей автономии предприятиям, за то, чтобы им было позволено получать прибыль, которая, в свою очередь, обеспечит капитал для инвестиций и создаст материальную заинтересованность у рабочих и администрации. В случае проведения этих идей в жизнь решения руководства предприятий определялись бы не командами сверху, а рыночными законами спроса и предложения. Как считают западные ученые, по своей сути эти идеи были разрушительны для существовавшей в Советском Союзе экономической системы.

По мнению большинства ученых, главное содержание экономической реформы состояло в переходе от преимущественно административных форм руководства промышленным производством к преимущественно экономическим. Полная самостоятельность предприятий должна была, по мысли Косыгина, привести к отказу от централизма путем

постепенной эволюции системы государственного управления народным хозяйством в систему *государственного регулирования деятельности предприятий*^[288]. Однако, учитывая настроения, царившие в высших эшелонах власти после недавней отставки Н.С. Хрущева, в своем докладе на пленуме Косыгин избегал употреблять слово «реформа», упомянув лишь, что предлагаемые меры есть «нечто вроде реформы». Ближайшие родственники брежневского премьера отмечали, что привычка скрывать свои мысли и чувства, приобретенная за годы сталинской службы, осталась у Косыгина «навсегда».

Как свидетельствуют факты, экономическая реформа середины 60-х гг. сыграла положительную роль: количественные и качественные показатели в 1966–1968 гг. улучшились, был дан толчок росту эффективности производства, совершенствованию системы материального поощрения работников. Однако реформа не была доведена до конца, полагают экономисты, и уже к концу 60-х гг. «практически начала свертываться». Не произошло и реального расширения прав пред-

приятий^{289}.

Реализация косыгинской реформы по времени совпала с событиями 1968 г. в Чехословакии, что резко ослабляло позиции сторонников реформ на всех уровнях управления. Трудной для Советского Союза оставалась проблема разработки новейших технологий, необходимых для укрепления военно-индустриального комплекса. Значительная их часть, как свидетельствуют факты, в 70-е гг. заимствовалась на Западе, когда Советский Союз делал все возможное, чтобы обойти эмбарго на поставку в нашу страну стратегического оборудования.

По мнению многих ученых, по своей сути косыгинская реформа «покушалась» на монополию государственной собственности, ее абсолютное доминирование в советской экономике, которое и приводило в конечном счете к застою. В этом заключалось внутреннее противоречие всей реформы.

Ряд историков считал, что в рамках реформы проводилась контрреформа — упразднение совнархозов и восстановление центральных отраслевых министерств, которые по за-

мыслу реформаторов должны были стать проводниками научно-технического прогресса, а на деле превратились в оплот консервативных политических тенденций. Бюрократия (министерская и местная) осуществляла полный контроль за кадрами предприятий, налага на них бремя «добровольных» обязательств и тем значительно снижала эффективность их работы.

Некоторые отечественные ученые вслед за западными при оценке косыгинской реформы отмечали, что она «имела роковые последствия для плановой системы». Во-первых, централизованные плановые задания не удалось органично сочетать с материальными стимулами и самостоятельностью предприятий — по мере проведения реформы две эти разнонаправленные тенденции все больше «противостояли и подрывали друг друга». Второе противоречие заключалось в том, что реформа произвела на свет новый тип предприятия, имеющего «обособленный от государства коллективный экономический интерес», поскольку труд работников этого предприятия в силу новых условий хозяйст-вова-

ния уже не был связан непосредственно с обществом в целом. Появилось понятие «мы», т. е. трудовой коллектив данного предприятия, и — «они», т. е. Госплан, министерства, другие предприятия. Поскольку речь шла о коллективах, насчитывающих нередко десятки тысяч человек, этот переворот в мышлении свидетельствовал о серьезных, кардинальных изменениях в социальной структуре советского общества. Вместе с новым социальным слоем возникли новые стереотипы поведения людей. Таким образом, начала формироваться «армия могильщиков централизованного директивного планирования», разрушался фундамент партии, которым «служили заводские парторганизации»^{290}.

Мнение автора

Высказанная Ю. Ольсевичем и П. Грегори версия заслуживает внимания, поскольку последующее движение нашей страны по пути рыночных реформ показало, что сегодня все меньшее число людей связывают свое будущее с социалистической моделью развития. Таким образом можно допустить, что некоторая часть населения еще в

брежневские годы была воспитана в духе рыночной экономики, пройдя школу косыгинской реформы. Однако, на наш взгляд, этот аспект нельзя преувеличивать, придавать ему слишком большое значение, поскольку даже на предприятиях, затронутых косыгинской реформой, среди ее работников в основе своей преобладала психология социального иждивенчества, характерная для советских времен и выраженная в формуле «мы делаем вид, что работаем, а они делают вид, что платят нам». Было бы исторической натяжкой наши сегодняшние представления о рыночной экономике переносить в прежнюю эпоху и приписывать современные черты сознанию промышленных рабочих 60–80-х гг., весьма апатичных в своей массе к повышению производительности труда, которая не стояла в прямой связи с их заработной платой.

В обстановке полного единодушия

Брежневская эпоха вошла в современную литературу под емким названием «за-

стой». Ее также называли «временем консерваторов». Нередко и критики этой эпохи, и ее апологеты выделяли в своих работах какую-либо одну сторону жизни советского общества: первые — положительную, вторые — отрицательную. Одни подчеркивали, что за 20 лет рассматриваемого периода Советский Союз достиг своего апогея, а его глобальная мощь указывала на смещение соотношения сил между двумя мировыми социальными системами «в пользу социализма». Сторонники другого направления отмечали, что за внешними признаками имперского величия Советского Союза скрывались болезни системы, вступившей в стадию разложения и исчерпавшей внутренний потенциал для своего дальнейшего развития. М.С. Горбачев, принявший последнюю попытку реформирования советской системы, первым назвал брежневскую эпоху «периодом застоя». Сделано это было, по всей видимости, для того, чтобы на фоне предшествовавшего периода оттенить собственный курс реформ и те успехи, которые казались новому руководителю страны легко достижимыми на начальном этапе

перестройки. С легкой руки Горбачева термин «застой» получил в отечественной литературе права гражданства. В последующем он перекочевал из политического лексикона в исторические работы, став своеобразной визитной карточкой рассматриваемой эпохи.

Многие ученые считали ошибочным утверждение о застое в социально-экономическом развитии страны в 1965–1982 гг. на том основании, что за указанный период объем промышленного производства в СССР вырос почти в 3 раза, а сельского хозяйства в 1,5 раза; национальный доход увеличился в 2,5 раза, а капиталовложения — в 2,7 раза. Почти вдвое выросли показатели по важнейшим видам продукции в стране (производство электроэнергии, добыча нефти и газа, выплавка чугуна и стали, производство автомобилей и тракторов). По мнению этих ученых, разговоры о застое возникли по двум причинам. Во-первых, в связи со снижением темпов экономического роста в 80-е гг. по сравнению с 60-ми. Это снижение стало результатом того, что в указанный период произошел переход с экстенсивного на интенсивный путь развития

экономики как прямое следствие насыщения народного хозяйства СССР важнейшими видами продукции. Вторая причина — «реальный застой в общественно-политической жизни», связанный в первую очередь с «укреплением личной власти Брежнева» и соответствующей этому кадровой политикой^{291}.

Ученые отмечали два разных по своему содержанию периода брежневского правления: первый — с 1965 по 1968 гг., когда советская политика исходила из необходимости «предотвратить войну», «сдвинуть сельское хозяйство с мертвой точки», «ускорить развитие группы Б», когда по всем этим направлениям имелись «положительные результаты». Второй период, ускорившийся после чехословацких событий 1968 г., характеризовался, по мнению этих ученых, тем, что курс на стабильность, не сопровождавшийся развитием демократии, необходимыми переменами, обновлением кадров, начал «порождать застой», который, в свою очередь, стал источником «бесконтрольной бюрократизации, нравственно-политического разложения работников партийного и государственного ап-

парата». Именно такую точку зрения отстаивал в своих работах А.Е. Бовин, более десяти лет работавший в аппарате ЦК КПСС. В конце 80-х гг. Бовину, по его собственным словам, было понятно, что модель социализма, созданная в 30–50-е гг., «полностью исчерпала свои возможности». Он ставил в вину брежневскому руководству, что оно вовремя не научило народ «что и как надо строить». Однако Бовин полагал, что у социализма (как у всякой укоренившейся социальной системы) был «необходимый запас прочности». Проблема, по мнению Бовина, заключалась в том, чтобы заменить изжившую себя модель социализма другой, «более жизнеспособной»^[292].

Данной позиции придерживаются многие ученые. Некоторые из них убеждены, что первые пять лет правления «коллективного руководства» во главе с Брежневым содержали «многочисленные варианты альтернатив», что именно в это время определялся внутриполитический курс Советского Союза, поэтому было бы исторически неправильным определять снятие Хрущева с поста руководителя страны как простое «возвращение к

неосталинизму». Вслед за Бовиным и другими политологами они считают, что одним из важнейших факторов, определивших поворот к застою и последующему кризису советской системы, стали события 1968 г. в Чехословакии. Коммунистическая элита стран, входивших в так называемый социалистический лагерь, усмотрела в попытках реформаторов построить «социализм с человеческим лицом» угрозу утраты своей власти. В конечном счете именно это обстоятельство вызвало поворот к борьбе с инакомыслием во всех областях жизни страны — в экономике, культуре, науке, внешней политике. Так, по мнению Р.Г. Пихои, неосталинизм включал в себя строжайший идеологический контроль и диктат в политической жизни страны, преследование любого инакомыслия, радикальное повышение роли КГБ в обществе, сопоставимое только с ролью ЦК КПСС, а «в ряде случаев даже превосходившее своим влиянием ЦК КПСС». Он также считал, что после чехословацких событий и свертывания экономической реформы Косыгина отныне и до конца 80-х гг. утверждается убеждение «в практиче-

ской нереформируемости советского социализма»^{293}.

По мнению Ф.М. Бурлацкого, понятие «застой» нуждается во взвешенной оценке, поскольку если для экономики тенденция к стагнации обнаруживалась все более зримо, то в области политики и морали имел место не просто застой, а «откатывание назад» в сравнении с десятилетним периодом хрущевской «оттепели». Он выражал резкое несогласие с концепцией «двух Брежневых» — до середины 70-х гг. и после; выступал против утверждения, будто Брежнев был в самом начале своей деятельности сторонником реформ. Брежнев, по мнению Бурлацкого, был типичным аппаратным деятелем «областного масштаба», «флюгерным лидером», стоявшим на «центристских позициях»^{294}.

Общий вывод многих критических публикаций о «застое» сводится, как правило, к тому, что в брежневские годы судьба страны определялась не интересами общества, а «эгоистическими интересами консервативных сил». Отсюда такое внимание к политической истории тех времен, стремление изобразить

Брежнева «изворотливой, хитрой и ловкой посредственностью», утверждения о «принципиальных разногласиях» во внешней и внутренней политике между Брежневым и Косыгиным, попытки объяснить кризисные явления в высшем руководстве исключительно «раболопством ближайшего окружения» Брежнева. Именно такую картину, например, нарисовал в своих воспоминаниях бывший партийный деятель и историк П.А. Родионов. Похожий портрет Л.И. Брежнева изображен во многих мемуарах политических деятелей брежневской эпохи.

Некоторые современные российские историки при характеристике этого периода основное внимание уделяли оценке внутренней политики партии, квалифицируя ее как «консервативную». Сюда они относили контрреформы в области партийного и советского строительства (объединение промышленных и сельских областных, краевых парторганизаций и советских органов), ликвидацию совнархозов и восстановление отраслевых министерств, частичную реабилитацию Сталина, политику стабильности кадров, которая обер-

нулась на практике торжеством геронтократии, неприятие реформ в области экономики. По их мнению, централизация и бюрократизация управленческого аппарата, его быстрое разбухание стали следствием отказа советского руководства от экономических методов управления^{295}.

Известный биограф советских вождей Д.А. Волкогонов полагал, что брежневский курс представлял «некий “новый” путь: между реформизмом Хрущева и диктатурой Сталина», который сложился, с одной стороны, как результат нежелания общества возвращаться к ужасам большевистской диктатуры, с другой — как попытка властей использовать социальную инерцию движения хрущевского периода, «ничего кардинально не меняя и не реформируя». Выбор брежневским руководством консервативной политической линии определялся, по мнению историка, объективными факторами: конфликтом между обществом и властью, не желающей возвращаться к старому и не имеющей достаточно сил, чтобы продолжать курс реформ. Таким образом, брежневизм, согласно Волкогонову, — исто-

рически закономерный этап в жизни советского общества. Состояние стабильности советского общества было, по мнению Волкогонова, результатом определенных исторических условий, в которых находился Советский Союз в эти годы. Важнейший фактор — достижение военно-стратегического паритета с США, заключение в 1972 г. договора между двумя странами об ограничении системы противоракетной обороны и подписание в 1973 г. документа о предотвращении ядерной войны между СССР и США. Обратной стороной этого равновесия, достигнутого в ходе непрекращающейся гонки вооружений, стало истощение советской экономики. При общей стагнации системы резко «прибавил» только военно-промышленный комплекс, усилились многие виды Вооруженных Сил и окреп КГБ. Второй важнейший фактор застоя — кризис бюрократической системы управления. Он заключался в том, что руководство партии и государства «не хотело замечать» отрицательных явлений в жизни советского общества, главной заботой «верхов» в этот период стало сохранение «обстановки полного единоду-

сия» в собственной среде. Именно этими словами, указывал Волкогонов, заканчивались все партийные форумы страны — от заседаний Политбюро и Секретариата до съездов и пленумов партии^{296}.

Основная идея, которую выдвигали и отстаивали Р.А. Медведев, А.Е. Бовин, Ф.М. Бурлацкий и их сторонники, — доказать, что советская социалистическая система подлежала реформированию и (если бы был продолжен курс хрущевских реформ) страна могла преодолеть тот системный кризис, в котором она оказалась главным образом по причине низкой компетентности брежневского руководства. В качестве основной причины смены курса, как правило, называли внешнеполитический фактор, когда «пражская весна» 1968 г. показала, что экономическое оживление и рост благосостояния далеко не гарантировали политической стабильности в обществе, а нередко на их базе возникали требования политических перемен, несовместимые со строительством социализма. Поэтому «пражская весна» рассматривалась Брежневым и его окружением как «атака на партию и на само

дело социализма в Чехословакии», которое следовало защищать с помощью военной силы. Не найдя адекватного ответа на этот вызов времени, Брежнев и его окружение решили перейти к полной консервации системы. Такова в своей основе логическая канва большинства исследований по брежневской эпохе.

Отметим еще одну особенность работ вышеназванных авторов. Многие из них написаны активными участниками событий того времени, когда роль многочисленных «советников» вождя в решении важных политических вопросов многократно повысилась — отсюда желание мемуаристов представить свои действия в выгодном свете. Поэтому свои неудачи на посту «советников» они, как правило, связывали с тоталитарным сталинским наследием, наиболее полно сохранившимся в советской политической системе и ее институтах.

По мнению сторонников модернизационного подхода, с петровских времен и вплоть до нынешних в России правители пытались осуществить модернизацию страны,

каждый по-своему, но общим для всех начинаний было то, что в триаде *личность — общество — государство* «доминировало государство». Так, по мнению В.В. Согрина, Советский Союз, как некогда Российская империя, пытался провести модернизацию страны «на основе мобилизационной модели» и под «верховенством вотчинного государства». Обе попытки закончились распадом великих империй, поскольку не носили «органический» характер, а также по причине того, что устойчивыми характеристиками российской имперской политики были «мессианизм и экспансионизм», которые отвлекали общество и ресурсы на решение сугубо внешних задач в ущерб внутренним. В русле этой теории Согрин выделял брежневский период как качественно отличный от хрущевского. Если Хрущев, вслед за Сталиным, пытался вторично осуществить советскую модернизацию «сверху», то после его отставки новое руководство страны осознало значение модернизации «снизу». Об этом, по мнению Согрина, свидетельствовала косыгинская реформа, допустившая «развитие инициативы и самостоя-

тельности промышленных предприятий и колхозов».

Реформа закончилась неудачей, поскольку, считал Согрин, партийное руководство «смертельно испугалось» возможности сужения экономического и политического «всевластия КПСС»^{297}.

Один из сторонников теории модернизации Е.И. Пивовар обращал внимание на то обстоятельство, что процесс глобализации, который охватил СССР в 60–80-е гг. XX столетия, оказал не менее серьезное воздействие на результаты «советского эксперимента», чем «ошибки, просчеты, слабости» послесталинского руководства. Он отметил, что советское общество в рассматриваемый период переживало качественно новый этап урбанизации, связанный с преобладающим ростом городского населения и резким повышением образовательного уровня в стране. В то же время предшествующий этап индустриализации в СССР «не был завершен», а высокие технологии господствовали только в военно-промышленном комплексе. Одновременно с качественным изменением социальной структу-

ры страны росла «тяга широких слоев общества к массовому потреблению», но советская экономика не могла удовлетворить эти требования, поскольку существовала в условиях «всеобщего дефицита». В результате произошло «разочарование» среднего класса Советского Союза в советской системе^{298}.

Некоторые ученые, сторонники феномена цикличности, объясняли застойные явления 60–80-х гг. преобладанием *контрреформаторской тенденции* в развитии экономики и общества СССР.

Так, по мнению В.Т. Рязанова, в отечественной истории с XVIII в. и до XX в. включительно периоды реформ сменялись контрреформами. В предшествующий брежневскому реформистский период Хрущева в народном хозяйстве СССР завершилось оформление современного комплекса отраслей, связанных с научно-технической революцией (в первую очередь освоение космоса и выпуск сложной оборонной техники). Помимо этого выросли реальные доходы населения и этот рост продолжался и в брежневские времена. Фактически заново были созданы отрасли, работаю-

щие на потребительский рынок, — электробытовая техника, массовое жилищное строительство, автомобилестроение и пр. Рязанов объяснял это практической реализацией курса на «экономическую заинтересованность хозяйствующих субъектов». Что же помешало развиваться реформистским тенденциям в брежневские годы? По мнению Рязанова, таких причин контрреформ было несколько. Одни лежали в экономической плоскости, другие — в политической. В первую очередь ни социалистическая теория, ни соответствующая ей практика не смогли ответить на главный вопрос: как совместить экономическую заинтересованность производственных коллективов в получении прибыли с их экономической ответственностью в условиях государственной собственности. Не был также найден эффективный экономический механизм, позволяющий государству бороться с инфляцией, дефицитом, сокрытием внутренних резервов. Вторая важнейшая причина — на военные нужды в СССР, по экспертным оценкам, тратилось до 20% ВВП, тогда как в США вдвое меньше. Последствия гонки воору-

жений для экономики Советского Союза и уровня жизни населения страны оказались более тяжелыми и долговременными, чем для США^{299}.

Однако далеко не все разделяют вышеприведенную точку зрения. Так, по мнению Е.Т. Гайдара, именно в брежневский период наиболее остро проявились «болезненные долгосрочные последствия реализации избранной социалистической модели индустриализации», а открытие в Западной Сибири огромных месторождений нефти и газа и резкий рост мировых цен на эти природные ресурсы только «отсрочили крах социализма». Сказался также и «консерватизм политической и хозяйственной элиты» страны, мало способной воспринимать нововведения научно-технической революции. По мнению Гайдара, в рассматриваемый период социалистическая советская экономика характеризовалась как «внутренне неустойчивая» и не была способна выйти из этого кризисного состояния^{300}.

По мнению философа А.А. Зиновьева, брежневский период явился «продолжением хрущевского, но без крайностей переходного

характера». Не консервативный аппарат помешал Хрущеву осуществить перестройку советского общества, подчеркивал Зиновьев. Наоборот, аппарат помешал Хрущеву воплотить в жизнь «сталинские амбиции и рецидивы», поэтому и в брежневские годы советскому руководству удалось сохранить главное — итоги десталинизации страны, которые он направил по пути «нормальной (для этого типа общества) эволюции зрелого социального организма». Это реальное коммунистическое общество, согласно Зиновьеву, имело гораздо больше достижений, чем хрущевский и тем более сталинский периоды, и именно благодаря успехам «недостатки стали занимать больше места в сознании людей». Сам же реальный коммунизм достиг «завершенной формы», которая являлась прозаической и заурядной, — «царством серости, бездарности, скуки, лжи, насилия и прочих уже общеизвестных явлений». По этой же причине, замечал Зиновьев, культ Брежнева был не культом «личности», а «культом правящей мафии, которую он лишь символизировал». Системный кризис, охвативший в 70-е гг. все

советское общество, являлся, по мнению Зиновьева, «неизбежным следствием внутренних закономерностей коммунизма». В первую очередь он поразил сферу идеологии, поскольку советские люди поняли, что «то, что они сейчас имеют, и есть настоящий коммунизм». Следовательно, по их мнению, вся идеологическая надстройка нашего общества была лишь «жульнической маскировкой» неприглядной советской реальности. Этим, по его мнению, советский кризис принципиально отличался от капиталистических кризисов на Западе, которые прежде всего поражали сферу экономики^{301}.

Другое крыло отечественной науки, представленное работами М.Я. Геллера, А.М. Некрича, Д.А. Волкогонова, Р.Г. Пихои, убеждено в *изначальной неререформируемости советской системы, ее исторической обреченности.*

Для Волкогонова, например, советская история — это во многом «длинная цепь преступлений, начатая государственным переворотом в октябре 1917 г.», где «органические изъяны» тоталитарного режима были одно-

временно и выражением его силы, и тем, что предопределило его гибель в ходе горбачевской перестройки. «Попытки реанимировать отжившую систему бесплодны и опасны», — полагал Волкогонов^{302}.

Для Пихои этапы становления, укрепления, кризиса и распада сверхдержавы, которые прошло за послевоенный период Советское государство, являлись *закономерным следствием* «лавинообразного нарастания экономических, политических и социально-психологических причин кризиса власти». Едва ли не главная причина подобного исторического финала — непрерывно увеличивающаяся пропасть, «отчуждение» властной верхушки от «абсолютного большинства населения страны»^{303}.

Большинство западных историков более уместным для характеристики брежневской эпохи считают термин «распад», поскольку все структурные компоненты советской системы — экономика, администрация, идеология, социалистический лагерь — стали приходить в упадок. Они считают неточной характеристику брежневской эпохи как «застой-

ной», поскольку этот термин означал надежду на возможность вновь привести советскую систему в движение, что и пытался безуспешно осуществить Горбачев. По их мнению, основы советской системы потряс «внутренний кризис», который стал очевиден для всего общества после того, как с исторической сцены сошли последние представители кремлевской геронтократии. Череда похорон генеральных секретарей ЦК КПСС у Кремлевской стены в первой половине 80-х гг. стала «последним элементом кризиса, что породил экстремальную форму «коммунистического реформаторства» — горбачевскую перестройку. По их мнению, почти двадцатилетнее правление Брежнева показало окончательное изживание внутреннего потенциала советской системы, когда «пришло время платить по счету»^{304}.

Другие западные ученые расширяют хронологические границы упадка, включая в него не только время правления Брежнева, но и перестройку Горбачева, закончившуюся провалом и распадом Советского Союза. Они полагают, что и современная Россия испыты-

вает последствия того кризиса, который проявился в рассматриваемый период^[305].

Мнение автора

В целом разделяя воззрения авторов, рассматривающих эволюцию и распад СССР главным образом как следствие исторически обусловленного внутрисистемного кризиса советского общества, мы считаем безосновательными мнения о том, что после свертывания косыгинской реформы мысль о неререформируемости советского социализма утверждается в сознании советского руководства. По нашему мнению, иллюзии в отношении возможности реформирования советской системы были окончательно изжиты только к концу горбачевского правления. До этого времени они составляли важную черту политического мировоззрения многих представителей сталинской правящей элиты, включая Берию, Маленкова, Хрущева, Косыгина, отчасти и Андропова. Эти иллюзии, как показывают многочисленные факты, были характерны и для самого Горбачева на начальном этапе перестройки. Об этом же убедительно сви-

детельствуется вся, за редким исключением, общественно-политическая мысль Советского Союза, в т. ч. оппозиционная.

Именно частичное сохранение этих иллюзий в отношении потенциальных возможностей советского строя вызвало в обществе стремление к стабильности после бурных сталинских и хрущевских времен. Указанные настроения охватывали (в различной степени) и «верхи», и «низы». Следовательно, «застой» являлся не только закономерным, но и неизбежным следствием господствовавших в обществе настроений и форм жизни, развитием внутренних свойств и черт, присущих советской системе.

Как свидетельствуют приведенные примеры, подходы к изучению рассматриваемой эпохи и ее оценки не в последнюю очередь зависели от тех теоретических построений, которые исповедовали ученые. Эти различия в верованиях можно объяснить не только политической предвзятостью, свойственной многим историкам, но также методологической неуверенно-

стью, которая охватила российских историков после их отказа от марксистско-ленинского учения как единственно возможной теоретической базы их исследований. У нас нет серьезных причин предполагать, что будущее развитие современной России пойдет по сходному кругу, уже описанному сторонниками цивилизационных и модернизационных теорий применительно к нашему прошлому.

Существовал ли в СССР «бюрократический абсолютизм»?

Вынесенный в заголовок вопрос отражает другую важную сторону исторического процесса — историю власти на ее заключительном отрезке времени. Именно через раскрытие феномена власти как главного, основополагающего элемента советской системы многие историки пытались объяснить процесс эволюции СССР и закономерности его распада. До недавнего времени в отечественной литературе отсутствовали специальные исследования по данной проблеме. В результате такого положения современные россий-

ские ученые испытывали огромное воздействие западной политологической мысли, многие достижения которой прочно вошли в научный оборот.

В брежневские времена было завершено многолетнее строительство «бюрократического абсолютизма» советского типа, который, как полагают многие ученые, не имел прецедентов в XX столетии. По этой же причине годы брежневского правления некоторые историки назвали «золотым веком» советской номенклатуры. Так, по мнению М. Левина, после смерти Сталина и отмены системы личного деспотизма вождя, который являлся «фактически собственником всей земли и других ресурсов, включая рабочую силу», Хрущев придал динамизм политической системе и советскому обществу. Однако правящая бюрократия свела реформы на нет и заменила культ Сталина «культом государства». В брежневские времена бюрократия превратила партию в своего «правлящего слугу». По словам Левина, «бюрократический класс» включал в себя не только элиту — верхние слои бюрократии, но и «многочис-

ленные нижние уровни иерархии, социальные слои, включенные в систему, или даже социальные группы вне ее». Он указывал на огромные масштабы теневой экономики в брежневские времена и стремительно развивающийся процесс сращивания дельцов этой экономики с партийными и государственными чиновниками, отмечал, что оба процесса носили массовый характер (хотя последнее слово всегда оставалось за бюрократической элитой). Для Левина переход власти в СССР к бюрократии означал одновременно и ее освобождение от партийной опеки, включая «нейтрализацию» системы номенклатуры, предназначенную для контроля над бюрократией. Поэтому Левин склонялся к мысли, неоднократно высказываемой в научной литературе: партия «утратила свою политическую роль и стала частью бюрократии». По этой же причине она была обречена на свое историческое поражение^{306}.

Иные подходы к изучению проблемы власти в СССР предложил Р.Г. Пихоя. По его мнению, власть в СССР «принадлежала олигархии», к которой он относил представителей

«высших звеньев партийного и государственного аппарата», а сущностной характеристикой этого слоя была его «возможность непосредственно участвовать в процессе управления страной». Советская номенклатура представляла собой уникальное явление: включение в нее носило персональный характер — каждого человека принимали отдельно. «Генеральный секретарь замыкал и в конечном счете руководил всей номенклатурой в СССР, так возникла уникальная вертикальная структура слоя, который был объединен феодальной системой личных связей и зависимости», — писал он. Если обрывались «цепочки взаимных обязательств», карьера чиновника «заканчивалась». Пихоя также называл КПСС «сословно-представительной организацией», хотя подчеркивал, что в СССР отсутствовало «органическое разделение» классов и сословий по формам собственности, поскольку существовала по сути своей единая государственная форма собственности. Анализируя причины внутренней слабости КПСС, он указывал, что «общепартийные» интересы до времени сковывали особые, присущие мест-

ным парторганизациям «профессиональные, сословные, национальные, политические и иные интересы»^{307}.

Глава 14.

БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ

«Пражская весна»

Большинство историков рассматривали «пражскую весну» как поворотный пункт в политике Брежнева, после чего началась эра консерваторов. «Пражской весной» принято называть события в Чехословакии в 1967–1968 гг., когда нараставшее недовольство населения проявлялось прежде всего в кругах интеллигенции, а программы реформ находили сторонников не только в рядовой коммунистической среде, но и среди руководства. Толчком к преобразованиям послужил провал 3-й пятилетки, а затем в ходе открытой партийной дискуссии был поставлен вопрос об отказе от централизованных методов правления, о разделении функций партий-

ных и государственных органов. Некоторые партийные деятели выступали за фундаментальные и всеобъемлющие преобразования, включая трансформацию политической системы, другие — за частичные изменения в смысле улучшения существующей системы. Новый руководитель чехословацкой компартии А. Дубчек на первых порах пользовался доверием и поддержкой Л.И. Брежнева и заслужил от последнего аттестацию «очень честного человека»^{308}.

Большинство современных исследователей отмечали, что чехословацкие руководители не придавали своим реформам антисоветский характер. Однако дубчековскому руководству не удалось удержать контроль за ходом преобразований, и у советского руководства создалось впечатление, что страна сползает к повторению венгерского опыта 1956 г. Характеризуя реакцию ЦК КПСС на чехословацкие события, ученые отмечали, что в нашем партийном руководстве имелись как сторонники жестких мер по отношению к проявлениям «ревизионизма» в сопредельной стране, так и те, кто пытался избежать

прямого военного вмешательства во внутренние дела ЧССР. Первоначально использовались различные методы давления на отбившегося от рук союзника — от непрекращающихся штабных учений и маневров на чехословацкой территории до вмешательства советской стороны в работу высших партийных органов Чехословакии.

В июне 1968 г. группа чехословацких интеллектуалов выпустила прокламацию «2000 слов», в которой призывала народ взять дело либерализации в собственные руки, отстранив от него партию. По мнению авторов прокламации, ошибочная линия руководства превратила партию из политического и идейного союза в государственную организацию для всех жаждущих власти эгоистов. Партия слилась с государством, разучилась воспринимать критику, а потому «духовное здоровье и характер народа были поставлены под угрозу»^{309}.

После публикации «2000 слов» руководство ЧССР отказалось от встречи с руководителями пяти стран-участниц Варшавского Договора. В ответ Москва отложила вывод своих

войск, участвовавших в учениях на чехословацкой территории, а 22 июля СССР заявил, что части Советской Армии расположатся вдоль границы ЧССР и ФРГ. Руководители пяти социалистических стран во главе с СССР потребовали от ЦК КПЧ встречи, а также осуждения реформ, проводимых в этой стране.

На братиславской встрече руководителей ЧССР и пяти стран Варшавского Договора (2–3 августа 1968 г.) впервые прозвучал тезис об ограниченном суверенитете стран социалистического лагеря, вошедший в историю под названием «доктрина Брежнева». Смысл ее сводился к тому, что «когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран». Поэтому для устра-

нения этой угрозы и в общих интересах лагеря социализма возможна любая помощь, включая военную^{310}.

Положение о защите завоеваний социализма как общем, интернациональном долге всех социалистических стран по-разному было воспринято среди участников братиславской встречи. Дубчек полагал, что реформаторский курс КПЧ «гармонично сочетается» с коммунистическими принципами, а потому пытался продолжить этот курс, избегая полемических столкновений с союзниками. Напротив, лидер немецких коммунистов В. Ульбрихт воспринял братиславскую встречу как призыв ко всем правящим партиям социалистических стран выполнять свои обязательства, вытекающие из членства в Советском блоке. Ярким сторонником военно-политического вмешательства в чехословацкие события был лидер венгерских коммунистов Я. Кадар. Он назвал «контрреволюционной» программу «2000 слов» и выразил убежденность в том, что если потребуются оккупировать Чехословакию, то «мы пойдем на это без сомнения».

Вопреки точке зрения многих западных авторов, ссылающихся на неопределенность и расхождения внутри советского руководства по чехословацкому вопросу, большинство советских историков полагали, что Политбюро ЦК КПСС было едино, считая необходимым ввод войск, но существовали расхождения по частным вопросам. Эти расхождения, как свидетельствуют ныне рассекреченные архивные документы, во многом зависели не только от государственного опыта, но и от разной степени информированности каждого из советских руководителей о политической ситуации в Чехословакии, которая непрерывно осложнялась. Сказывались и расхождения между членами Политбюро, связанные с непрекращающейся внутрипартийной борьбой. Сторонником наиболее радикальных мер борьбы с «пражской весной» являлся Ю.В. Андропов. Представителем другого крыла был поначалу А.Н. Косыгин. Последующее развитие событий в Чехословакии поставило под сомнение все прежние рассуждения о «здоровом ядре» в ЦК КПЧ и надежды советских руководителей навести в ЧССР порядок с

помощью этого здорового ядра, не прибегая к военной силе. На первой стадии «пражской весны» Брежнев был сторонником политического давления на ЦК КПЧ, он с большой остороженностью относился к применению крайних мер. В этом его поддерживал и Косыгин. Однако эту позицию не разделяли Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, К.Т. Мазуров, И.В. Капитонов. По мнению А.А. Громыко, международная обстановка в момент чехословацких событий была такова, что крайние меры не могли вызвать обострения или большой войны. Вскоре политическому руководству Советского Союза стало ясно, что реализация крайних мер не приведет к активному противодействию со стороны США. По мнению многих историков, это стало дополнительным аргументом в пользу применения военной силы в Чехословакии^[311].

20 августа примерно в 23 часа войска Варшавского Договора (СССР, НРБ, ГДР, ПНР, ВНР) под командованием генерала армии И.Г. Павловского, перейдя границу Чехословакии, начали осуществлять операцию «Дунай». После полуночи 21 августа советский десант овла-

дел пражским аэродромом и приступил к занятию столицы Чехословакии. Имелись отдельные вооруженные столкновения в Праге и некоторых других районах ЧССР, повсеместные демонстрации против вторжения иностранных войск. 23 августа газета «Руде право» опубликовала обращение делегатов XIV Чрезвычайного съезда КПЧ к компартиям всего мира, в котором говорилось, что войска пяти стран «без каких-либо поводов и без согласия законных правительственных и партийных органов, против воли нашего народа насильственно захватили нашу территорию, вызвали в стране беспорядок, сделали и делают невозможным продолжение начатого пути».

26 августа вывезенные в Москву чехословацкие руководители подписали соглашение, предусматривающее устранение последствий либерализации. Во время визита А.Н. Косыгина в Прагу в октябре 1968 г. было подписано соглашение, которым предусматривалось размещение на территории ЧССР 65–100 тыс. военнослужащих Советской Армии. Бурные антисоветские демонстрации были разогна-

ны милицией, а 17 апреля 1969 г. А. Дубчек ушел в отставку.

Важнейший вопрос всех реформ, когда-либо осуществляемых в социалистических странах, — определить допустимые границы преобразований, переступив которые реформаторы рисковали вместо «улучшения системы» подорвать «основы социализма». Отмена цензуры в Чехословакии, сопровождавшаяся изданием знаменитых «2000 слов», по мнению многих историков, в действительности означала переход этих самых границ.

Хотя большинство историков сходятся во мнении, что подавление «пражской весны» имело для СССР больше минусов, чем плюсов, они по-разному оценивают реальные последствия этого внешнеполитического шага.

Для одних разгром реформ в Чехословакии стал началом конца реформ в СССР; советское общественное мнение уже не питало иллюзий в отношении коммунистической идеи, а сам советский режим стал «циничнее, проще, понятнее». Другие историки полагали, что хотя военный успех был достигнут легко, но с политической точки зрения вторжение ока-

залось катастрофой, поскольку только присутствие советских войск гарантировало Москве контроль над ситуацией, но сама Чехословакия «в один миг стала единой во враждебном отношении к СССР». Никакая нормализация между двумя странами, несмотря на все последующие усилия, оказалась невозможна.

Историки отмечали также тот факт, что акт неприкрытой агрессии против суверенного государства вызвал осуждение во многих странах мира, включая международное коммунистическое движение. В результате СССР и его союзники оказались в состоянии временной изоляции. По их мнению, издержки интервенции — повсеместное падение авторитета СССР и укрепление фронта его противников — были несопоставимы с достижением — приведением к общему знаменателю и без того лояльного стратегически важного партнера.

Отдельные западные историки подавление чехословацких реформ хирургическим путем объясняли внутренними свойствами советской системы: стоит одной плененной

нации продемонстрировать реальную возможность побега — как другие, набравшись смелости, тут же последуют за ней. Брежнев считал чехословацких «уклонистов» наиболее опасными с идеологической точки зрения. По мнению большинства историков, конец «пражской весны» одновременно означал и конец хрущевской десталинизации, однако это не надолго задержало процесс разложения коммунизма, который после 1968 г. вступил в новую стадию^{312}.

«Пражская весна» оказала непосредственное влияние на рост оппозиционных настроений в СССР: 25 августа 1968 г. студентка Т. Баева, филологи Л. Богораз и К. Бабицкий, поэт В. Делоне, рабочий В. Дремлюга, физик П. Литвинов, поэт Н. Горбаневская и искусствовед В. Файнберг вышли на Красную площадь с плакатами «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу». Демонстранты были арестованы и осуждены. 95 деятелей советской культуры обратились в Верховный Совет СССР с письмом протеста^{313}.

В 1989 г. руководители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза заявили, что

предпринятый в 1968 г. ввод войск их государств в ЧССР «явился вмешательством во внутренние дела суверенной Чехословакии и должен быть осужден». В заявлении советского правительства это вмешательство во внутренние дела дружественной страны объяснялось главным образом острой конфронтацией Востока и Запада^{314}.

Тем самым формально осудив вторжение войск союзников в суверенную социалистическую страну, горбачевское руководство нашло оправдание этому шагу советской политики в виде объективной причины — холодной войны. По сути был повторен брежневский дезинформационный маневр, использующий в качестве основного аргумента в пользу необходимости вторжения угрозу Чехословакии, а следовательно всему социалистическому лагерю, со стороны ФРГ.

Почему советские генералы проиграли афганскую войну?

Именно таким был один из вопросов, заданных на пресс-конференции министру иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в

Женева в апреле 1988 г. в связи с решением советской стороны вывести свои войска из Афганистана. «Советские генералы не считают, что проиграли войну, — заявил Шеварднадзе, — сейчас созданы условия для прекращения вмешательства во внутренние дела Республики Афганистан, созданы и условия для вывода советских войск. Никакого поражения здесь нет». Министр также заявил, что советские войска пришли в Афганистан «по просьбе законного правительства Афганистана», в трудные для этой страны дни, имея «соответствующую юридическую и правовую основу»^{315}.

Спустя всего несколько лет видные советские дипломаты и военные однозначно заявили, что «самой серьезной по своим последствиям ошибкой» в области внешней политики брежневской эпохи был ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Эту акцию они расценивали как составную часть общей политики вовлеченности СССР в вооруженные конфликты в других странах. По их мнению, уже к 1981 г. «большинству способных реалистически мыслить» советских

руководителей стало ясно, что «не может быть военного решения» афганской проблемы^[316].

В декабре 1989 г. Комитет Верховного Совета СССР по международным делам в своем сообщении отметил, что решение о вводе войск заслуживает «морального и политического осуждения», что это решение было принято «в нарушение Конституции СССР», что оно было принято «узким кругом лиц» в составе Л.И. Брежнева (занимавшего в тот момент посты генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР, председателя Совета Обороны и Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР), министра обороны СССР Д.Ф. Устинова, председателя КГБ Ю.В. Андропова и министра иностранных дел А.А. Громыко^[317].

С самого начала между Афганистаном и Советским государством устанавливались добрососедские отношения; Афганистан всегда сохранял верность своему нейтралитету в отношении России. В апреле 1978 г. в результате переворота, организованного группой офицеров, многие из которых прошли воен-

ное обучение в СССР и считали себя марксистами, был образован Военный Революционный Совет, который объявил о начале в Афганистане национально-демократической революции. Земельная реформа, которая осуществлялась в основном городскими партийными кадрами, не вызывала поддержки и доверия афганского крестьянства. Такая же неподготовленность новых властей проявилась и при проведении кампании по борьбе с неграмотностью. Социалистическое мировоззрение и атеистические убеждения «революционеров», быстро погрязших во внутрипартийных склоках, наталкивались на глубокую враждебность населения с племенными отношениями и мусульманской культурой. Большую часть населения составляло безземельное и малоземельное крестьянство, огромную роль в жизни страны играла мусульманская интеллигенция. Очень скоро оппозиция новой власти переросла в вооруженное сопротивление, в стране все сильнее разгоралась гражданская война. В результате к концу 1981 г. в соседнем Пакистане находилось более 2 млн. афганских беженцев^{318}.

Согласно официальной советской версии, кабульское руководство в 1979 г. неоднократно обращалось к СССР с просьбой о присылке советских воинских подразделений, но каждый раз в Москве «выявлялось общее понимание недопустимости посылки войск». Осенью 1979 г. позиция СССР изменилась, т. к. появились опасения, что в Кабуле может установиться враждебное Советскому Союзу правительство исламистского или проамериканского толка. Решающее же значение, по мнению большинства историков, сыграло то обстоятельство, что СССР боялся «потерять» страну, ставшую на путь «революционных преобразований». Как заявил корреспонденту «Правды» Л.И. Брежнев, «настал момент, когда мы уже не могли не откликнуться на просьбу правительства дружественного нам Афганистана. Поступить иначе — означало бы отдать Афганистан на растерзание империализму, означало бы смотреть пассивно, как на нашей южной границе возникает очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства»^{319}.

Получив известие о событиях в Афганиста-

не, США обвинили Москву в «экспорте революции» с целью выхода к «теплым морям», а затем попытались оказать на СССР давление. Американский президент Дж. Картер заявил, что «советская акция — самая большая угроза миру после второй мировой войны», а ее главная цель — непрерывное движение к теплопроводным портам для «установления контроля за мировыми запасами нефти».

Заключение афгано-советского договора в 1978 г. вызвало негативную реакцию Китая, который характеризовал его как «военный агрессивный союз», угрожающий безопасности стран региона и КНР. Оценка ввода советских войск в Афганистан в социалистических странах и у ряда коммунистических партий не была однозначной: особую позицию заняли Югославия и Румыния; с осуждением выступили компартии Англии, Испании, Италии, Японии и ряда других стран. В ноябре 1983 г. за вывод «иностранных» (т. е. советских) войск из Афганистана на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН голосовали 116 стран мира^{320}.

Ввод контингента советских войск в Афга-

нистан и его размещение проводились с 25 декабря 1979 г. до середины января 1980 г. В его состав входили управление 40-й армии с частями обеспечения и обслуживания, 4 дивизии, 5 отдельных бригад, 4 отдельных полка и 4 полка боевой авиации, 3 вертолетных полка, а также отдельные подразделения пограничных войск. Всего в войсках, находившихся на территории этой страны, прошло военную службу 620 тыс. военнослужащих, из которых 14 453 человека погибли. Санитарные потери составили 470 тыс. человек^{321}.

Первоначально планировалось, что советские части и соединения разместятся гарнизонами и возьмут под охрану важные объекты. Однако начиная с весны 1980 г. советские войска стали участвовать в ведении активных боевых действий, в т. ч. широкомасштабных.

Мнение автора

Вторгшиеся в нейтральную и суверенную страну, охваченную гражданской войной, советские войска стали рассматриваться местным населением как оккупанты со всеми вытекающи-

ми из этого факта последствиями. Именно поэтому, несмотря на свое техническое и военное превосходство, Советская Армия и ее генералы проиграла войну в Афганистане.

Как заявил в 1992 г. один из самых ярких афганских военачальников Ахмад Шах Масуд, «благодаря воле Создателя, удалось победить крупнейшую сверхдержаву и очистить от коммунизма не только свою родину, но и другие страны»^{322}. Именно так оценивалось лидерами афганской оппозиции советское военное присутствие в этой стране. Война не пользовалась популярностью в советском обществе. Многие задавались вопросом: ради чего молодые люди должны сражаться и погибать в Афганистане? Прессе было дано указание молчать, но советское руководство так и не поняло, что по мере вовлечения СССР в захватническую войну с чужим народом проблема превращалась из внешней во внутреннюю, разъедавая и без того прогнивший режим.

Глава 15.

УГРОЗА ДЛЯ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА

Инакомыслящие

В словаре иностранных слов значение слова «диссидент» раскрывается как инакомыслящий человек, «не согласный с господствующей идеологией». Отдельные историки под диссидентами понимали действующую в конце 1960-х — 1970-е гг. «небольшую группу» интеллигенции (в основном столичной), занятую «полулегальной правозащитной деятельностью и «самиздатом». По их мнению, диссидентское движение являлось лишь частью, и далеко не главной, «народного сопротивления власти», которому больше подошло бы архаичное русское слово «крамола» — возмущение, мятеж, смута, измена, лукавые замыслы^{323}.

Действительно научное изучение «народного сопротивления власти» началось в России после распада СССР. До этого времени было невозможно заниматься проблемой систе-

матически — главным образом потому, что большинство источников носило закрытый характер. Лишь после издания указа президента Российской Федерации от 23 июня 1992 г. «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» развернулась широкая и целенаправленная работа по публикации рассекреченных документов. Одним из центров изучения инакомыслия в СССР стало общество «Мемориал», активно разрабатывающее историю политических репрессий. В центре внимания исследователей оказались известные правозащитники и инакомыслящие А. Сахаров, А. Солженицын, П. Григоренко, А. Синявский, А. Марченко, Н. Горбачевская и другие, кампании идеологических «проработок» («дела» А. Некрича и И. Бродского, травля редакции журнала «Новый мир» и пр.), случаи открытого протеста против властей (демонстрация на Пушкинской площади в Москве 5 декабря 1965 г.), национальные движения.

Как отмечали историки, в России еще со

времен А.Н. Радищева запрещенные к публикации произведения ходили по рукам в списках, но только в советское время это явление приобрело массовый характер — как «основное средство самопознания и самовыражения общества». Оно вошло в историю под названием «самиздат» (произведения распечатывались наиболее доступным для того времени способом — на машинке — и распространялись среди знакомых). В конце 50-х — начале 60-х гг. печатались главным образом стихи (А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Волошина, Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Бродского, Н. Коржавина и других), а также книги зарубежных авторов (А. Кестлера, Э. Хемингуэя, Дж. Оруэлла, М. Джиласа). Перепечатывались и произведения, изданные в нашей стране, но малодоступные из-за давности издания или маленького тиража. Самиздат быстро политизировался. С 1964 по 1970 гг. ежемесячно Р.А. Медведев издавал материалы, позже вышедшие на Западе под названием «Политический дневник». Поставщиками материалов для этого «дневника» были друзья автора, среди них — ответственные партийные работники,

писатели и ученые.

В 1971 г. председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов информировал ЦК КПСС, что «“самиздат” претерпел за последние годы качественные изменения». Он отмечал, что вместо ранее распространявшихся среди населения «идейно порочных художественных произведений» стали «ходить по рукам», главным образом, документы «программно-политического характера», в которых с разных сторон «критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности». В качестве ответной меры Андропов предлагал идеологическому аппарату партии выработать «идеологические и политические меры по нейтрализации и разоблачению представленных в “самиздате” антиобщественных течений». КГБ же привлекал «нарушителей» к уголовной ответственности^{324}.

Самый сильный резонанс за всю историю самиздата вызвала книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», изданная в декабре 1973

г. в Париже. Главы этой книги передавались зарубежными радиостанциями, работавшими на Советский Союз. На заседании Политбюро ЦК КПСС в январе 1974 г., заслушавшем вопрос о Солженицыне, Брежнев охарактеризовал это литературное произведение как «грубый антисоветский пасквиль», в котором автор посягнул «на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам». Выступавшие вслед за генеральным секретарем члены Политбюро отмечали, что «Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа», что он «враг, наглый, ярый и что он ведет за собой отщепенцев». В результате Солженицын был лишен советского гражданства и выдворен за пределы СССР^{325}.

Разнородное по своему социальному составу, целям и идейным воззрениям, диссидентское движение в России большинство историков связывали с послевоенным периодом, относя его зарождение к хрущевской эпохе, а расцвет к периоду брежневского правления.

Западные исследователи полагали, что во времена Хрущева диссидентское движение

имело форму спорадического «антисталинского взрыва, сочетавшего в себе негодование и надежду» и лишь в брежневские годы оно превратилось в «устойчивое движение». Благодаря чему стал возможным этот качественный переход? Во-первых, отстранение Хрущева от власти означало конец открытым дискуссиям о сталинской эпохе и породило «контрнаступление со стороны ортодоксов», т. е. диссидентство явилось «в первую очередь движением самозащиты» против возможной ресталинизации советского общества. Во-вторых, менялась сама советская система, она становилась «либеральнее» или «мутировала от тоталитаризма к обычному авторитаризму». Поэтому произошел отказ от террора прежних лет, репрессии против инакомыслящих осуществлялись «методами более мягкими и опосредованными». Поскольку социализм был уже построен и перешел в фазу «развитого социализма», надобность в прежнем терроре отпала и важнейшей задачей системы стала охрана завоеванного; в практику вошел «мягкий» сталинизм. Для западных историков «наиболее громогласным»

диссидентом в СССР оставался А.И. Солженицын. Таким же воспринимался и А.Д. Сахаров. Анализируя взгляды Сахарова, Солженицына и Медведева, западные историки утверждают, что «все эти диссиденты оставались лояльны идее «коммунистического реформаторства», а это (по мнению ученых) свидетельствовало о непонимании того, насколько глубок был кризис системы. К концу брежневского правления, считают западные исследователи, зародилось «теневое» диссидентство — закулисная критика советского режима представителями столичной интеллигенции, которая смогла использовать свой «реальный шанс» только во времена Горбачева

{326}.

Среди основных направлений инакомыслия в Советском Союзе Л.М. Алексеева выделяла национальные движения (украинское, литовское, грузинское, армянское и др.), религиозные движения (евангельских христиан-баптистов, пятидесятников), гражданские движения, включая главное — движение за права человека. В качестве самостоятельного феномена ею выделено русское националь-

ное движение^{327}.

Некоторые историки рассматривают диссидентство как «идеологическую оппозицию» или «*инакомыслие* по отношению к сталинизированной идеологии» государства. В соответствии с этим ими выделены правозащитное, национальные и религиозные движения^{328}.

Западный историк Дж. Боффа указывал на три основных направления в диссидентском движении: ленинско-коммунистическое с Р.А. Медведевым во главе, либерально-демократическое с А.Д. Сахаровым и религиозно-националистическое с А.И. Солженицыным. В отличие от многих зарубежных исследователей он не считал, что между официальной советской культурой и диссидентством как своеобразным оппозиционным течением в СССР существовала «пропасть», поскольку «аргументы диссидентов пробивали многочисленные бреши в самих цитаделях власти и ее аппарата». Он также выступал против другого распространенного утверждения, приписывающего большинству диссидентов лояльность идее «коммунистического рефор-

маторства». Боффа писал: «На первых порах диссиденты лелеяли надежду на исправление и улучшение существующей системы, продолжая считать ее социалистической. Но в конечном счете они стали видеть в этой системе лишь признаки умирания и ратовать за полный отказ от нее». Этот историк также полагал, что «благодатную почву» для национализма создал «кризис официальной идеологии» и каковы бы ни были его оттенки, общим для них являлось следующее: советская система — не продукт русской истории, а результат насильственного навязывания со стороны; необходимо укреплять веру в «потенциальное превосходство русской нации», в ее «социальное, моральное и религиозное возрождение», в ее «миссию». Боффа писал, что, несмотря на все разнообразие культурной жизни страны, включая «подпольные глубины советского общества», в СССР не наблюдался прогресс политической мысли и не вырисовывалась «настоящая программа возможных реформ». Основную причину такого положения западный историк видит в политике брежневского руководства, которое бы-

ло озабочено не стимулированием новых идей и поиском новых решений, а их сдерживанием^{329}.

Историки М. Геллер и А. Некрич рассматривали диссидентство в широких рамках, охватывающих как политическую оппозицию советскому режиму, так и различные формы недовольства — «бурления в обществе»^{330}. «Разномастным» в идейном отношении называли диссидентское движение А.С. Барсенков и А.И. Вдовин. Они указывали на его «идейное родство» с известными в России с XIX в. славянофилами, западниками и социалистами. Представителями «социал-демократического» направления Барсенков и Вдовин называли братьев Р.А. и Ж.А. Медведевых, «национально-либерального», почвеннического — А.И. Солженицына и И.Р. Шафаревича, «либерального западничества» — А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля. Как и другие исследователи, они подчеркивали, что в 70-е гг. XX в. правозащитное движение становится «одной из главных составляющих» диссидентского движения в СССР. По их мнению, многие влиятельные в прошлом диссиденты,

представлявшие различные течения этого движения (А.А. Зиновьев, А.Д. Синявский, отчасти А.И. Солженицын), увидев «плоды диссидентства» после распада СССР, «кардинально переоценили» и свое участие в этом движении, и его историческую роль в целом^[331].

Мнение автора

Хотя для подобного вывода имеются некоторые основания, нам представляется, что Барсенков и Вдовин несколько упрощают процесс переосмысления диссидентского движения его вчерашними лидерами. Попробуем показать это на конкретных примерах. В своей последней книге А.Д. Синявский для обобщенной характеристики внутренней природы советского общества употребил термин «советская цивилизация», которая, по его многолетнему убеждению, «хорошо приспособлена к тому, чтобы подавлять человеческую свободу, а не чтобы ее открывать, питать и стимулировать». Советскую цивилизацию Синявский сравнивал с гигантской египетской пирамидой, которая состояла из тщательно подогнанных и при-

тертых колоссальных камней. Среди этих «камней» и революция, породившая небывалую по силе давления на общество власть, и «незыблемый авторитет» Ленина, из которого вырос Сталин, и советский быт или «жизнь для себя», несмотря на требования властей жить «для государства», и новый советский человек, демонстрирующий «одновременно героические качества, рабскую покорность и тупое самодовольство», и перестройка, когда советская цивилизация в первый раз проходила «проверку свободой». Следовательно, вопреки утверждениям Барсенкова и Вдовина, Синявский не отказывался от своей прошлой критики советской системы, воспитывающей, по его мнению, из людей рабов государства. Однако как человек, хорошо знавший предмет своего исследования с изнанки жизни, Синявский не идеализировал и диссидентское движение, активно противостоявшее диктату Советского государства. По его утверждению, в «предельно централизованном и нормативном» советском обществе личная инициатива и самосто-

тельность мышления сохранились «только у преступников перед властью — у политических, то есть диссидентов, и чисто уголовных». Вот парадокс, который счел нужным отметить Синявский, — для современной России «криминальное мышление и криминальные программы оказались крепче диссидентских». Одной из главных причин подобного положения, по мнению Синявского, являлось то, что часть интеллигенции «вошла во власть и стала сотрудничать с ней, оказалась способна заботиться только о своих интересах». Произошло забвение народных интересов, а «придворная часть» интеллигенции, сотрудничавшая с властью, стала использовать последнюю как «своего рода благородное, демократоподобное облако», скрывающее криминализацию России. Таким образом, согласно Синявскому, интеллигенция на современном этапе во многом утратила свою историческую роль барометра общественных настроений, защитницы всех «униженных и оскорбленных». Что же касается «низовой интелли-

генции» (учителей, библиотекарей, врачей), то она по-прежнему остается «почти безгласной, бессловесной»^{332}. Чрезвычайным своеобразием отличается и оценка диссидентского движения А.А. Зиновьевым, на которого ссылаются в своей книге Барсенков и Вдовин. Во-первых, известный философ, по его собственному признанию, «сам никогда диссидентом не был», а его зачисление в ряды этого движения связано (по мнению Зиновьева) с понятийной неопределенностью, сложностью и малоизученностью самого явления диссидентства. Для Запада, указывает Зиновьев, диссиденты — все, «кто по каким-то причинам вступает в конфликт с советским общественным строем, его идеологией и системой власти, подвергаясь за это каким-то наказаниям». Поэтому в «одной куче» оказались националисты и религиозные сектанты, люди, желающие эмигрировать, и террористы, политические бунтари и писатели, деятели культуры, «жаждущие мирового простора». В СССР, по мнению философа, диссидентами называли «лишь опреде-

ленную часть оппозиционеров», лозунгом которых стала борьба «за гражданские свободы и права человека» и которые «делали публичные заявления, устраивали демонстрации, создавали группы». Он также утверждает, что диссидентское движение стало возможным «в значительной степени благодаря вниманию и поддержке со стороны Запада»; что советская интеллигенция за счет своих «родовых признаков» — лучшей образованности, скрытности натуры, гибкости, изворотливости и умения «думать только о себе» — являлась в действительности не «жертвой режима», а его «оплотом». Либеральная интеллигентская «фронда» еще во времена Хрущева «исчерпала свой «либерализм» и в брежневские времена эволюционировала в сторону «консерватизма», дабы «урвать свои куски от благ общества». Зиновьев считает, что диссидентское движение пришло в упадок не только из-за репрессий со стороны властей, но также по причине «непомерного тщеславия и самомнения» со стороны многих видных диссидентов,

по причине игнорирования ими исторического опыта в объяснении явлений общественной жизни Советского Союза, сосредоточения своего внимания исключительно на критике и разоблачении «язв» советского общества. Большое число эмигрантов среди диссидентов Зиновьев объясняет отсутствием в их среде «глубоких психологических оснований для бунта против режима»^{333}. Таким образом, речь идет не о кардинальной переоценке диссидентского движения отдельными идеологами инакомыслия, а скорее об уточнении ими собственной позиции в отношении роли и места не только советской, но и современной интеллигенции в жизни российского общества.

Русский национализм

По мнению Л.М. Алексеевой, русское национальное движение «ответвилось» от правозащитного, поскольку сторонники первого — «это прежние правозащитники, разочаровавшиеся в демократических и правовых идеалах». Алексеева полагала, что возрождение русской национальной идеи «произошло

спонтанно в годы войны с фашистской Германией» и советское правительство использовало это в своих политических целях, «то поощряя» русский национализм, то одергивая «слишком увлекшихся». В качестве первых идеологов этого направления она называла Шиманова, деятелей Всероссийского социал-христианского союза освобождения народов (ВСХСОН) — И.В. Огурцова, Е.А. Вагина, Л.И. Бородина, а также В.Н. Осипова и его журнал «Вече», А.И. Солженицына и И.Р. Шафаревича^{334}.

Историк А.Л. Янов писал: «Идея об избранности русского народа, идея о том, что «загнивающий» Запад может спасти от гибели только Россия, жива до сих пор». В число сторонников русской идеи Янов зачислял и диссидента А.И. Солженицына, и писателя В.И. Белова, и отдельных представителей советской партийной элиты. Для него сущность всей истории России заключена «в борьбе реформы против контрреформы, России против России», поскольку в России нет «среднего класса, способного вывести ее на демократический путь развития». В более поздней работе

основной критический заряд Янова направлен против «русского национализма» — по его мнению, главной причины национальной катастрофы России, которую она неоднократно переживала на протяжении XVII–XX вв. Опираясь на отдельные выводы русских религиозных философов В.С. Соловьева и Г.П. Федотова, вслед за ними Янов утверждал, что в России «национальное самосознание, т. е. естественный как дыхание патриотизм, может оказаться смертельно опасным». Неосмотрительное обращение с национальным самосознанием развязывает «цепную реакцию», в ходе которой культурная элита страны соскальзывает к «национальному самоуничтожению», за которым неминуема и «гибель цивилизации». Предчувствия обоих философов о том, что Россия больна «нравственно» и «единственно существенный вопрос» патриотизма — вопрос «не о силе и призвании, а о грехах России», по мнению Янова, не был услышан соотечественниками. Эта же нерешенная проблема, полагал Янов, встала во весь рост и перед современной Россией, но поскольку главенствующей в объяс-

нении происхождения русской катастрофы является славянофильская традиция, которая вслед за Достоевским и Солженицыным сводит спор к «хронологии или этническим корням «бесовства», то эта «мощная славянофильская нота о «силе и призвании России» заглушит для новых поколений тему ее «грехов»^{335}.

Против подобной оценки русской истории и ее будущего активно выступал известный диссидент, математик И.Р. Шафаревич. Его работа на данную тему под названием «Русофобия» получила противоречивые оценки в печати. Так, некоторые члены Французской академии наук отмечали, что его книга, «начинаясь как социологическое исследование, заканчивается выражением неприкрытого антисемитизма». В российской демократической печати Шафаревич был назван «главным идеологом отечественных воинствующих националистов-антисемитов». Обсуждение данной проблемы и яростные споры по ней продолжаются и в наши дни^{336}.

«Пророком» русского неонационализма, как полагал Дж. Боффа, был Солженицын, ко-

торый и «слышать не хотел ни о какой конвергенции». К «новым правым» Боффа относил журнал «Молодая гвардия», писателей В.Г. Распутина, В.И. Белова, С.П. Залыгина, Ф.А. Абрамова, Б.А. Можаяева, В.М. Шукшина, В.Ф. Тендрякова, В.П. Астафьева, П.Л. Проскурина, Ю.В. Бондарева, В.А. Солоухина, а также режиссеров А.А. Тарковского и Н.С. Михалкова

{337}

В отличие от Янова принципиально иную точку зрения на проблему русского национализма высказали Барсенков и Вдовин, которые полагали, что «объективно оппозицию брежневскому руководству в культурной области представляли общерусские организации и движения, выражавшие национальные интересы России». К таковым авторы в первую очередь отнесли основанное в 1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), деятельность писателей-«деревенщиков», журналы «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия». По мнению этих авторов, русофобия брежневского режима ярко проявилась в следующих словах руководителя КГБ Ю.В. Андропова:

«Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь». Барсенков и Вдовин сожалеют о том, что национально-патриотические течения «так и не набрали силу, не смогли существенно повлиять на власть и развитие общества» в Советской России 60–80-х гг.^{338}

Другой исследователь диссидентства В.А. Козлов считал, что активизация идеологов подпольного и полуподпольного русского национализма в 70-е гг. была связана с тем, что в отличие от либеральных диссидентов «руссисты» могли «апеллировать к чувствительным струнам национальной души, спекулировать на националистических предрассудках недовольного народа». Основываясь на докладных записках КГБ и ЦК КПСС, он пришел к выводу, что в конце брежневского правления на арену борьбы с режимом стали выходить новые силы, сосредоточивавшиеся на «внедиссидентской крамоле (подпольные организации, террористические акты или их подготовка, возрождение националистического движения на окраинах и развитие русского национализма в России)». Именно на-

ционализм Козлов считал угрозой «куда более серьезной» для советского режима, чем либеральную правозащитную критику КПСС «со стороны сердитых московских интеллигентов»^{339}.

Некоторые западные ученые утверждали, что национализм, включая русский национализм, стал «самым острым выражением конфликтов между обществом и государством», непосредственным «политическим фактором», который в конце концов привел к распаду Советского Союза^{340}.

В отдельно взятой стране

В 1968 г. в СССР стала широко распространяться работа академика А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой был сформулирован важный тезис «о сближении (конвергенции) мировых социалистической и капиталистической систем», сопровождающемся «демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом, как единственной альтернативе гибели человечества». В 1971 г. Саха-

ров написал памятную записку, которая представляла по форме некий конспект воображаемого диалога с руководством страны, и отправил ее Л.И. Брежневу. В ней в качестве неотложных вопросов он предлагал провести общую амнистию политических заключенных, ввести гласность, свободу информационного обмена и убеждений, восстановить права выселенных при Сталине народов и ряд других мер. В 1973 г. Сахаров дал интервью шведскому корреспонденту, в котором высказался по вопросам общей оценки природы советского строя, возможностей его изменения, возможного влияния на это диссидентов, отношения к ним властей, положения с правами человека. «Оценивая наш социализм, — говорил Сахаров журналисту, — я не вижу в нем какого-нибудь теоретического новшества для лучшей организации общества. Мне кажется, что в многообразии жизни может быть найдено и что-то положительное, но в целом путь нашего государства содержал больше разрушительных, чем созидательных, общечеловеческих моментов». В те годы академик полагал, что в СССР сделать «почти

ничего нельзя» из-за «очень стабильного» внутреннего положения страны. История рас судила по-иному — многие идеи и предложения Сахарова вошли в программу перестройки^{341}.

Историки отмечали, что до 70-х гг. инакомыслящие были «едины в осуждении пороков советской системы», но позже они стали расходиться в оценках природы этой системы и «в способах исцеления страны». По мнению Алексеевой, академик Сахаров был первым «западником» в самиздате. Известная литературная традиция противопоставляла ему Солженицына как представителя другого направления общественной мысли — «неославянофильского», или «почвеннического». Программным документом Солженицына стало «Письмо вождям Советского Союза», отправленное адресатам в 1973 г. В нем он утверждал, что Россия «вполне может поискать и свой особый путь в человечестве», а не «тащиться западным буржуазно-промышленным и марксистским путем». Солженицын декларировал: «Тысячу лет жила Россия с авторитарным строем и к началу XX века еще

весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа. Русская интеллигенция, больше столетия все силы клавшая на борьбу с авторитарным строем, — чего же добилась огромными потерями и для себя и для простого народа? Обратного конечного результата. Может быть... России все равно сужден авторитарный строй? Может быть, только к нему она сегодня созрела?... Пусть авторитарный строй — но основанный не на “классовой ненависти” неисчерпаемой, а на человеколюбии»^{342}.

Политика «профилактирования»

Если до недавнего времени основное внимание уделялось диссидентскому движению в СССР, то в последние годы ученых стали привлекать сюжеты, связанные с различными формами массового недовольства правительственными действиями, в первую очередь «насильственными столкновениями между населением и властью на почве социальных, политических или этнических противоречий». По мнению одного из исследователей этого направления, основанному на

анализе десятков тысяч судебных дел за 1953–1985 гг., диссидентство было далеко не «высшей фазой» в развитии оппозиционности советскому режиму. Более того, вспышки репрессий против инакомыслящих, характерные для режима в хрущевскую эпоху, сменились в брежневские годы так называемой политикой профилактирования. Показательные политические процессы над оппозиционными писателями и известными правозащитниками, сопровождаемые нападками в прессе, позволяли власти «дискредитировать интеллигентскую оппозицию в глазах простых людей и напугать интеллектуалов». Угрозы в виде возможного уголовного наказания и запугивание людей, «вставших на путь антисоветской деятельности» (при возможности избежать этого наказания в случае отказа от «красной линии»), составляли ядро этой политики. В конкретных случаях применялись исключение из рядов партии или комсомола и увольнение с работы. Использовались и другие методы борьбы: активизировалась работа тайного политического сыска в стране, в 1966 г. в Уголовный кодекс РСФСР были внесены ста-

тьи 190–1, 190–2 и 190–3. Практически это означало, что «крамольников» и инакомыслящих за распространение любой критики существующих порядков можно было привлечь к уголовной ответственности.

Причины спада и кризиса правозащитного движения в конце 70-х гг. В.А. Козлов связывает с «кратковременным согласием населения и власти». Последнее стало возможным и по причине некоторого улучшения материального положения населения, и в связи со свертыванием критики культа личности Сталина. По мнению Козлова, «народный сталинизм» как общественное явление представлял собой «идеологическую оболочку для выражения недовольства режимом», поэтому Брежнев со своим откровенным «антихрущевизмом» и призывами к «объективной и взвешенной» оценке Сталина хотя и «разозлил интеллигенцию», но зато «умиротворил потенциальную простонародную оппозицию». Козлов полагает, что слово «крамола» гораздо точнее, чем слово «инакомыслие», отражает «подозрительное отношение правящего коммунистического режима к образу мыслей своих под-

данных». Таким образом, то, что в любом демократическом государстве выступало как «органичное и приемлемое разномыслие», в СССР, согласно квалификации властей, являлось «крамолой». В другой своей работе он высказал мысль о том, что «считать все волнения и беспорядки 50–60-х гг. борьбой с коммунистической системой, выражением тоски по свободе — значит романтизировать насилие и идеализировать “народ”, предаваясь бессмысленному идеологическому самообману». Власть считала для себя «опасными» не сами по себе альтернативные мысли, а в первую очередь «внесистемность» своих подданных, их нежелание и неумение вписаться в рамки «законопослушного гражданина»^{343}.

Часть 5. ПРОВЕРКА СВОБОДОЙ Перестройка: 1985–1991 гг.

Глава 16. СОАВТОР ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Борьба за Кремль

Личностный фактор, как свидетельствует всемирная история, имеет порой решающее значение при выборе пути развития той или иной страны. До сих пор весьма распространенной среди российского населения является мысль о том, что если бы на посту генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 г. оказался не М.С. Горбачев, а иной человек, то СССР не распался бы, а преодолел кризис и успешно развивался бы дальше. В этой связи огромный интерес у историков вызывают следующие вопросы. Благодаря каким обстоятельствам Горбачев оказался на высшем посту в государстве? В какой степени историче-

ская случайность явилась в данном случае продолжением исторической закономерности?

После смерти К.У. Черненко генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г. был избран М.С. Горбачев. По поводу этого избрания ряд историков высказывал распространенную точку зрения об «острой борьбе в Политбюро, разделившей его членов на два противостоящих лагеря»^{344}. Основанием для такого предположения, по мнению многих историков, послужили слова Е.К. Лигачева на XIX партконференции 1988 г.: «Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность». Об этом же он написал в своих мемуарах: «Хорошо зная обстановку, складывавшуюся в верхнем эшелоне власти в последние месяцы жизни Черненко, я считал и считаю, что события могли бы пойти совсем по иному сценарию». Своих оппонентов, пытавшихся представить иную версию событий, в частности Б.Н. Ельцина, он упрекал в том, что они по своему статусу не могли знать всех «событий закулисной борьбы» и

присутствовали только на пленуме, когда вопрос о назначении Горбачева был уже принципиально решен в узком кругу наиболее влиятельных членов Политбюро^{345}. В качестве альтернативы назывался руководитель Московской городской парторганизации В.В. Гришин. А вот Н.И. Рыжков считает, что кроме Горбачева «никаких других решений и быть не могло, никакой реальной опасности не существовало!». Одновременно он признает большой вклад Лигачева в дело избрания Горбачева на пост генерального секретаря^{346}.

В мемуарах М.С. Горбачева говорится о встрече «с глазу на глаз» с одним из наиболее влиятельных членов Политбюро — министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, который возглавлял в этом высшем органе власти «стариков». Именно тогда, считает историк Р.Г. Пихоя, были даны «взаимные обязательства»: Громыко поддерживает Горбачева в качестве кандидата в генеральные секретари; Горбачев после победы предложит Громыко пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Накануне пленума состоялось заседание Политбюро, на котором вы-

ступление Громыко в поддержку кандидатуры Горбачева «стало ключевым для всего хода обсуждения»^{347}. Об этом же пишет в своих мемуарах и А.Н. Яковлев, который был посредником в неафишируемых переговорах между Громыко и Горбачевым: «Мне известно, что такая встреча состоялась. Судя по дальнейшим событиям, они обо всем договорились»^{348}.

Весьма необычную версию о восхождении Горбачева на самую вершину власти высказал В. Прибытков, бывший помощник генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко. По его мнению, именно Черненко «доверил» Горбачеву второй по значимости пост в партии, именно при Черненко Горбачев «продолжал» успешно делать карьеру и ему «никто не чинил препятствий», именно Черненко, благодаря искусству аппаратной работы сумел за короткий срок превратить более сильного, молодого и энергичного «конкурента» в «сподвижника, помощника, коллегу». Основываясь на фактах, Прибытков высказывает «подозрения», будто Черненко кому-то «так сильно мешал», что его решили «спешно

убрать с дороги». После того как Черненко от-
ведал ставриду из рук министра внутренних
дел СССР Федорчука во время отдыха в Крыму
в 1983 г., он серьезно заболел и «чудом выка-
рабкался». Затем по рекомендации Чазова и
Горбачева Черненко посетил высокогорный
курорт и, подорвав здоровье «окончательно»,
через несколько месяцев умер. По убеждению
Прибыткова, претендента (т. е. Горбачева)
«снедало нетерпение обладать властью, взять
бразды правления сразу же после Андропова»
{349}.

Побежденный своею победой

Годы правления седьмого руководителя со-
ветского государства — М.С. Горбачева —
получили название «перестройка». Придя к
власти в марте 1985 г., Горбачев пообещал
сделать Советский Союз сильнее, вдохнуть
новую жизнь в его социалистическую систе-
му и стагнировавшую экономику. 27 декабря
1991 г. (после подписания Беловежских согла-
шений) он ушел в отставку с поста президен-
та СССР, когда Советский Союз уже больше не
существовал, социализм был полностью дис-

кредитирован, а экономика дышала на ладан. В одной из работ писатель А.И. Солженицын сформулировал проблему, по которой среди историков по-прежнему продолжаются дискуссии: как мог СССР (такая огромная страна) «начать стремительный саморазвал — не испытав ни крупного военного поражения, ни сотрясательной революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий, ни стихийных бедствий»^{350}.

Главные вопросы, вызывающие горячие споры, сводятся к следующему: могли или нет горбачевские реформы иметь успех, т. е. была ли советская система способна к *самопреобразованию* или *внутреннее разложение* советского социализма было столь велико, что ему не могла помочь никакая перестройка? В чем следует искать *причину исхода* перестройки — в неразрешимости внутреннего конфликта между государством и советским обществом, в изначальной ли «тупиковости» проекта строительства социализма в СССР, который логично завершился самораспадом, или во внешнем факторе — холодной войне, которую вел против СССР западный лагерь во

главе с США? Какова была *природа кризиса*, охватившего Советский Союз, как он назревал и в каком направлении развивался, какие социальные слои и группы охватывал, что происходило с системой государственного управления при развитии этого кризиса? Можно ли выделить какую-либо одну причину распада СССР или произошло *совпадение* многих факторов? Большинство историков относит эти вопросы к разряду «вечных», которые якобы не могут иметь какого-либо одного-единственного ответа, поскольку перестройка, по их мнению, является «многослойным» экономическим, политическим, идеологическим и социальным феноменом. Так, некоторые исследователи ставят вопрос о правомерности отнесения западного капитализма, а шире — мирового процесса глобализации, к внешним факторам, подчеркивая, что советская система в ходе своего становления и развития всегда *нуждалась во внешнем противопоставлении*, будь то «капиталистическое окружение» или военно-политический блок НАТО. Они также утверждают, что если бы советское руководство искусственно

не внедряло в народное сознание тезис об «угрозе с Запада», то СССР не просуществовал бы и семьдесят лет.

Отметим ряд особенностей в изучении феномена перестройки. Главное, по мнению историков, заключается в том, что прошло сравнительно мало времени с момента описываемых событий, поэтому представляется маловероятным их беспристрастное освещение современниками. Только начала создаваться и соответствующая научным задачам источниковая база. Отличительной особенностью новейшего времени, по мнению ряда ученых, является отсутствие письменных свидетельств о многих важнейших фактах этого периода, поскольку немало государственных решений принималось устно, без документального оформления.

Один из первых создателей политических биографий советских вождей Д.А. Волкогонов отмечал еще одну трудность, связанную с оценкой деятельности М.С. Горбачева. Он — *последний в ряду руководителей советского государства, «рубежный» персонаж, с именем которого люди связывали свои надежды и на*

которого возложили всю вину за крах социалистической системы. По мнению Волкогонова, последний «вождь» СССР лишь «рельефно очертил конец тоталитарной системы», начало которому положил первый — Ленин. Таким образом, для Волкогонова «трагизм советской истории», включавший в себя и перестройку, закончившуюся распадом страны, был «предопределен ленинским экспериментом»^{351}.

Запад констатировал: «То, что началось как попытка обновить коммунистическую систему, привело к антикоммунистической революции. Попытавшись реформировать коммунизм, Горбачев в конце концов лишь ускорил его закат. Чем больше Горбачев латал систему, тем яснее становилось, что просто залатать ее будет недостаточно. Лозунг “ускорение” уступил дорогу лозунгу “перестройка”, но и она была дискредитирована. Поглощенный политической борьбой, Горбачев сделал фатальную ошибку, полагая, что экономические проблемы решатся сами собой. Советский Союз смог просуществовать семь десятилетий за счет своего фантастиче-

ского богатства. Огромные запасы нефти, золота и других природных ресурсов в Сибири эффективно поддерживали самую большую в мире армию и империю, над которой никогда не заходило солнце. Традиционный советский подход к экономическому развитию, который состоял в насилении окружающей среды, необходимо было отбросить в пользу интенсивного развития. В этом и была суть перестройки. Из-за недостатка капиталовложений производство нефти в 1988 г. начало стремительно падать, лишая Кремль самого надежного источника западной валюты. В отличие от многих революционеров Горбачев не стремился изменить ход истории, он скорее плыл по ее течению. Возможно, именно это было его наибольшим достоинством. Мирный демонтаж тоталитарного государства Горбачев считал своим главным историческим достижением. Вторая русская революция проходила относительно бескровно, учитывая размах и скорость свершения событий»^{352}. Приведенная цитата, на наш взгляд, достаточно точно отражает западную точку зрения на основное существо перестроечных

процессов, коренным образом изменивших советское общество.

Приведем мнения различных ученых о содержательной стороне горбачевских реформ. Так, один из видных западных экономистов М. Кастельс отмечал, что перестройка имела четыре разных, но взаимосвязанных измерения. Это, во-первых, разоружение, «освобождение стран советской империи» в Восточной Европе и окончание холодной войны; во-вторых, экономическая реформа; в-третьих, постепенная либерализация общественного мнения и средств массовой информации, вошедшая в историю под названием «гласность». И, в-четвертых, «контролируемая» демократизация и децентрализация коммунистической системы. В узком смысле слова перестройка включала, согласно Кастельсу, ряд политических мер, нацеленных на «реформацию советского коммунизма». Он также полагал, что основной конфликт между властью и обществом произошел уже в ходе самой перестройки — когда общество вышло на открытую политическую арену, тогда оно, поскольку его «долго угнетали», отказалось подчи-

ниться заранее намеченной государственной политике, создало собственную политическую жизнь и стало «непредсказуемым и неконтролируемым»^{353}.

Что касается исторической фигуры М.С. Горбачева, с именем которого связана перестройка, то большинство западных ученых не видят в ней ничего загадочного, полагая, что Горбачев «всегда оставался руководителем советского образца», т. е. в значительной степени являлся «продуктом системы». Многие западные исследователи подчеркивают, что перестройка являлась *второй попыткой* «коммунистического реформаторства», но в отличие от хрущевской эпохи Горбачев имел дело с «расслабленным номенклатурным коммунизмом», а не со сталинской системой «террористического коммунизма». Изменилась и элита, поскольку, по мнению западных историков, лидеры горбачевской перестройки сформировались в годы хрущевской «оттепели», а потому многие из них были внутренне готовы к радикальным переменам.

Исход перестройки, по мнению многих западных историков, определялся тем, что ре-

формы в ходе развития «обрели собственную инерцию движения» и это вызвало распад и Советского Союза, и Коммунистической партии. Одна из главных причин подобной хрупкости советской системы, исчезнувшей с исторической арены и при этом не оказавшей «ни малейшего сопротивления», как считают эти ученые, заключалась в том, что горбачевская «революция сверху» спровоцировала еще одну революцию — «сбоку», в среде интеллигенции, а последняя, в свою очередь, послужила стимулом для «революции снизу», т. е. в обществе в целом. В результате горбачевской «гласности» за несколько лет были разрушены «результаты идеологической работы семи десятилетий» — тщательно скрываемая до этого ложь вышла наружу, иллюзии о преимуществах социализма перед капитализмом «развеялись полностью», и режим, основанный на идеологии, начал гибнуть. Динамика социальных процессов вышла за рамки перестройки, а партия — «главный инструмент» проведения реформ в жизнь — являлась, по мнению этих историков, «основным источником бед», с которыми боролся Горба-

чев. Окончательно решил судьбу Союза «радикальный экономический выбор» правительства Ельцина, направленный на переход к рынку и на приватизацию. По своим масштабам и уникальности, полагают эти ученые, распад СССР превзошел крах Российской империи в 1917 г., поскольку, в отличие от последнего, состоялся в мирных условиях^{354}.

До недавнего времени российская историческая наука основное внимание уделяла политическому аспекту перестройки. В целом огромный вал «перестроечной литературы» обслуживал по преимуществу партийные интересы, что отрицательно сказалось на качестве научных разработок^{355}. Историки отмечают следующую закономерность в изучении горбачевских реформ: на начальном этапе (во второй половине 80-х гг.) многим работам присущ апологетический характер, связанный с идеями перестройки и с их реализацией на практике. Еще одной особенностью литературы этого времени стала так называемая *докторальная публицистика*, которая в условиях кризиса общественных наук и социальных институтов взяла на себя «доктор-

скую» функцию — анализ болевых точек общества и диагноз его болезней. Центральные издательства огромными тиражами издавали эти публицистические бестселлеры. Авторы сборников — известные на всю страну люди — Н. Шмелев, А. Нуйкин, Г. Попов, Ю. Карякин, Ю. Черниченко, В. Селюнин, Ф. Бурлацкий, А. Стреляный, А. Ваксберг, Г. Лисичкин, Н. Иванова, И. Клямкин, Ю. Афанасьев, Е. Евушенко, В. Коротич, В. Распутин и другие^{356}. Для западных авторов в этот период характерна «горбимания», а изменение оценок американскими учеными во многом определялось колебаниями внутривнутриполитического курса в США.

После 1991г. стали выходить во множестве мемуары активных участников перестройки, мнения которых о прошедших событиях были порой диаметрально противоположны. Критическое отношение к горбачевской перестройке выражено в работах сторонников Б.Н. Ельцина. Историки отмечают, что попытки комплексного изучения данной проблемы только еще делаются^{357}. Некоторые ученые считают, что начавшаяся в СССР в 1985 г.

«посткоммунистическая трансформация» соответствует основным признакам так называемых классических революций (английской и французской), включая и русскую революцию 1917 г. Последняя российская революция по своим важнейшим параметрам, утверждают они, «не имеет принципиальных отличий от революций прошлого»^{358}.

Многие (если не большинство) российские историки называют решающим моментом в разрушении советской социальной системы радикальную реформу партийно-государственной власти, после чего кризис стал «необратимым». При этом одни исследователи считают, что распад системы был обусловлен стечением «в первую очередь» субъективных факторов, «непониманием» советскими руководителями сути советской системы. По их мнению, имелся реальный шанс «избежать обвала». Другие утверждают, что попытки преобразования и сохранения системы «были обречены на неудачу», поскольку КПСС, «узурпировав власть», превратилась «в тормоз общественного развития» и потому сошла с исторической арены. Третьи убеждены,

что советская система была «нереформируемой», а потому «каждый шаг по пути реформ давал «последовательно негативный результат» и в конечном счете это своеобразное накопление отрицательных остатков привело к распаду СССР^{359}.

При ответе на вопрос о причинах неудачи перестройки ученые обращают внимание на фактор времени. Так, академик Т.И. Заславская считает, что перестройку следовало осуществить «гораздо раньше», пока можно было избежать кризиса. К середине же 80-х гг., т. е. к началу горбачевских реформ, по ее мнению, советская система уже «успела выработать» все свои социальные ресурсы, а потому «была обречена». Страной монопольно управляла партбюрократия, а остальное население страны было низведено до положения трудовых ресурсов. «Ни перестройка, ни экономические реформы, — утверждает Заславская, — не сняли тех коренных проблем, ради которых все начиналось»^{360}.

В последние годы в отечественной литературе появился ряд специальных работ по проблемам перестройки. По мнению А.С. Барсен-

кова, исторические предпосылки горбачевских реформ вызревали в СССР «в течение длительного времени». В основе этого процесса лежали технологические перемены, охватившие развитые страны, что означало вступление мировой цивилизации в новое качество и потребовало от советского руководства поиска «адекватной реакции» на события, чтобы не отстать от развитых стран мира «навсегда». К назревшим переменам была готова и советская элита, значительно изменившаяся в послесталинские времена. Барсенков также отмечает факт, на который обращали внимание многие исследователи: первоначальные перемены происходили «на базе» тех политических подходов, которые были сформулированы в конце 1982 — начале 1985 г. И только после нарастания экономических трудностей к концу 1986 г. советским руководством был взят курс на «приоритетное преобразование» политической системы общества. В соответствии с данной периодизацией Барсенков считает, что начало собственно горбачевского этапа реформ, именуемого «перестройкой», следует датировать

1987 г. (с этим утверждением согласны многие историки). Внутреннее наполнение этого этапа — гласность, демократизация, а в 1989 г. началась реформа политической системы, реализация которой в итоге привела к снижению «уровня управляемости социальными процессами» в стране. Передача властных функций от партийных структур советским, подчеркивает Барсенков, вызвала ослабление центральной власти, резко понизила ее влияние на внутренние и внешние процессы — в стране начался повсеместный кризис. В этом кризисе оказалась и КПСС; внутрипартийные разногласия часто имели «непримиримый характер». Дальнейшее усиление и разрастание *общесистемного кризиса* Барсенков связывает с «несогласованностью в действиях союзного и российского центров власти», под которой подразумевает политическое противостояние Горбачева и Ельцина. По мнению Барсенкова, августовский «путч» перевел «латентный процесс дезинтеграции СССР в открытую форму», после чего начался «последовательный демонтаж союзных структур»^{361}

Некоторые исследователи усматривают корни перестройки (в частности, смену курса от планово-централизованной экономики к развитию капиталистических отношений в СССР) в том, что транснациональные корпорации (ТНК) начали создавать новый «мировой правопорядок и стабильность». Их цель — «сохранение контроля» над естественными, природными ресурсами планеты «в руках промышленно-финансовой элиты мира». Перестройка была запланирована на Западе (при активной роли Всемирного банка и Международного валютного фонда) и проводилась в несколько этапов. На первом этапе шло «первоначальное накопление капиталов» — за рубеж продавалось продовольствие, сырье, ширпотреб, энергия, золото, химические и иные дефицитные товары, что создавало незаинтересованность во внутреннем рынке, привело к опустению магазинных полок. С 1989 г. начался второй этап — «захват земли и производства». Именно тогда появились законы об аренде, о земле, об акционерных обществах и о собственности. Социальное положение людей в СССР стало

определяться «толщиной кармана»^{362}.

По мнению отдельных экономистов, перестройка и последующие реформы 90-х гг. не привели к капитализму в России, а лишь помогли «феодализовать страну, передав все прошлые “социалистические завоевания” узкой прослойке высшего номенклатурного клана»^{363}.

Некоторые российские исследователи рассматривают распад СССР как результат информационно-психологической войны, которую вели против него Соединенные Штаты Америки. В этой войне важная роль отводилась пятой колонне — идеологам КПСС, которые «превратили научный коммунизм в пародию на науку», организовали «так называемое диссидентское движение», черной краской «мазали советское прошлое страны». Произошла и переориентация советской элиты, направленная на «изменение существующего строя», чтобы жить как «лучшие люди» западного мира. С целью развалить КПСС — важнейшее звено управления страной — пятая колонна провела интенсивную кампанию по дискредитации партии, а «группировка Гор-

бачева» осуществила «массовую смену кадров», расставив своих людей на ключевые посты во все органы власти и управления. Параллельно с разрушением КПСС начиналась организация сетевой структуры «демократов», создаваемая при активном участии «представителей Запада». В результате этих целенаправленных действий страна «была свергнута в состояние глубокого кризиса». После «расчленения СССР» богатства страны перешли в руки «ничтожной группы олигархов», а основная масса населения оказалась «на грани выживания»^{364}. Этими учеными подчеркивается, что строительство новой России шло не путем внутренне присущего обществу естественно-исторического развития, а в результате «искусственного разгрома» советской системы усилиями «высшего руководства» и «пятой колонны» Запада. В результате российскому обществу была «насилственно навязана» социально-политическая система, «имитирующая западную».

Приведенные оценки — с теми или иными вариациями — имеют достаточно широкий круг сторонников не только в научной среде,

но и среди населения. Иногда высказываются и совсем нетрадиционные оценки. Так, события с 1985 г. по август 1991 г., ознаменовавшие распад СССР, рассматриваются не как демократическая революция или переход страны в новую эру, а как «дворцовый переворот, осуществленный партхозноменклатурой при опоре на криминальные элементы с целью избавиться от идеологической надстройки и рассовать по карманам базис»^{365}.

Бронепоезд ушел

Как метко заметил Д.А. Волкогонов, для Запада популярность М.С. Горбачева была связана в первую очередь с тем, что он стал «символом ухода с политической сцены большевистского монстра»^{366}. В декабре 1990 г. Горбачеву была присуждена Нобелевская премия мира. Но обстановка внутри страны не позволила президенту поехать получить эту премию. Немалая часть населения задавалась вопросом: за что Горбачеву дали премию? Страна в развале — а ему премия! Именно к концу 1990 г. разрыв между внешнеполитическим триумфом президента и по-

следствиями его политики внутри страны стал очевиден для многих. Напряженной оставалась обстановка в Тбилиси, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Баку, Чечне, Прибалтике. На IV Съезде народных депутатов СССР с предупреждением о готовящемся перевороте выступил подавший в отставку министр иностранных дел страны Э.А. Шеварднадзе. О деятельности деструктивных сил, имеющих «далеко идущие цели», говорил на съезде и премьер Н.И. Рыжков. На съезде также было предложено включить в повестку дня вопрос о недоверии президенту СССР, что свидетельствовало о серьезном недовольстве политикой Горбачева во внутренних и внешних делах. Наблюдатели отмечали разрыв президента с прогрессивной частью своего окружения. В декабре было принято решение Моссовета о нормированном распределении продовольственных товаров. Возник бюджетный кризис; в новый, 1991 год, СССР вступил без плана и бюджета. Таковы лишь отдельные штрихи, характеризующие обстановку в 1990 г.

По свидетельству А.С. Черняева, помощни-

ка Горбачева, руководителю страны приходили «пачки телеграмм» от населения, в которых Горбачева поздравляли с «премией империалистов» за то, что он «развалил» Советский Союз, «предал» Восточную Европу, «отдал» ресурсы американцам, а средства массовой информации — «сионистам»^{367}. На этом фоне и внешняя политика Горбачева стала терять поддержку внутри страны. Описывая обстановку тех дней, Шеварднадзе замечал, что «“теневая” власть отвоевывала сданные позиции, выходила из тени и начинала действовать открыто». Если бы демократические силы были сплочены, замечает он, это наступление можно было бы «остановить». Однако отсутствие среди единомышленников «единодействия» вынудило его уйти в отставку. Политические оппоненты отставного министра иностранных дел объясняли его добровольный уход «стремлением уклониться от ответственности за просчеты, якобы допущенные во внешней политике»^{368}.

Какой же видится внешняя политика в эпоху Горбачева тем, кто ее творил? Какова ее оценка историками?

Биограф первого президента СССР А.С. Грачев отмечает, что у Горбачева еще весной 1985 г. имелся перечень первоочередных внешнеполитических задач. В рабочих блокнотах генсека среди приоритетов значилось: «покончить с гонкой вооружений», «уйти из Афганистана», «наладить отношения с США и Китаем»^{369}. Биограф указывает, что Горбачеву приходилось считаться со сложившимися между двумя сверхдержавами внешнеполитическими стереотипами — смотреть друг на друга «через амбразуру». Посягнув на это стратегическое «равновесие страха», Горбачев выбил одну из важнейших опор из-под собственного кресла. Раньше советские люди мирились со своей убогой жизнью ради укрепления обороны страны. Но превращение вчерашнего врага в партнера изменило их сознание. Недовольство своей жизнью они обращали на тех, кто ими управлял.

Оппоненты Горбачева ставили ему в вину то, что, проводя перестройку, он и его сподвижники «не заботились об идейных, социально-экономических, политических и исторических системных основах» советского

строю; что обреченность перестройки заключалась в ее «верхушечном» характере, в результате чего «власть постепенно становилась инородным телом внутри системы, в первую очередь по отношению к ее основам», что за фасадом перестройки «шел энергичный процесс смены ориентиров», в котором первую скрипку играли А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварднадзе. Основными, по мнению этих оппонентов, «разрушительными» для советской системы были следующие лозунги перестройки: *общечеловеческие ценности и их приоритет перед классовыми*, что привело к пересмотру итогов второй мировой войны, нарушению соглашений Ялтинской и Потсдамской конференций, Хельсинкского совещания, провозгласивших незыблемость послевоенных границ, вызвало ликвидацию Организации Варшавского Договора, СЭВ, ГДР и «подготовило» развал СССР; *вхождение в мировую цивилизацию*, которое стало возможно для нашей страны лишь «после краха» социалистической системы; *демократизация общества*, которая привела к «децентрализации и распаду могущества» России; *переосмысление*

истории, которое наделе превратилось в «оплевывание прошлого», в надежный механизм «разрушения исторической памяти народа»^{370}.

Советских лидеров, в первую очередь Горбачева и Шеварднадзе, критиковали «за потерю» Восточной Европы и Германии, за изоляцию и ослабление страны, за перечеркивание неразумными политическими действиями итогов войны и за напрасно «пролитую советским народом кровь во имя освобождения Европы от нацизма». На церемонии подписания договора по обычным вооружениям в Европе министр обороны маршал Д.Т. Язов сказал в узком кругу: «Мы проиграли третью мировую войну без единого выстрела»^{371}. Позже Горбачев писал, отвечая на обвинения (в частности, на то, что он «сдал социалистические страны»), что их выдвигали «приверженцы имперской идеологии», для которых привычным является право сильного распоряжаться чужими странами, как своей собственностью, «играть судьбами народов». Обращаясь к недавней истории взаимоотношений СССР и стран «социалистического содружества», Гор-

бачев указывал, что в этих странах нами насаждалась модифицированная «сталинская модель социализма», а все попытки этих стран вырваться из «дружеских объятий» сверхдержавы «пресекались неукоснительно». В качестве примера он приводил события в ГДР в 1953 г., в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г.^{372}

Не было единодушия в отношении политической линии Горбачева и у руководителей «социалистического лагеря»: Я. Кадар и Э. Хонеккер не верили в «необратимость» перестройки и занимали выжидательную позицию, Т. Живков предостерегал, ссылаясь на хрущевскую политику, что перестройка может «дестабилизировать социалистическое содружество», а лидер румынских коммунистов Н. Чаушеску занимал откровенно враждебную позицию.

В 1990 г. министром иностранных дел России был назначен А.В. Козырев. Работая в годы перестройки в аппарате МИД СССР, он старался участвовать в «демонтаже отживших идеологических догм». В мемуарах Козырев пишет: «Суть дела состояла в том, чтобы про-

двинуть в официальные советские документы, вплоть до выступлений по внешнеполитическим вопросам генерального секретаря ЦК КПСС, «крамольные» формулировки, которые если не сразу, то в потенции открывали бы возможности для подрыва, а затем и полного пересмотра коммунистической догматики». Своими оппонентами в Политбюро он называл Е.К. Лигачева, в МИД — Г.М. Корниенко, а своими сторонниками — Г. Х. Шахназарова и А.С. Черняева, при «ведущей роли» А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе. По мнению Козырева, Горбачев со своими заявлениями о новом политическом мышлении «создавал своеобразное прикрытие для подобных далеко идущих интерпретаций». Козырев скептически относился к Горбачеву и его последователям, считая, что к 1989 г. они исчерпали себя, прежде всего потому, что «стремились во что бы то ни стало сохранить верность социалистическому выбору, подновить, модернизировать советскую систему при полном непонимании ее обреченности». Истоки новой российской концепции национальной безопасности Козырев видел в «идеях А.Д. Са-

харова», который, по его мнению, соединил тезис об обуздании гонки ядерных вооружений с решением проблемы «взаимоотношения человека и государства в нашей стране» {373}.

Советские дипломаты возражали против подобного упрощенного подхода в оценке сложнейших внешнеполитических проблем, стоявших перед Советским Союзом на рубеже 70–80-х гг. Так, по мнению Г.М. Корниенко, именно в эти годы имелись возможности для достижения компромисса с Западом в области разоружения. Он называл А.А. Громыко «убежденным сторонником» разоруженческой линии, «главным генератором» идей в этой области. Иное дело, отмечал Корниенко, что когда дело доходило до выработки конкретных позиций, а военные были против того или иного решения, то Громыко «не шел на конфликт с ними». Для советской внешней политики была характерна «недооценка», а иногда «игнорирование» возможностей упрощения безопасности государства «политическими средствами», а не дальнейшим увеличением и без того чрезмерных расходов на

оборону^{374}.

XXVII съезд КПСС официально провозгласил новый внешнеполитический курс страны и определил три основных направления деятельности: преодоление конфронтации между Востоком и Западом, урегулирование региональных конфликтов, отказ от идеологических предпочтений в отношениях с другими государствами и признание существующего миропорядка. Для решения первой задачи важнейшее значение имели встречи М.С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом в Женеве в 1985 г., в Рейкьявике и Вашингтоне в 1986 г., в Москве в 1988 г. Итогом первых встреч было подписание совместного заявления, констатировавшего, что «ядерная война недопустима», поскольку «в ней не может быть победителей», и что «стороны не будут стремиться к военному превосходству друг над другом». В декабре 1987 г. была достигнута договоренность о ликвидации в Европе советских и американских ракет средней и малой дальности; соглашение было дополнено установлением системы взаимного контроля. Помимо этого, СССР ликвидировал часть сво-

их ракет средней и малой дальности, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке. Военные (в первую очередь начальник Генштаба С.Ф. Ахромеев) полностью разделили позицию президента Горбачева.

Западные историки и политики подчеркивают тот факт, что во многом благодаря внешней политике Горбачева удалось покончить с холодной войной и гонкой вооружений. В феврале 1988 г. Горбачев объявил о выводе войск из Афганистана. Вывод войск начался 15 мая 1988 г., а в феврале 1989 г. последний советский солдат покинул Афганистан. Это решение далось Горбачеву нелегко. Еще при Брежнев, в 1981 г., на Политбюро было принято решение «вести дело к уходу», но не было ясности в том, как, когда и на каких условиях уходить. По советским данным, на афганскую авантюру наша страна ежегодно тратила 1 млрд. рублей. Горбачева беспокоил не только вопрос о падении авторитета СССР в странах «третьего мира». «Перед своим народом не рассчитаемся: за что столько людей положили?» — объяснил он. Министр обороны СССР С.Л. Соколов подтверждал, что «выиг-

рать войну военным путем невозможно». Решение Горбачева об уходе советских войск из Афганистана поддержали на заседании Политбюро и его ближайшие соратники — Н.И. Рыжков и Е.К. Лигачев. Однако Горбачев ставил, как показало развитие событий в этом регионе, невыполнимую задачу — не только «восстановить дружественную и нейтральную страну», но и сделать так, чтобы в Афганистане «не осели США со своими базами».

В этот период практически во всех социалистических странах к власти пришла оппозиция. В марте 1991 г. официально перестала существовать Организация Варшавского Договора. Таким образом, впервые с 1945 г. Советский Союз оказался без военных союзников в Европе. Важнейшим событием этого периода стало объединение Германии. В ноябре 1989 г. рухнула Берлинская стена, более тридцати лет разделявшая немецкий народ. 12 сентября 1990 г. в Москве ФРГ, ГДР, Франция, СССР, Великобритания и США подписали договор «Об окончательном урегулировании в отношении Германии». Статья 1 гласила, что объединенная Германия будет включать тер-

ритории ГДР, ФРГ и «всего Берлина». Этим договором подтверждался также «окончательный характер границ» объединенной Германии: то, что она «не имеет никаких территориальных претензий к другим государствам» и никогда не будет выдвигать таких претензий. Правительства ФРГ и ГДР подтвердили свой отказ от «производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием» и заявили, что объединенная Германия также будет придерживаться этих обязательств. Договор предусматривал сроки вывода советских войск с территории ГДР и Берлина. Устанавливалось право объединенной Германии «на участие в союзах», страна обретала «полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами»

{375}

Как могло произойти это знаменательное событие, какова его оценка в современной исторической литературе? По мнению западных исследователей, проблема послевоенного переустройства Германии была «центральной» в отношениях между державами-победительницами и она же стала «препятстви-

ем» для союза Советского государства с западными державами. Когда сплоченность одного из противостоящих военно-политических блоков — Организации Варшавского Договора — «начала разрушаться», факторы раскола Германии стали казаться немецкому обществу «менее весомыми», чем факторы воссоединения, а политическая сила процесса воссоединения «опрокидывала всякое сопротивление»^{376}.

Российские историки отмечали, что когда германский вопрос перешел в плоскость практического решения, то ни Горбачев, ни политическая элита страны, ни само советское общество «не были готовы к такому повороту дел». Первоначально Горбачев ограничивался «общими рассуждениями», но затем на узком совещании в январе 1990 г. советским руководством была выдвинута идея «шестерки» — формирования специального переговорного механизма в составе четырех держав-победительниц (СССР, США, Великобритании, Франции) и двух германских государств (ГДР и ФРГ) для обсуждения международных аспектов объединения Германии.

При этом, по мнению российских историков, советское руководство опасалось выхода ситуации из-под контроля и возникновения вооруженного конфликта в Европе; оно также «не желало» и «не имело возможности» применить военную силу, чтобы воспрепятствовать объединению Германии. Не последнюю роль играло то обстоятельство, что в условиях ухудшения экономической ситуации в Советском Союзе Горбачев рассчитывал на получение иностранных кредитов, в т. ч. от германских банков. Историк М.М. Наринский считает, что Горбачев и его соратники «переоценили» готовность западных партнеров играть по новым «правилам игры», а потому «не зафиксировали договоренности» об отказе от последующего продвижения НАТО на восток. Его общая оценка деятельности реформатора во внешней политике следующая: Горбачев внес «большой вклад» в завершение холодной войны, но «не сумел (или не успел)» заложить основы нового миропорядка^{377}.

По свидетельству В.М. Фалина, на заключительном этапе выработки решений по объединению Германии *не участвовали* ни Совет

безопасности, ни Президентский совет, ни какие-либо другие государственные органы. «Новую военно-политическую карту Европы 1989–1990 гг., — писал в мемуарах Фалин, — кроил по западным меркам один М. Горбачев со товарищем (Э. Шеварднадзе. — В.П.)». Он писал, что пытался предостеречь Горбачева от огромных уступок СССР Западу по германскому вопросу. В частности следовало, по его мнению, предусмотреть в договоре «неучастие объединенной Германии в НАТО». На это предложение Горбачев заявил: «Боюсь, что поезд уже ушел». Были и иные способы решения германской проблемы, убежден Фалин, причем не хуже тех, что реализовал Горбачев

{378}.

По мнению итальянского историка Дж. Боффы, немецкое единство на практике означало «аннексию Восточной Германии со стороны ФРГ»^{379}.

Существует мнение, высказанное сотрудниками советских спецслужб, что падение Берлинской стены и «поглощение» ГДР оказались неожиданностью для всех, т. е. никто в мире не мог предвидеть такого развития со-

бытий. Поэтому абсолютно «абсурдной» представляется распространенная версия о том, что «все прошло по плану Горбачева», что «он — предатель». «По всем действиям Горбачева видно, — писал сотрудник КГБ СССР И. Кузьмин, — что он не хотел крушения ГДР, стремился ее сохранить, но действовал нерешительно»^{380}.

Глава 17. НОВЫЕ ПРАВИЛА ЖИЗНИ

Красная Атлантида

О Горбачеве и перестройке написаны сотни книг. Среди авторов — его ближайшие соратники Г.К. Шахназаров, А.С. Черняев, А.С. Грачев, А.М. Александров-Агентов, В.И. Болдин, Е.К. Лигачев, А.Н. Яковлев, Н.И. Рыжков, В.И. Воротников, В.С. Павлов, А.И. Лукьянов и другие. Многие книги, в т. ч. и мемуары самого Горбачева, снабжены документальными свидетельствами. Такова, в частности, книга В.И. Воротникова, бывшего члена Политбюро и председателя Совета Министров РСФСР. Она

содержит многочисленные выдержки из рабочих записей заседаний Политбюро ЦК КПСС. Столь же информативна и книга А.С. Черняева, бывшего помощника генерального секретаря ЦК КПСС. Следует учитывать, что авторы в оценке описываемых событий, очевидцами которых они являлись, проводили *тщательную селекцию*, стремясь не только представить свои действия и поступки в выгодном свете, но и (поскольку все они входили в состав высшей политической элиты страны) взять на себя как можно меньше ответственности при ответе на «роковые» вопросы: *почему реформы, направленные на развитие существовавшей тогда социальной системы, закончились развалом Советского Союза? Какова была личная ответственность членов «горбачевской команды» за полученный результат?*

Сам реформатор рассматривал перестройку как явление общемирового порядка, связанное с переходом к новой постиндустриальной эпохе: «России был брошен вызов и научно-технической революцией, и структурными реформами, и глобализацией. Пере-

стройка должна была ответить на эти вызовы. Старая мобилизационная экономика и командная система СССР полностью противоречили новым мировым тенденциям, поэтому и пришлось радикально их перестраивать. В этом смысле нам удалось немало, была проведена реформа политической системы, осуществлены впервые демократические выборы, люди начали пользоваться гласностью, свободой слова, экономическим и политическим плюрализмом. Реализация нового мышления в международных делах покончила с «холодной войной». Страна последовательно шла от тоталитаризма к рынку, свободе и демократии»^{381}.

Таким образом, Горбачев считал свою политику обусловленной объективными причинами и не без оснований перечислял положительные итоги своей политической деятельности, которые прочно вошли в современную жизнь российского общества.

Горбачев выделял важнейшую сторону перестройки, которая, по его убеждению, *началась сверху*. «Иначе и быть не могло в условиях тоталитаризма», — замечал он^{382}. И спустя

десять лет после распада СССР Горбачев был уверен, что перестройка началась, «когда созрели условия в самой партии, в Советском Союзе». По его образному выражению, «электростанция была готова к пуску, но надо было нажать кнопку», что он и сделал^{383}.

В 1987 г. в своей напумевшей книге «Перестройка и новое мышление», вышедшей одновременно в СССР и США, Горбачев отмечал, что «ответы на вопросы, поставленные жизнью, мы ищем *в рамках социализма* (курсив наш. — В. П.), а не за его пределами». Что же понимал под перестройкой сам Горбачев? Вот первоначальное определение: «Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма». В дальнейшем Горбачев неоднократно отмечал революционный характер своих начинаний. Если в июне 1986 г. он говорил на заседании Политбюро о перестройке как «революции в умах, на производстве, в надстройке», то позже настаивал на том, что

перестройка была «революцией по внутреннему содержанию», но по форме «эволюционным, реформистским процессом». В 1989 г. Горбачев определяет перестройку как «целостный революционный процесс (курсив наш. — В. П.), осуществляемый демократическими методами, народом и для народа, по отношению к которому партия выступает как политический авангард»^[384]. Так, отмечают историки, в окружении Горбачева появился новый термин — «реформация», отражающий революционное по содержанию, но ненасильственное по форме изменение общественных отношений. По признанию самого Горбачева, к 1988 г. он и сохранившие ему верность сторонники «осознали», что без реформирования «самой системы» нельзя обеспечить успешное проведение реформ, поэтому второй ее этап базировался уже на «новых» идеологических позициях, в основе которых лежала «идея социал-демократии».

По мнению ряда историков, смена идеологических ориентиров и разрушение прежней системы свидетельствовали, что Горбачеву и его команде «не удалось решить созидатель-

ных задач в рамках перестройки». В своих многочисленных мемуарах и интервью Горбачев начисто отвергает ответственность за развал Советского Союза. Он признает, что как действовавший тогда президент страны несет лишь «моральную ответственность за то, что осуществились разрушительные планы беловежских сидельцев». По его мнению, на процессе распада великой державы сказались и объективные причины, и игравшие еще более важную роль субъективные факторы, личностный момент. В первую очередь это «сепаратизм республик», деятельность их политических элит, которые стремились реализовать «свои амбиции», «хотели вкусить власть» и меньше всего думали о нуждах народа. В этом же ряду и политика Ельцина, обладающего огромными амбициями и «разрушительной философией», «инициатора» Беловежских соглашений, в результате которых было принято решение «распускать Союз». «Президент России и его окружение, — подчеркивает Горбачев, — фактически принесли Союз в жертву своему страстному желанию воцариться в Кремле». Он также отмечает,

что коммунисты во главе с Г.А. Зюгановым голосовали в Верховном Совете РСФСР за утверждение Беловежских соглашений^{385}. Таким образом, в трактовке бывшего президента СССР, сам он стал жертвой определенных исторических обстоятельств.

По этой причине Горбачев делает акцент на негативной стороне ельцинской политики, пришедшей на смену его курсу: «Перестройка оборвалась, потому что стратегия, которая пришла ей на смену, означала разрушение страны, шоковую терапию, скачкообразное движение вперед и расчет на то, что Запад будет носить Россию на руках. Так насилловать страну — тот же большевизм, только наизнанку, с другим знаком»^{386}.

В апреле 1990 г., когда перестройка уже находилась в своей заключительной стадии, Горбачев в докладе о Ленине призывал опираться «на все непреходящее в духовном наследии Ленина», поскольку у советского общества, по его мнению, «нет разумной альтернативы *социалистической перестройке*»^{387}. По мнению горбачевского биографа Грачева, для Горбачева понятия «Ленин» и «перестрой-

ка» находились в диалектическом единстве, поскольку Ленин «внес уникальный вклад в развитие и осуществление социалистической идеи». Верил ли сам Горбачев в то, что говорил людям с трибуны? Историки затрудняются дать однозначный ответ на этот вопрос. Большинство склоняется к тому, что подобно своему кумиру (Ленину) Горбачев был «безусловным прагматиком, потому что он мог рассуждать как большевик, поступать как взятый либерал, считая себя втайне классическим социал-демократом»^{388}.

Один из ключевых моментов перестройки, согласно Горбачеву, — вопрос о темпах преобразования. Вопреки распространенному мнению о «медлительности» и «нерешительности», в которой многие обвиняли генерального секретаря ЦК КПСС, сам Горбачев был склонен согласиться с мнением французской журналистки о том, что он задал такой темп перестройке, который «не могло переварить советское общество»^{389}.

Многие из сподвижников реформатора убеждены, что поскольку перестройка «выполнила стоявшую перед ней задачу демокра-

тизации страны», она уже «в прошлом». А.С. Черняев, бывший на протяжении ряда лет помощником генерального секретаря ЦК КПСС, считает Горбачева «великим реформатором». К историческим достижениям Горбачева он относит: разрушение «самого мощного» из существовавших когда-либо «тоталитарных режимов»; свободу, данную «многомиллионному народу», который отныне мог сам устраивать свою жизнь и «выбирать пути развития»; возможность «войти в русло современной цивилизации»; прекращение холодной войны и гонки ядерных вооружений. В своих мемуарах, основанных на дневниковых записях, Черняев попытался исследовать внутренние мотивы политической биографии Горбачева и показать, как проходил длительный и мучительный процесс изменения горбачевского мировоззрения. По свидетельству Черняева, в 1988 г. Горбачев завершил «идеологически осознанный отход» от ортодоксальной классовой теории и методологии в оценке мировых процессов и в формировании политического курса; он не просто «простился» с Октябрем, но и переосмыслил значение Ок-

тябрьской революции 1917 г. с позиций цивилизационных ценностей, показал ее принципиальное отличие от собственных реформ. «Октябрь при всем том, что он значил, разъединил мир. Нынешняя революция объединяет его и выводит к воротам действительно великой общечеловеческой эпохи, — продиктовал в октябре 1990 г. Горбачев Черняеву свои заготовки к речи для последней годовщины Октябрьской революции. — Очень важно сказать все-таки еще раз, что же дала перестройка. Первое и главное — свободу, раскрепощение, выход к новым формам жизни человека. Надо выйти на действительно конституционный строй, где царствует закон. Суть нашей работы — не ориентация на “светлое будущее”, а спасение и оздоровление страны для ныне живущих». Сочувствуя своему герою, Черняев показывает и историческую ограниченность Горбачева, который «не понял роли России», а потому проиграл в политическом противостоянии Ельцину^{390}.

Свою точку зрения на перестройку высказал и один из наиболее последовательных идейных оппонентов Горбачева — Е.К. Лига-

чев. Он отмечал, что изначальная цель перестройки (как она формулировалась в партийных документах) заключалась в «преодолении застойных явлений, деформаций социализма, его реформировании в сторону максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, улучшения их жизни». Лигачев также убежден, что перестройка была «неизбежна и возможна» и считает несостоятельной точку зрения тех политиков и ученых, которые выдвигали идею «нереформированности советской системы». По его мнению, такая позиция выгодна тем, «кто предал дело социализма». Лигачев пытался доказать, что пока преобразования в обществе проводились «в рамках советской системы», имелись успехи, но как только перестройка потеряла «социалистическую, подлинно демократическую направленность», все завершилось «государственным переворотом» и «развалом Советского Союза». Такой результат, по его мнению, стал следствием «ликвидации руководящей роли КПСС», а также по причине «идейного разоружения КПСС», которое стало возможным потому, что

в партии «засели ревизионисты». Первое место среди них Лигачев отводит А.Н. Яковлеву, который полностью сменил свои идейные ориентиры и стал «проповедником бесклассовой оценки общественно-политических процессов». Еще одна важнейшая причина — «силы националистического, сепаратистского, антисоциалистического толка», забвение краеугольных основ Страны Советов — «социалистического интернационализма». Лигачев убежден (в соответствии с заветами сталинского «Краткого курса»), что опасность можно было предотвратить, если бы Коммунистическая партия вела борьбу с «враждебными силами антикоммунистов, национал-сепаратистов, проникших в КПСС и ее руководство». Его окончательный вывод-приговор звучит так: «Под фальшивым флагом строительства «гражданского общества» псевдодемократы *во главе с Ельциным при попустительстве Горбачева* (курсив наш. — В. П.) совершили контрреволюционный переворот. Антинародные правящие режимы начали ликвидировать Советы, отстранять от власти рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, форми-

ровать антидемократический авторитарный режим»^{391}.

Перед нами логически выстроенная версия событий, имеющая общую концепцию и многочисленных поклонников во всех социальных слоях современной России. Близким к вышеприведенному является и мнение бывшего председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова, некоторых других бывших сподвижников реформатора^{392}. Лукьянов, Лигачев и им подобные по-прежнему убеждены, что «Красная Атлантида всплывет!».

Мнение автора

Давая общую оценку феномену «перестройки» с позиций профессионального историка, укажем на один бесспорный факт — не будь горбачевских реформ, эта книга никогда бы не была издана в России. Что касается распада СССР, то нелишне вспомнить, что хотя на мартовском референдуме 1991 г. 113,5 млн. человек высказались за сохранение Союза, большинство этих людей равнодушно отнеслись к Беловежским соглашениям — они или не захотели, или не смогли организоваться в дей-

ствительно народное движение, которое бы могло остановить процесс дезинтеграции СССР. Поскольку этого не произошло и большая часть советского общества не пошла дальше «декларации о намерениях» (мартовский референдум 1991 г.), Советский Союз распался. Этот распад свидетельствовал, на наш взгляд, и о том, что сохранение СССР не воспринималось населением как главное и необходимое условие существования России.

Способы исцеления страны

Был ли план у «архитекторов перестройки»? Ответ на этот вопрос имеет особое значение для правильной оценки хода и итогов перестройки, поскольку все исторические свидетельства говорят о всенародной поддержке горбачевского курса в начале реформ. Следовательно, у основной части населения был высокий уровень мотивации для лечения основных экономических, социальных и политических болезней, поразивших советское общество. И это обстоятельство принципиально отличало время перестройки от эпохи застоя,

давало нашей стране очередной исторический шанс для движения вперед. Как метко заметил политолог С.Е. Кургинян, весной 1985 г. время разочарований кончилось, наступило время «новых надежд», где ключевым элементом для достижения успеха должна была стать «замена репрессивного авторитета духовным». В этих условиях стратегия перестроенной линии Горбачева, открытость власти для конструктивной критики приобретали особое значение, поскольку позволяли власти осознавать масштабы подстерегающей опасности, чтобы избежать бесславного конца своих начинаний^[393]. Следовательно, можно отодвинуть на второй план вопрос о наличии конкретного плана перестройки у ее инициаторов. Более важен другой вопрос: были ли способны руководители страны (и поддерживавшие их «группы интересов») отрешиться от своих личных интересов в борьбе за собственность и власть в пользу интересов общегосударственных и общенародных.

Известный итальянский историк Дж. Боффа полагал, что Горбачеву не доставало «точного плана действий». По его мнению, это

обусловливалось тем, что в СССР не существовало свободного обмена идеями, а потому «не могла сложиться и программа нововведений, способных исправить положение». В его понимании, Горбачев был реформатором, а отнюдь не «революционером», сколько бы сам Горбачев не щеголял подобной терминологией^{394}. По свидетельству А.С. Грачева (биографа Горбачева), «целостной концепции реформы у нового руководства не было». Сам Горбачев в мемуарах сообщает, что основным стимулом к действию для него служило ясное осознание того факта, что «так дальше жить нельзя»^{395}. Полемицируя с этой точкой зрения, историк Д.А. Волкогонов полагал, что «протест родился не у Горбачева, а в народе, и родился давно»^{396}. Сходного мнения придерживаются многие ученые.

Историки так и не достигли единства мнений по данному вопросу. Например, А.В. Шубин считал, что горбачевская политика первых трех лет не носила оригинального характера, поскольку являлась продолжением андроповской линии^{397}. Данная точка зрения имеет много сторонников. По мнению этих

историков, стратегический замысел Андропова заключался в том, чтобы сначала обеспечить экономический подъем, а затем, опираясь на экономические достижения, провести реформу политической системы. Андропову приписывают следующие слова: «Машина, грубо говоря, поизносилась, ей нужен ремонт. Может быть, и капитальный, но не ломать устои, они себя оправдали»^{398}.

С этой точкой зрения не согласился А.Н. Яковлев. Он выделил в плане Андропова «по спасению социализма» следующие важнейшие элементы: введение в стране железной дисциплины «сверху донизу»; координированный разгром инакомыслия; ужесточение борьбы с коррупцией и «заевшейся номенклатурой»; умеренное перераспределение благ «сверху вниз» под строгим контролем государства; партийная чистка, направленная на «всех неудобных»; усиление информационной войны с Западом. Данную политику Яковлев расценивал как некий возврат к «форме неосталинизма», что кардинально отличало ее от политики перестройки^{399}.

Данную позицию во многом разделяет и

американский историк М. Малиа, подчеркивая, что Андропов видел лишь «кризис эффективности, а не кризис системы» и потому вряд ли мог предложить «какие-либо более или менее радикальные пути» исправления недостатков советской системы^{400}.

Как свидетельствуют факты, Горбачев первоначально использовал старые заготовки о научно-техническом прогрессе и возможной экономической реформе, подготовленные экспертами и академическими институтами, но не реализованными ни Андроповым, ни Черненко. Так, летом 1985 г. проводилось совещание по машиностроению, затем внимание переключилось на агропром, который поспешили назвать «прообразом всего народного хозяйства». Таким образом, полагают историки, на первом этапе Горбачев продолжил курс Андропова; эта преемственность выразилась не только в заимствовании многих идей, но и в методах их осуществления, когда административные меры рассматривались как «способ ускорения развития экономики»^{401}.

Отмечая связь политики Горбачева с кур-

сом своего предшественника Ю.В. Андропова, исследователи указывают и на «разрыв традиций», на те отличия, которые отделяли горбачевское время от предшествующего. Весной 1986 г. в Тольятти Горбачев обстоятельно и детально изложил идею «коренной перестройки всех сфер жизни общества», которая должна была охватить каждое рабочее место, каждый коллектив, орган управления, партийные и государственные органы, включая правительство и Политбюро. По мнению В.И. Воротникова, «эта глобальная идея ему была подброшена «свежим» идеологом, возвратившимся в отдел пропаганды ЦК КПСС в июле 1985 г., — Яковлевым»^{402}.

По словам самого А.Н. Яковлева, в конце 1985 г. он направил на имя Горбачева записку, в которой среди прочих были предложения о создании на базе КПСС двухпартийной системы, о введении поста президента СССР, об осуществлении широких демократических преобразований и экономической реформы в стране. При этом, подчеркивал Яковлев, «об устранении монополии власти КПСС и речи тогда быть не могло». Горбачев счел предлага-

емы Яковлевым меры «преждевременными»
{403}.

Состав первой команды Горбачева включал совершенно разных по своим воззрениям людей — А.Н. Яковлева, Е.К. Лигачева, Н.И. Рыжкова, Э.А. Шеварднадзе, В.М. Чебрикова, А.И. Лукьянова, В.И. Болдина, В.А. Медведева. Отражением общих взглядов «группы единомышленников» стал отчетный доклад на XXVII съезде КПСС (февраль 1986 г.), в котором трудности и недостатки, кризисные явления в советском обществе объяснялись «недостаточностью социализма», незавершенной стадией его развития^{404}. Акцент в докладе был сделан на традиционном методе партийного руководства обществом — следовало еще больше повышать «эффективность и качество, дисциплину и организованность трудящихся», т. е. все то, что давно стало для советских людей пустой и надоевшей риторикой. Столь же декларативными были и рецепты подъема экономики, в которых усиление централизованного руководства народным хозяйством должно было сочетаться с «расширением границ самостоятельности предприя-

тий».

Ряд историков отмечает, что новационным был международный раздел доклада, подготовленный А.Н. Яковлевым и В.М. Фалиным. В нем содержалась заявка на отказ от традиционного «классового анализа» международной обстановки, высказывалась мысль об отказе от военной конфронтации, о единстве мира и невозможности выиграть «гонку вооружений, как и саму ядерную войну».

Ученые, не разделявшие приведенную точку зрения, подчеркивали *утопичность* этих пожеланий, попытку скрыть тот факт, что «Советский Союз *проигрывал* гонку вооружений, которую *выигрывали* США и его союзники». Вместо признания этого факта и соответствующей корректировки всей политики, отмечают эти историки, пошли по накатанному «ленинскому» пути — обратились с призывами «непосредственно к мировому общественному мнению, к народам», т. е. коммунистическая пропаганда сохранялась как способ управления миром^{405}.

Мнение о том, что у Горбачева не было (да и не могло быть по объективным причинам)

никакого «плана», никакой «стратегии», кроме официальной ленинской «линии» партии, разделяют многие ученые. В качестве одного из аргументов отмечают также, что даже после августа 1991 г. Горбачев никогда не ставил вопроса о ликвидации советской социалистической системы, а хотел лишь ее «улучшения». Для доказательства этого тезиса историк Волкогонов отмечал принципиальное отличие в политике Горбачева и Ельцина. Последний, по его мнению, «иногда невнятно, непоследовательно, но постепенно все определеннее выступал именно за смену строя»^{406}.

Еще одна важная проблема, возникающая в связи с оценкой хода и итогов перестройки, относится к характеристике стиля Горбачева-политика. Вот лишь одна, но существенная сторона, которую подчеркивает в своих мемуарах сподвижник последнего генерального секретаря ЦК КПСС В.М. Фалин. По его мнению, на каждом этапе перестройки существовали варианты решений, имелся выбор, но право на принятие решений оставалось «единолично» за Горбачевым и этим правом он не

делился «ни с парламентом, ни с правительством, ни с коллегами в Политбюро ЦК партии, ни с партией как институтом». Сделавшись президентом страны, Горбачев и «вовсе вознесся над Конституцией и народной волей, выраженной в ходе общесоюзного референдума». Следовательно, «отец перестройки» в стиле и методах руководства реформами оказался не на уровне решаемых задач. Тем самым Фалин аккуратно подводит читателя к такой мысли: поскольку Горбачев правил «авторитарно», большая часть вины за последствия перестройки лежит лично на нем. «Авторитаризм» же Горбачева Фалин объяснял «спецификой властных структур и личными качествами, присущими последним руководителям СССР». В качестве дополнительного аргумента в подкрепление своей точки зрения Фалин упоминает одно интервью Горбачева, где он сказал, что использовал свой пост генерального секретаря «для реформирования партии», которая должна превратиться из коммунистической в «социал-демократическую» и разделиться на «две, три, возможно, даже на пять партий»^{407}. Здесь уже пря-

мой намек на «тщательно продуманный расчет» Горбачева, направленный на подрыв основы советской системы — Коммунистическую партию.

Сам Горбачев подает эту проблему по-иному, утверждая, что данный вопрос был предметом широкого обсуждения в партийных кругах: «Еще в годы перестройки мы хотели *социал-демократизировать КПСС* (курсив наш. — В. П.). Была подготовлена соответствующая программа к намеченному ХХІХ съезду. Но путч и политика Б. Ельцина, фактически запретившая КПСС, сделали его проведение невозможным»^{408}.

По мнению Д.А. Волкогонова, когда Горбачев пришел к власти, Советский Союз, как витязь на распутье, стоял на «историческом перекрестке», от которого расходились три возможных пути: радикальные реформы, либеральное развитие, консервативная реставрация. Горбачев выбрал средний путь, пытаясь, согласно Волкогонову, создать модель, которая бы включала «лучшие социалистические и капиталистические элементы». Действовать Горбачеву приходилось «по ситуации»,

учиться было «не у кого», а отсюда «нерешительность и половинчатость» многих предпринимаемых шагов. Волкогонов подчеркивает, что перестройка вызвала «очень глубокие перемены в общественных умонастроениях», — постепенно распадались мифы о КПСС, о «преимуществах социалистического строя», «демократизме» советской системы и многие другие. На результатах перестройки, считает Волкогонов, также сказался и личностный фактор, которым он объясняет так называемый парадокс Горбачева. По его мнению, Горбачев — «это человек большого ума, но слабого характера». Поэтому, начав перестройку под лозунгом обновления социализма, реформатор «помимо своей воли и желания» через шесть лет пришел к его ликвидации⁽⁴⁰⁹⁾.

Далеко не все историки согласны с приведенной характеристикой, попытками в мягкости натуры генсека найти объяснение «политической невнятности» первого этапа перестройки. Так, А.С. Грачев ссылается на следующее мнение Е.К. Лигачева: «Нередко приходится слышать, что Горбачев — слабоволь-

ный человек. Это не так. Это кажущееся впечатление». Он также приводит реплику Горбачева, брошенную своему помощнику: «Я пойду так далеко, насколько будет нужно, и никто меня не остановит». По мнению самого Грачева, Горбачев казался нерешительным, потому что находился под давлением двух сил — консервативных (в лице правящей номенклатуры, пережившей многих реформаторов и не желавшей идти дальше «освежения» социалистического фасада) и радикальных, толкавших лидера к популистским импровизациям и ради этого активно использовавшим административный ресурс. Горбачев пытался не идти на поводу ни у той ни у другой силы, а потому «заслужил репутацию колеблющегося и нерешительного политика»^{410}.

Эту особенность Горбачева-политика весьма образно описал в своих мемуарах Воронников: «Нередко на заседаниях Политбюро возникали серьезные споры. Выслушав всех, Горбачев общими фразами, *призывами еще раз подумать* (курсив наш. — В. П.), поработать над замечаниями, как бы сближая различные позиции, свертывал дискуссию»^{411}.

Революция замов

По мнению академика Т.И. Заславской, в Советском Союзе были две силы, «наиболее заинтересованные» в перестройке и «готовые бороться за нее». Первую представляло реформаторское крыло номенклатуры — более «молодое, образованное, вестернизированное», недовольное не только своим положением в системе власти «на вторых ролях», но и общим положением дел в стране. Второй силой являлась интеллигенция, «глубоко заинтересованная» в демократических правах и свободах. По мнению другого ученого, М. Кастельса, судьбу перестройки в СССР определяли представители следующих «групп интересов»: коммунистические идеологи, властвующая элита государственного, советского и партийного аппарата, руководители больших государственных предприятий и сеть, «образованная номенклатурой и боссами теневой экономики». Борясь с представителями этих групп в ходе своих реформ, Горбачев «неумышленно инициировал процесс распада СССР»^{412}.

Одним из наиболее распространенных определений понятия «элита» является следующее: «меньшинство, обладающее монополией на власть, на принятие решений относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе»^{413}. По подсчетам историка А.Д. Чернева, общее количество номенклатурных работников, проходивших в конце 80-х гг. XX в. утверждение в Политбюро, Секретариате или отделах ЦК КПСС, составляло около 15 тыс. человек. Тот же номенклатурный принцип подбора и расстановки руководящих кадров, что и в ЦК КПСС, осуществлялся и во всех остальных партийных организациях страны вплоть до первичных, что позволяло КПСС руководить экономической, политической и культурной жизнью страны, контролировать все сферы советского общества. По мнению ряда ученых, определение советской элиты как «номенклатуры» указывает на ее фундаментальный признак — *неразделимость* на отдельные функциональные группы. Вместе с тем, советская элита имела «иерархизированный характер» и была «стабильной» благодаря сильным вер-

тикальным связям между ее различными уровнями. Бесспорный приоритет имела партийная элита, за ней следовали государственная и хозяйственная. Ученые отмечают, что в ходе перестройки элита изменилась «структурно и сущностно». Вместо монолитной номенклатурной пирамиды появились многочисленные элитные группировки, находящиеся между собой «в отношениях конкуренции». Новая элита утратила большую часть рычагов власти, присущих старому правящему классу. В результате реформ выросла роль экономических факторов для управления обществом, возникла необходимость поиска союзников, временных альянсов «ради достижения конкретных целей». Эти элитные группы стали более динамичными, количество их резко возросло, между ними активизировались «горизонтальные и неформальные связи». По данным социолога О. Крыштановской, около трети элиты начала 90-х гг. состояло в номенклатуре ЦК КПСС, а остальные две трети пришли в правящие круги с «предноменклатурных» должностей, что дало ученым основание говорить о смене элит на рубеже

Для лучшего понимания указанного процесса обратимся к историческим фактам. Уже к осени 1987 г., по мнению М.С. Горбачева, назрела необходимость изменить действующую систему управления экономикой, оставить за партией только политические функции, передать государственную власть Советам. Главный вопрос состоял в способе решения указанных проблем: делать путем эволюционных, постепенных преобразований, пытаясь сохранить стабильность, или революционной ломкой? По свидетельству Горбачева, те члены Политбюро, которые занимали государственные посты, выступали за решительное освобождение аппарата ЦК от «несвойственных функций» (опеки обороны, внешней политики), тогда как секретари ЦК старались сохранить свои «наделы». В создавшемся положении Горбачев решил активно проводить политическую реформу, смысл которой видел в «передаче власти» из рук монополюльно владевшей ею Коммунистической партии Советам через «свободные выборы на-

родных депутатов»^{415}. Трудность проведения реформы, замечал в этой связи Горбачев, заключалась в том, что «основные рычаги власти» оставались в руках партийно-государственной бюрократии, поэтому пришлось организовать «мощное давление» на эту бюрократию со стороны радикально настроенной части общества, а также «отсекать» консерваторов, выдавливать их из партийно-государственной среды.

В июне 1988 г. состоялась XIX Всесоюзная партконференция, одобрившая реформу центральных органов власти. Было решено воссоздать в качестве высшего органа представительной власти Съезд народных депутатов. Резкой критике на конференции был подвергнут аппарат ЦК КПСС.

На начальном этапе перестройки большая часть партийных кадров была уверена, что, несмотря на недостатки, *«у нас нет и в обозримое время не предвидится другой политической силы, кроме Коммунистической партии, способной осуществить намеченные реформы и обеспечить стабильность стране»*. Со временем все больше людей приходило к

мысли, что партия становится «ненужной обществу»; что партийные учреждения «паутиной оплетают» законные управленческие структуры — Советы, министерства, профсоюзы; что кочан капусты или морковки успешно вырастают и «без политического руководства КПСС». Нередко наиболее радикально настроенные люди задавались вопросом: если партия «вела по единственно правильному, ленинскому пути и завела в застой, так разве все это не дает права высказать партии то, что о ней думают?»^{416}.

Политическая реформа требовала сокращения партийного аппарата на 700–800 тыс. человек. Историки отмечают, что своей реформой Горбачев не просто сокращал численность аппарата, наделе он *«разрушал стабильность правящего класса СССР»*. Его попытка осуществить «разгосударствление» партии, избавить ее от надзора за деятельностью государственных органов создавала опасность того, что ни партия, ни государство «не переживут этой операции».

Единый до этого партаппарат стал расслаиваться, поняв, что перестройка несет угрозу

прежде всего его благополучию. Большинство рядовых членов перестали платить партийные взносы и в массовом порядке выходили из партии: если в 1988 г. сдали свои партбилеты 18 тыс. человек, то в 1989 г. — 137 тыс. Более половины вышедших из партии были рабочие.

Однако расставание с партией при Горбачеве вовсе не означало для вчерашней номенклатуры закат карьеры. Перестройка открыла ранее невиданные возможности: в 1990 г. только в кооперативной деятельности участвовало около 1 млн. человек; начался акционерный ажиотаж; создавались коммерческие банки — значительная часть средств накапливалась за счет «отмывания» денег, полученных из государственного бюджета. Советская номенклатура не стояла в стороне от набравших силу рыночных процессов, а активно участвовала в них, полностью используя свой административный ресурс.

Историки отмечают, что часть прежней номенклатуры двинулась в КП России и стала оформляться в «агрессивную антиперестроечную силу», другая — в лагерь демократов, а

региональные элиты, освободившись от страха перед центром, «развернулись в сторону отныне безопасных националистических и сепаратистских движений»^{417}.

Наиболее зримо раскол внутри правящего класса Советского Союза проявился во время августовского путча 1991 г., который стал последним актом трагедии распада СССР.

Мнение автора

Мы полностью разделяем мнение тех историков, которые считают, что в ходе перестройки правящий класс Советского Союза в целом оказался не способен ни на что, кроме защиты собственных привилегий. Качество советской элиты оказалось весьма невысоким — даже среди ближайшего окружения Горбачева постепенно, по мере нарастания трудностей личные амбиции и политические претензии взяли верх над общегосударственными интересами. Поэтому задача перестройки общества в интересах этого общества оказалась не по плечу советской номенклатуре, в массе своей остававшейся прежней, умевшей только приказывать и подчиняться приказам. К

перестройке оказалось неготово не только общество, большая часть которого проявляла знакомые по предшествовавшим годам черты социального изживенчества и по-прежнему ждала указаний сверху по вопросу «как жить дальше», но и правящая бюрократия, поскольку утрата власти КПСС на деле означала и утрату единственной силы, которой она обладала, — директивного управления.

Нечто вроде реформ

Что «сгубило» перестройку: политика или экономика? У данной темы есть как минимум два аспекта, которые по-прежнему вызывают многочисленные споры и дискуссии. И не только в научной среде. Первый аспект выражен в работах экономистов, которые убеждены, что в горбачевскую эпоху без политических изменений были «невозможны экономические реформы». Яркий пример — работы экономиста, профессора МГУ, а затем народного депутата СССР и мэра Москвы Г. Х. Попова. Фигура эта во многом знаковая. Политическая деятельность Г. Х. Попова отразила

настроения и взгляды значительного слоя столичной интеллигенции, ставшей одной из ведущих сил перестройки.

В первые годы перестройки главную задачу экономической науки Попов видел в «уточнении модели социализма». Лозунги его предвыборной платформы в качестве кандидата в народные депутаты СССР включали причудливую смесь нового со старым: «социалистической собственности — хозяев», «землю тем, кто ее обрабатывает», «доходы — по труду», «республикам и регионам — экономическую самостоятельность», «цены регулирует рынок», но одновременно он требовал «стабильности» государственных розничных цен и сохранение госзаказа на предметы первой необходимости. Попов готов был пойти даже на «введение карточек». Однако в декабре 1989 г. центральным вопросом, требующим вынесения на Верховный Совет, он считал уже вопрос о собственности — «мы должны признать плюрализм всех видов собственности». На словах он еще не порывал с социализмом, хотя признавал, что административная экономика «не решила и не может ре-

шать», используя ленинское выражение, коренную задачу социализма — «создать высшую в сравнении с предшествующим строем производительность труда». Вместе с тем, Попов убежден, что «невозможно» осуществить реальные экономические преобразования в действующей политической системе, т. е. в его шкале приоритетов политический аспект реформы вышел на первое место в сравнении с экономическим. Это превращение экономиста в политика произошло тогда, когда большинству населения Советского Союза стало ясно: среди всего пакета реформ именно экономические достижения перестройки оказались минимальными — народ стал жить хуже, чем в прежние годы. Следовало не только дать объяснение этому факту, но и найти виновных. Корни экономических провалов перестройки стали усматривать в несовершенстве советской политической системы. Сказалась и вовлеченность многих активных участников перестройки в политическое противостояние Горбачева и Ельцина. Во многом по этим причинам в декабре 1990 г. Попов считал главным в демократической програм-

ме «преодоление всевластия Советов, десоветизацию». По его мнению, когда появятся разные виды собственности, рынок, новые классы общества, их партии, тогда «создадутся условия для нормального демократического механизма». Эта демократическая платформа была озвучиванием политики главного горбачевского конкурента — Б.Н. Ельцина^{418}.

Другая точка зрения на проблемы экономического реформирования советской системы представлена преимущественно работами политиков, многие из которых убеждены, что «если бы удалось подвинуть М. Горбачева на то, чтобы экономическим задачам было подчинено все остальное, судьба Советского Союза сложилась бы, несомненно, по-другому». Так, В.М. Фалин, будучи одним из проводников горбачевской политики, в докладных записках на имя главного реформатора страны пытался доказать, что время государственного социализма безвозвратно ушло и он «мертв»; что следует отказаться от прежних форм «производства, распределения и обмена», которые порождают главный антагонизм в советском обществе — «отчуждение челове-

ка от собственности и власти». В качестве одной из главных мер предлагалось «немедленное» введение свободы торговли и «реальное равноправие всех видов собственности». Без этого, предупреждал автор, перестройка «обречена на террор недоумков и умных злодеев»^{419}.

Таким образом, несмотря на мучительный поиск выхода из кризиса, теоретическая мысль реформаторов вращалась преимущественно в кругу идей марксизма-ленинизма — не владея другими идеологическими ориентирами, лидеры перестройки пытались приспособить для своих целей «социализм в ленинской редакции». Рефрен о том, что экономические проблемы страны были принесены Горбачевым «в угоду своим личным политическим интересам», многократно повторен также в мемуарах В.С. Павлова, Н.И. Рыжкова, В.И. Воротникова и многих других сподвижников Горбачева. Так, Воротников утверждал, что только в декабре 1989 г. правительством была разработана и представлена «комплексная, взвешенная программа экономического реформирования хозяйства страны», а до это-

го шли лишь разговоры, касающиеся «частных экономических проблем»^{420}.

К этому времени на Западе социалистическая мысль выработала критический подход к оценке советского опыта. В 1982 г. на пленуме ЦК Итальянской компартии был сформулирован тезис о том, что «фаза развития социализма, начавшаяся с Октябрьской революции, исчерпала свою побудительную силу, способности этих стран к политическому, экономическому, культурному обновлению вступили в состояние кризиса». Подчеркивалось, что речь идет не о простом отставании, а именно о кризисе, об исторической бесперспективности «государственного социализма»^{421}. Эти идеи стали популярны в годы перестройки и в Советском Союзе.

Пустой чемодан

В прошлом веке немало было написано о том, что идея «улучшенного» или рыночного социализма «является полностью надуманной и нереалистичной» и что единственной эффективной экономикой считается капиталистическая рыночная экономика, а мо-

дернизация социализма советского типа «обречена на провал». В наиболее полном виде данная точка зрения была высказана еще в 1922 г. известным экономистом Б.Д. Бруцкусом, который доказывал в своих работах, что социализм как положительная система «невозможен», а экономическая проблема социализма «неразрешима», поскольку эта система «не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями». Все важнейшие элементы хозяйственной свободы (хозяйственная инициатива, свобода организации потребления и свобода труда) в социалистическом обществе имеют место только в форме «государственного принуждения». По прямому распоряжению Ленина Бруцкус был выслан из Советской России как идейный противник большевизма^{422}. Точку зрения Бруцкуса сегодня разделяют и многие современные отечественные экономисты, но далеко не все.

Другая часть ученых утверждала, что реформирование советской экономики — дело возможное, но исключительно сложное и

противоречивое. Процесс реформирования неизбежно повлечет «трудности и временные ухудшения», поэтому для успеха необходимы «выдержка и постепенность» как со стороны народа, так и политической элиты. Например, В.Т. Рязанов писал, что все послевоенные экономические реформы в нашей стране следует охарактеризовать как период слома административно-командной системы и реального возрождения товарно-рыночных отношений. По его мнению, к 1985 г. советская экономика представляла собой «фактически смешанное, многосекторное хозяйство с ограниченным действием рыночных механизмов», которые проявлялись в первую очередь на рынке товаров и услуг. Он утверждал, что в 70-е гг. Советский Союз упустил исторический шанс в деле реализации назревшей технической модернизации народного хозяйства, который заключался в рациональном использовании огромной выручки, получаемой СССР от экспорта энергоресурсов (нефти, газа, электроэнергии). Одной из главных причин неудач перестройки в области экономики Рязанов считал то, что проведение эконо-

мических реформ привело к «возрождению» в России стратегии догоняющего развития, имитированию и использованию в нашей стране хозяйственных форм стран-лидеров. Тем самым воспроизводился «исторически уходящий» тип раннего индустриального капитализма. Перспективная цель, по мнению Рязанова, должна быть связана с ориентацией на отрасли обрабатывающей промышленности и «особенно» наукоемкой продукции^{423}. Как правило, сторонники подобного подхода акцентировали внимание на ошибках Горбачева и его коллег, что позволяло им оправдывать правильность собственных теоретических построений.

Приверженцы третьего направления рассматривали кризис советской экономики как результат «неудачной попытки» приспособить социалистическую систему к потребностям постиндустриальной эпохи — государственная власть попыталась использовать прежнюю мобилизационную модель «для прорыва за рамки индустриализма», но советская экономика «не смогла» адаптироваться к вызовам времени^{424}.

Группа экономистов под руководством Е.Т. Гайдара обращала внимание на то, что выбор модели реформирования советской экономики в 80-е гг. объяснялся двумя главными моментами. Во-первых, существовала *идеологическая альтернатива* между мобилизационной (военный коммунизм или ускоренная индустриализация) организацией экономической жизни и либеральной (с элементами децентрализации и рынка). Экономические успехи, достигнутые в эти годы в США, Великобритании и Чили, считает Гайдар, рассматривались общественным мнением в СССР как результаты осуществления «либерального курса». Таким образом, проникновение либеральной идеологии в среду советской научной интеллигенции создало реальную базу для реформирования. Во-вторых, выбор конкретной программы был связан с *политическими* обстоятельствами, тем практическим опытом, который был накоплен коммунистическими странами к этому времени. Советское руководство во главе с Андроповым больше склонялось в пользу чешско-венгерской модели, а не китайской. Ко времени

правления Горбачева в СССР уже имелась программа реформ, замечает Гайдар, хотя и «не в виде целостного документа», а в форме многочисленных записок в директивные органы. Одна из наиболее известных — закрытый доклад академика Т.И. Заславской в 1983 г., получивший скандальную известность благодаря публикации на Западе^{425}.

Ученые отмечают, что Горбачев взял на вооружение идеи, легшие в основу программы «совершенствования хозяйственного механизма», отличительными признаками которой являлись: активизация деятельности предприятий и работников; наличие Госплана и других директивных органов, обеспечивающих «сбалансированность» советской экономики; запрет на проблему «реформы собственности», которую полностью обходили молчанием. Нерешенность проблемы собственности оставляла для разработчиков программ надежду, что «мудрый центр» начнет вмешиваться и подправлять рыночные процессы, «когда они будут давать сбои».

Таким образом, программа пыталась объединить преимущества двух систем — плано-

вой социалистической и рыночной капиталистической, что, по мнению экономистов, изначально делало эту программу «непоследовательной и внутренне противоречивой». Многие элементы этой программы были известны Горбачеву, когда он руководил Ставропольским краем. Именно тогда опыт внедрения бригадного подряда и «полного хозрасчета» в первичных трудовых коллективах приводил к резкому росту производительности труда и заработков. Несмотря на это, как считал помощник Горбачева по экономике Н.Я. Петраков, в собственном багаже экономических знаний генерального секретаря был лишь «пустой чемодан», который еще предстояло заполнить. Горбачев не скрывал от своих коллег по Политбюро то, что они знали и без него: «страна стоит в очередях; живем в постоянном дефиците — от энергоносителей до женских колготок; жирует только военный сектор; накапливается технологическая зависимость от Запада».

Экономисты считают, что в момент прихода Горбачева к власти у советской элиты *не было осознания* того факта, что не только эконо-

номика, но и *вся советская система находилась в кризисе*. Поэтому первые шаги Горбачева в направлении ускорения развития народного хозяйства были обусловлены привычной логикой «мобилизационного подхода» — следовало усиленно развивать машиностроительный комплекс. К октябрю 1985 г. в СССР на основе концепции ускорения были подготовлены проекты новой редакции программы партии и основные направления на 12-ю пятилетку и на период до 2000 г., утвержденные на XXVII съезде партии. По существу новый курс заменил установку, содержащуюся в прежней хрущевской редакции программы, о построении «основ коммунизма» за 20 лет. При этом сохранилось упоминание о «коммунистической перспективе» как высшей фазе. На съезде также предлагалось «преодолеть предубеждения относительно товарно-денежных отношений», декларировался принцип хозрасчета, согласно которому предприятия и объединения «полностью отвечают за безубыточность своей работы», а государство «не несет ответственности по их обязательствам»

Известный экономист Л. Пияшева считала, что идея хозяйственной самостоятельности государственных предприятий заключалась в переводе их на режим самоокупаемости и самофинансирования, но «без отлучения» от бюджета и введения неумолимо действующего механизма банкротств для всех «несамоокупаемых» предприятий. По этой причине реализация идеи не давала ни экономического роста, ни дополнительного дохода для бюджета. В выигрыше оставались только директора предприятий, которые использовали полученную свободу для «удовлетворения своих личных потребностей». Концепция предусматривала раздел производимой на госпредприятиях продукции на «плановую» (социалистическую) и «сверхплановую» (коммерческую). Как только у госпредприятий появилась возможность реализовывать часть своей «сверхплановой» продукции через открываемые ими кооперативы, сразу же начался отток ресурсов из основных производств в «дочерние», а через них — в сферу личного потребления тех, кто «сидел» на ресурсах, собственности и деньгах. «Это было неизбежно»,

отмечает Пияшева, т. к. полученные от коммерческой продажи «сверхплановой» продукции средства нельзя было легализовать и они должны были уходить «в тень». По ее мнению, попытка Горбачева осуществить экономическую реформу была несостоятельной, поскольку в России «отсутствовало право» для каждого быть частным собственником и свободно заниматься предпринимательской деятельностью. Помимо этого, замечает Пияшева, Горбачев не шел на более радикальные преобразования «из опасения массовой безработицы», которая могла начаться в результате приватизации^{427}.

Глава 18.

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

А был ли путч?

18 августа 1991 г. группа руководителей СССР прибыла в Форос к президенту М.С. Горбачеву, который находился на отдыхе. На следующий день в СССР было объявлено о переходе власти к Государственному комитету по чрезвычайному положению (ГКЧП). В Москву и другие крупные города Советского Союза были переброшены войска. Так начался трехдневный путч, который привел к запрету КПСС и в конечном счете к прекращению существования СССР. События тех дней породили огромный поток литературы. Однако, как заявил журналистам сразу после своего возвращения из Фороса Горбачев, «всей правды вы никогда не узнаете!». Словарь иностранных слов определяет путч как «авантюристическую попытку небольшой группы заговорщиков произвести государственный переворот». В какой степени произошедшие более десяти лет назад события отвечали приве-

денному понятию? Как воспринимается сегодняшним населением России это явление? Какие мнения на этот счет существуют среди историков?

Летом 2003 г. фонд «Общественное мнение» провел опрос на тему «Как вы оцениваете драматические события двенадцатилетней давности?». Большинство опрошенных (48%) считают все случившееся тогда «эпизодом борьбы за власть в высшем руководстве страны». Фонд «ROMIR-Monitoring» спросил респондентов об их личном отношении к главным участникам событий тех лет. Симпатии распределились так: сегодня Ельцина поддержали бы 13% опрошенных, ГКЧП — 10%, президента Горбачева — 8%. Большая часть опрошенных отказала в своей поддержке всем героям августа-91. Для одних августовские события 1991 г. — явление мирового значения, когда окончательно был решен вопрос «о смене государственного строя» и «невозможности возврата к социализму». Для других — «трагедия не только нашего народа, но и всего мирового сообщества», вызвавшая «кровавые потрясения во всем мире». Для третьих —

лишь «начало распада СССР» и упущенная возможность «осуществить глубокие демократические преобразования в рамках существующего Союза»^{428}.

19 августа в 6 часов утра радио начало передавать объявление о введении чрезвычайного положения в некоторых районах СССР, указ вице-президента СССР Янаева, по которому он принимал на себя обязанности президента СССР в связи с нездоровьем Горбачева, заявление «советского руководства» о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, обращение ГКЧП к советскому народу. Своими постановлениями ГКЧП объявил о приостановлении деятельности политических партий, общественных организаций и массовых движений, «препятствующих нормализации обстановки», о запрете митингов и демонстраций, об установлении контроля над средствами массовой информации. Войска и боевая техника заняли узловые точки на магистралях, ведущих к центру Москвы, окружили район, прилегающий к Кремлю. Около 12 часов дня несколько десятков танков вплотную прибли-

зились к Белому дому (правительства РСФСР). Накануне, 18 августа, В.И. Болдин, О.Д. Ба-кланов, О.С. Шенин, В.И. Варенников и на-чальник службы охраны КГБ СССР Ю.С. Плеха-нов прибыли в Форос. По свидетельству Бол-дина, в конце разговора Горбачев сказал: «Шут с вами, делайте как хотите!» — и даже дал несколько советов, как лучше, с его точки зрения, ввести чрезвычайное положение. Цель создания ГКЧП, по Болдину, — «взять на себя ключевые пункты управления, навести порядок в стране»^{429}.

Бывший премьер-министр В.С. Павлов, ссылаясь на показания присутствовавших на форосской встрече московских визитеров, пи-сал, что Горбачеву «уходить в отставку никто не предлагал», его лишь просили «или дать согласие подписать самому, или поручить подписать Г. Янаеву объявление чрезвычай-ного положения и созыв сессии Верховного Совета СССР». По версии Павлова, действи-тельная цель и позиция Горбачева, которую они первоначально истолковывали как со-гласие на введение чрезвычайного положе-ния, заключалась в том, чтобы «расправиться

нашими руками с Ельциным, подталкивая нас на кровопролитие. Затем, как Президенту СССР, расправиться с виновниками этого кровопролития, то есть с нами. В итоге — страна в развале, раздел и беспредел, он на троне, а все, кто мог бы оказать сопротивление, на том свете или в тюрьме». Павлов также опровергал общепринятое мнение, что Горбачев находился в Форосе в изоляции. В доказательство он сослался на заключение одного из создателей системы правительственной связи в Форосе, который заявил, что «утверждения о полном отключении связи Фороса с внешним миром *выдумка* (курсив наш. — В.П.). Этого не может быть даже при ядерном нападении». Для Павлова это ключевой момент всей истории, поскольку если «нет изоляции — нет и заговора»^[430]. Все, кто так или иначе был непосредственно причастен к августовским событиям на стороне проигравших, и сегодня убеждены, что это была «плохо организованная отчаянная попытка сохранить Союз сильным государством. И ничего больше за этим не стояло».

События в Москве 19 августа развивались

стремительно. На Манежной площади митингующие заблокировали движение мотопехоты. К собравшимся вокруг Белого дома тысячам граждан вышел Ельцин. С танка он зачитал обращение к россиянам. Затем президент РСФСР подписал указ, в котором создание ГКЧП квалифицировалось как государственный переворот, а его члены (О.Д. Бакланов, В.А. Крючков, В.С. Павлов, Б.К. Пуго, В.А. Стародубцев, А.И. Тизяков, Д.Т. Язов, Г.И. Янаев) как государственные преступники. Также отменялось действие всех распоряжений ГКЧП на территории РСФСР. Когда министру обороны Язову доложили, что вокруг Белого дома находится примерно 50–60 тыс. человек и при штурме прольется «море крови», он заявил: «Стрелять не дам» — и, не советуясь с другими членами ГКЧП, отдал приказ о выводе войск из Москвы. В стане ГКЧП начался разлад, взаимные упреки, затем было принято решение лететь к Горбачеву в Форос. 21 августа члены ГКЧП были арестованы, а ночью 22-го на самолете российской делегации в Москву возвратился Горбачев с семьей. Было приказано отвести войска в места их постоян-

ной дислокации. 23-го Ельцин подписал указ о приостановке деятельности КПСС на территории России. 24-го в Верховном Совете РСФСР М.С. Горбачев согласился с запретом своей партии, сложил полномочия генерального секретаря и призвал ЦК самораспуститься. Свое решение Горбачев аргументировал тем, что Секретариат и Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота, а ЦК не сумел занять решительную позицию осуждения и противодействия, не поднял коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности^{431}.

По мнению горбачевского биографа Грачева, за попытками «путчистов» изобразить себя «идеалистами», защитниками союзного государства, действующими исключительно «в интересах Родины», людьми, считающими, что выполняют «мандат общенародного референдума в поддержку Союза», видно стремление избавиться от официального обвинения следствия в «попытке захвата власти». С этой же целью, считает Грачев, была разработана версия, что и сам Горбачев «немножко путчист»^{432}.

В отличие от своих политических противников принципиально иную версию событий излагал в своей книге Горбачев. Для него августовские события — это прежде всего попытка путчистов «вернуть страну к тоталитаризму», «решительная схватка» сил реакции и демократии, в которой он представлял «силы обновления». Однако Горбачев согласен со своими оппонентами в том, что «путч явился реакцией на ново-огаревский процесс и его важнейший итог — Договор о Союзе Суверенных Государств»^{433}. По версии Горбачева, после того как он ответил отказом на предложение ввести чрезвычайный режим в стране, Варенников потребовал, чтобы он подал в отставку. После решительного отказа Горбачева путчисты «наглухо изолировали» его от внешнего мира и с суши, и с моря. «Полная изоляция», — утверждал Горбачев. 19 августа днем Горбачев передал требование «немедленно восстановить связь, прислать самолет для отлета в Москву», но «ответа не последовало»^{434}. Значительно позже, в своих мемуарах Горбачев квалифицировал произошедшее как «арест президента и узурпацию его вла-

сти»^{435}.

По мнению американского историка М. Малиа, путч явился делом не каких-то «авантюристов-заговорщиков», а самого советского правительства с целью «защиты интересов коммунистической правящей верхушки». Исход решила позиция Ельцина и его сторонников, обладавших «реальной политической волей» и умело использовавших для победы над путчистами собственные силовые структуры и народную поддержку. С оговорками он сравнивал августовский путч с известным выступлением («мятежом») генерала Корнилова в 1917 г. В обоих исторических случаях, полагал Малиа, бессилие «правых» позволило «левым» по-революционному «ринуться на слом старого порядка». С этим мнением согласен и Дж. Боффа, отмечавший помимо сходства в последствиях этих двух событий и некоторые другие черты — неорганизованность, недооценку новой расстановки политических сил, слепую веру в эффективность силы^{436}.

По мнению историка Р.Г. Пихои, путч изменил соотношение сил — «союзные структуры смертельно надорвались в своей попытке

из последних сил сохранить Советский Союз в его неизменном виде. Лопнули «становые жилы» политического организма — КПСС, КГБ, страх перед репрессиями. А без них этот строй был нежизнеспособен»^{437}. Другие историки пусть и не в столь категоричной форме, указывают на тот же результат — августовские события перевели процесс распада СССР из «латентной» формы в открытую^{438}. Р.А. Медведев отмечает не только обилие литературы об августовских событиях 1991 г., которая помимо мемуаров участников событий включает сотни томов следственных материалов Прокуратуры Российской Федерации по делу ГКЧП, но и «расхождения» оценок и точек зрения. Перечислим лишь основные версии, которые приведены в работе Медведева: все организовал сам Горбачев; это была игра Горбачева, но выиграл ее Ельцин; дело западных спецслужб, а Горбачев, Яковлев, Ельцин и ГКЧП — лишь подельники; сионистский заговор; заурядное явление: одни хотели назад, а другие хотели их столкнуть; кремлевская оперетка, но последствия — космические!^{439} Ф.М. Бурлацкий полагает, что в основе авгу-

стовских событий лежала «схватка за власть». По его мнению, двоевластие Горбачева и Ельцина должно было «так или иначе завершиться в пользу одного или другого», поскольку за спиной каждого стояли элиты, которые «жаждали только победы и не принимали никакого компромисса». Главная политическая цель ГКЧП — предотвратить подписание Союзного договора и распад единого государства на 15 независимых республик, ужесточение режима и возврат к власти Горбачева на своих условиях, т. е. «ограничение «царской» власти в пользу «бояр». Беда Горбачева как политика, считает Бурлацкий, заключалась в том, что он был «лишен дара предвидения» и «не умел разбираться в людях»^{440}.

Помимо идеологического кризиса, решающим образом повлиявшего на распад КПСС и крушение Советского Союза, историки отмечают и другие факторы, ускорившие эти процессы. Здесь и антироссийский национализм, имеющий длительную и сложную историю (еще с царских времен), и российский сепаратизм — явление новое, сложное, неожиданное и малоизученное, и давление Запада, вы-

игравшего у СССР дорогостоящую гонку вооружений и холодную войну, и личностный фактор, выразившийся в фигуре «капитана» перестройки, не справившегося с управлением, в результате чего «корабль сел на мель», и иные факторы. Многие историки все же убеждены, что «не было и нет единственной главной причины, развалившей СССР». Отмечается и еще один парадокс, связанный с изучением данной проблемы: распад СССР практически никто не предсказывал^{441}.

Историки отмечают, что после августовских событий в стране сложилась ситуация, когда каждый лидер руководствовался не союзными законами, а «политической целесообразностью». 24 августа Украина была провозглашена «независимым демократическим государством», в тот же день свою независимость провозгласила Белоруссия, 27-го — Молдавия, 30-го — Азербайджан, 31-го — Киргизия и Узбекистан. Верховные советы Латвии, Литвы и Эстонии еще 20–21 августа объявили о своей независимости и восстановлении своих конституций, действовавших до 1940 г.

Состоявшийся в сентябре 1991 г. V Внеочередной съезд народных депутатов СССР объявил вступление страны в переходный период, окончание которого связывалось с принятием новой конституции и выбором новых органов власти. Съезд принял закон, предусматривавший «прекращение деятельности» съезда и Верховного Совета, которые обладали правом принятия общих для всех республик законов. К началу декабря 1991 г. большинство союзных структур были либо ликвидированы, либо поделены, либо перешли под юрисдикцию России, либо превратились в неработающие органы. В этой связи один из основных авторов текста Беловежских соглашений С.М. Шахрай заявил, что к началу декабря 1991 г. «юридически и фактически существование Союза не может быть доказано».

8 декабря 1991 г. председатель Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевич, президент России Б.Н. Ельцин и президент Украины Л.М. Кравчук в местечке Белая Вежа под Минском подписали заявление о создании Содружества Независимых Государств и о том, что СССР «как субъект международного

права и геополитическая реальность прекращает свое существование». 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате к Беловежским соглашениям об образовании СНГ на правах учредителей присоединились еще восемь республик — Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан^{442}.

За что судили КПСС?

С мая по ноябрь 1992 г. в Москве проходил судебный процесс, названный средствами массовой информации многих стран мира «делом КПСС» или «процессом века». Точное название этого судебного дела — «Дело о проверке конституционности указов Президента Российской Федерации

Федерации от 23 августа 1991 г. “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 г. “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 г. “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

Если до этого в нашей стране существова-

ли такие виды судебной деятельности, как уголовное, гражданское и административное судопроизводство, то с принятием в июле 1991 г. закона «О Конституционном суде РСФСР» в России был введен новый вид судебной деятельности — конституционное судопроизводство, цель которого заключалась в охране суверенных народов России, защите конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина. Назначение этого суда — обеспечение верховенства и непосредственного действия конституции на территории государства. Следовательно, утверждают юристы, сторонники КПСС, суд над партией был не уголовным, а конституционным процессом. Помимо этого, в декабре 1991 г. — марте 1992 г. ни Конституция РФ, ни закон о Конституционном суде не относили к его компетенции вопрос о конституционности политических партий. Такое право ему было предоставлено только 21 апреля 1992 г. в результате расширения компетенции Конституционного суда⁴⁴³. Другие ученые возражают: если бы вопрос о КПСС рассматривался в суде общей юрисдикции, тогда можно было бы об-

суждать в суде «реальные события прошлого», те дела, по которым «нет срока давности». К таковым, по мнению историка Р.Г. Пихои, относятся «бессудные расстрелы» по указаниям руководства партии, раскулачивание и ссылки зажиточных крестьян, репрессии в отношении духовенства и иных «классово-чуждых» социальных слоев^{444}.

В суд в качестве свидетелей были вызваны многие бывшие партийные и государственные деятели: А.И. Вольский, Н.И. Рыжков, В.И. Долгих, И.К. Полозков, А.С. Дзасохов, В.М. Фалин, Е.К. Лигачев, А.Н. Яковлев, В.В. Бакатин. Не явился в суд М.С. Горбачев, мотивируя свое решение тем, что «не считает для себя возможным участвовать в политическом процессе, который может иметь лишь негативные последствия». Конституционный суд воспринял это решение как «яркую претензию встать над законом и над судом».

В суд были представлены 47 томов служебных документов, включая документы Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров СССР, КГБ СССР и других государственных органов за период с 20-х гг. до 1991 г. Ряд

материалов касался событий, связанных с ГКЧП, политики руководства КПСС в отношении церкви, общественных организаций, СМИ, а также недавних событий в Афганистане, международных отношений, внешнеполитической деятельности партии и пр. По мнению президентской стороны, приобщению к делу подлежали «все документы, позволяющие установить юридический факт конституционности и неконституционности КПСС».

Для доказательства неконституционности КПСС президентская сторона пыталась обосновать три тезиса: КПСС — это псевдопартийная структура; партия — часть госаппарата; КПСС — особый политический механизм, антиконституционная, абсолютная власть в условиях тоталитарного режима.

Одни эксперты на суде полагали, что «КПСС ни де-факто, ни де-юре политической партией не являлась», хотя некоторые призывали, что КПСС «по своим внешним признакам действительно является партией». Другие говорили о двойственной природе КПСС, сочетавшей черты властно-политической структуры и общественной организа-

ции, отмечали, что по ряду формально-юридических параметров КПСС отвечала признакам политической партии, но обычной партией не была. Среди основных признаков, позволяющих экспертам говорить о государственной природе КПСС, были выделены следующие: *присвоение партией компетенции органов государственной власти* (принятие всех важнейших народнохозяйственных решений, планов, программ, распоряжение бюджетом, принятие важнейших политических решений, отнесенных к исполнительному ведению высших органов власти, заключение и подписание международно-правовых документов); *нормотворческая деятельность КПСС* (издание самостоятельных или в соавторстве с государственными органами актов, относящихся к компетенции государства); *монополизация выборов* и проведение их под жестким партийным контролем; *непосредственное государственное управление* (директивы партинстанций министерствам, оперативная распорядительная деятельность парторганов, подчинение им органов безопасности и внутренних дел, формирование управ-

ленческого аппарата, контроль парткомов за деятельностью администрации). Защитники дела партии, в свою очередь, подчеркивали, что «КПСС была интегрирована в политическую систему и легитимирована законно избранными Советами», а что касается «сращивания» КПСС с госструктурами, то это «характерно для руководящих партийных органов многих стран Запада»^{445}.

Споры сторон вызвал также и вопрос о том, «кому в СССР реально принадлежала высшая власть». Неожиданными для многих участников процесса были свидетельские показания Р.А. Медведева и В.М. Фалина. Первый высказался в том смысле, что с 1937 г. и до смерти Сталина у власти «стоял НКВД», который при Хрущеве был поставлен под контроль партии, а в брежневские времена «КГБ действовал самостоятельно». По мнению Фалина, в брежневские времена восемь лет продолжалось «безвластие». Это случилось после того, «как Брежнев заболел, когда разные группы по четыре-пять человек, от имени генерального секретаря вершили все, что они считали нужным, и когда *в сущности регу-*

лярного управления страной не существовало (курсив наш. — В.П.). Страну растаскивали каждый по своей квартире — министр иностранных дел Громыко, председатель КГБ Андропов, министр обороны Устинов. С 1976 г. до кончины Брежнева в 1982 г. можно говорить о существовании Политбюро условно». В качестве примера Фалин приводил, в частности, решение о вводе советских войск в Афганистан в 1979 г., принятое узкой группой членов Политбюро.

В постановлении Конституционного суда по «делу КПСС» говорилось, что «руководство КПСС и КП РСФСР, многие областные и краевые партийные комитеты прямо или косвенно поддержали действия неконституционного ГКЧП»; что «в отношении имущества КПСС не осуществлялся финансовый контроль государства» и «имели место случаи неосновательного обогащения КПСС за счет государства».

Квалифицируя природу КПСС, Конституционный суд определял, что «в стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие вла-

сти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС». Материалы дела, говорилось в судебном постановлении, свидетельствовали о том, что «руководящие органы и высшие должностные лица КПСС действовали в подавляющем большинстве случаев втайне от рядовых членов КПСС, а нередко — и от ответственных функционеров партии»; что «руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах — зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов».

В постановлении также говорилось о «присвоении» и «реализации» руководящими структурами КПСС и КП РСФСР государственно-властных полномочий, что «препятствовало нормальной деятельности конституционных органов власти» и что послужило «юридическим основанием для ликвидации данных структур указом высшего должностного лица Российской Федерации»^{446}. Так закончился суд над некогда всемогущей партией.

По мнению отдельных ученых, Конституционный суд «подтвердил законность» основных положений президентских указов Б.Н. Ельцина, но «не закрыл путь для возрождения компартии», что явилось отражением «политического баланса» различных сил внутри российского общества.

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ПОПОВ (род. 1948)

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Автор многочисленных статей, опубликованных в журналах «Отечественная история», «Отечественные архивы», «Новый мир», «Слово», «Социологические исследования» и др., а также автор книг:

Крестьянство и государство (1945–1953). Париж: Имка — Пресс, 1992.

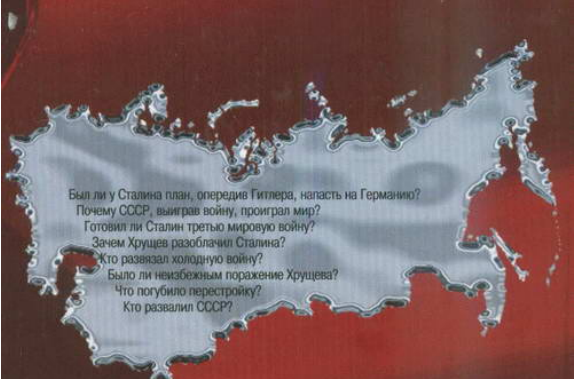
Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. М., 2002.

Новейшая история Отечества. XX век: Учебник для вузов. В 2 т. М., 1998/2002 (в соавторстве).

История государственного управления в России: Учебник. М., 2001/ 2003 (в соавторстве).

Хрестоматия по отечественной истории. 1914–1995. В 2 т. М., 1996 (в соавторстве).

История государственного управления в России. X–XXI вв.: Хрестоматия. М., 2003 (в соавторстве).

Был ли у Сталина план, опередив Гитлера, напасть на Германию?
Почему СССР, выиграв войну, проиграл мир?
Готовил ли Сталин третью мировую войну?
Зачем Хрущев разоблачил Сталина?
Кто развязал холодную войну?
Было ли неизбежным поражение Хрущева?
Что погубило перестройку?
Кто развалил СССР?

Людям свойственно судить об истории по собственным поступкам, поэтому исторические сочинения по большей части отражают современные массовые заблуждения относительно событий прошлого.

Любое знание не дается в готовом виде – требуется его искать.

Не стоит отворачиваться от зеркала истории, если хочется, чтобы жизнь стала лучше. Конечно, можно увидеть в нем то, что не обрадует, не вызовет восторга. Зато будет над чем задуматься: то ли смотримся в кривое зеркало, то ли нечего на зеркало пенять...

ISBN 5-93196-544-0

9 785931 965444

Ссылки

См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6 т. М., 1963-1965. Т. 5. С. 603.*

[^^^]

См.: *Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998—1999; Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2000.*

[^^^]

См.: *Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований*. Пер. с нем. М., 1996. С. 10—11.

[^^^]

См.: *Отечественная история*. 2004. № 1. С. 130, 153—164.

[^^^]

См.: *Новый труд о мировых войнах XX века // Отечественная история.* 2004. № 1. С. 161.

[^^^]

6

См.: *Вторая мировая война: Два взгляда*. М., 1995. С. 8-9, 11—14, 22-24.

[^^^]

См.: *Вторая мировая война: Два взгляда*. М., 1995. С. 375-378, 384-390.

[^^^]

См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945.* В 6 т. М., 1963-1965; *История второй мировой войны. 1939-1945.* В 12 т. М., 1973-1982; *Великая Отечественная война. 1941 — 1945. Военно-исторические очерки.* В 4 кн. М., 1998-1999.

[^^^]

См.: *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов.* М., 1995. С. 83; *Война и политика. 1939-1941.* М., 1999. С 489-490.

[^^^]

См.: Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Отечественная история., 2000. № 6. С. 23.

[^^^]

См.: 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 576–578.

[^^^]

См.: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992. С. 100.

[^^^]

См.: Атлас истории средних веков. Под общ. ред. акад. Е.А. Косминского и доц. А.П. Левандовского. М., 1951. С. 24, 31, 49–50.

[^^^]

См.: 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 585–587.

[^^^]

См.: *Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М., 1946. С. 11.

[^^^]

См.: Орлов А. С. Сталин: в преддверии войны.
М., 2003. С. 409.

[^^^]

См.: *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. М., 1997. С. 129—148.

[^^^]

См.: Шрамм Г. Неверный расчет: Договор о ненападении // Гутен Таг. 1991. № 9.

[^^^]

См.: Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Док. экспозиция. Пер. с нем. Берлин, 1992. С. 31.

[^^^]

См.: *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха.
В 2 т. Пер. с англ. Т. 1. М, 1991. С. 575.

[^^^]

См.: *Вторая мировая война в воспоминаниях*
У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д.
Эйзенхауэра. М., 1990. С. 96.

[^^^]

См.: *Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований*. Пер. с нем. М., 1996. С. 85—86.

[^^^]

См.: Ференбах О. Крах и возрождение Германии: Взгляд на европейскую историю XX века. Пер. с нем. М, 2001. С. 111-115.

[^^^]

См.: *Литературная газета*. 1988. 18 мая.

[^^^]

См.: *Правда*. 1989. 28 декабря; Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 133.

[^^^]

См.: *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 119.

[^^^]

См.: *Война и политика*. 1939-1941. М., 1999. С. 88, 90, 96-97.

[^^^]

См.: *Война и политика*. 1939-1941. М., 1999. С. 14-15.

[^^^]

См.: Случ С. З. Речь Сталина, которой не было
// Отечественная история. 2004. № 1. С. 125.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М, 1998. Кн. 2. С. 584.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 594.

[^^^]

См.: *Иванов Р. Ф.* Сталин и союзники: 1941-1945. Смоленск, 2000. С. 170.

[^^^]

См.: *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1997. С. 53.

[^^^]

См.: *Хрестоматия* по отечественной истории. 1914—1945. М., 1996. С. 562-564.

[^^^]

См.: *Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований*. Пер. с нем. М., 1996. С. 442, 454.

[^^^]

См.: *Война и политика. 1939-1941.* М., 1999. С. 265.

[^^^]

См.: *Совершенно секретно!* Только для командования: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 149-153; *Вторая мировая война: Два взгляда*. М., 1995. С. 28.

[^^^]

См.: *Секреты* Гитлера на столе у Сталина. М., 1995, Стр. 14.

[^^^]

См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1939—1945. В 3 т. Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. Гл. 9. Сухопутная армия к началу войны против Советского Союза; Якушевский А. С. Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 63—75; Орлов А. С. Сталин: в преддверии войны. М., 2003. С. 372-374.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 231-236.

[^^^]

См.: Кейтель В. Размышления перед казнью: Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. Пер. с нем. М., 1998. С 224, 231.

[^^^]

См.: Суворов В. Ледокол: Кто начал вторую мировую войну? М., 1992.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 215-220, 296; *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 35—36; *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия*. Сборник материалов. М., 1995. С. 85.

[^^^]

См.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995. С. 20, 87-88, 98-100.

[^^^]

См.: Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб.
Тверь, 1995. С. 64.

[^^^]

См.: *Георгий Жуков*. 1957. Стенограмма октябрьского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 614-619.

[^^^]

См.: Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб.
Тверь, 1995. С. 57.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 236-253.

[^^^]

См.: *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 227.

[^^^]

См.: *Военно-исторический журнал*. 1995. № 3. С. 41; Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Хабаровск, 1992. С. 57-58.

[^^^]

См.: *Война и политика. 1939-1941.* М., 1999. С. 489-493.

[^^^]

См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 499, 509.

[^^^]

Подробнее см.: *Попов В. П.* 1941: тайна поражения // *Новый мир.* 1998. № 8. С. 172-187.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 599-608.

[^^^]

См.: *Сандалов Л. М. Стояли насмерть // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 14-15.*

[^^^]

См.: *Война* Германии против Советского Союза. 1941-1945. Док. экспозиция. Пер. с нем. Берлин, 1992. С. 56-57.

[^^^]

См.: *Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М., 1946. С 10-11.

[^^^]

См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6 т. М., 1963-1965. Т. 2. С. 48-49.*

[^^^]

См.: *История* второй мировой войны. 1939-1945. В 12 т. М., 1973-1982. Т. 2.

С. 221. Т. 4. С. 58-59.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 6.

[^^^]

См.: *Анфилов В. А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997.

[^^^]

См.: 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 500–507.

[^^^]

См.: Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14–19.

[^^^]

См.: *Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР*. М, 1995. С. 11, 16-17; *Ивашутин П. И.* Докладывали точно // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 5. С. 55-59; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 222—223, 228—229.

[^^^]

См.: *Хрестоматия* по отечественной истории. 1914—1945. М., 1996. С. 500-501.

[^^^]

См.: *Военная история: вопросы и ответы*. М., 1992. С. 151.

[^^^]

См.: *Хрестоматия* по отечественной истории. 1914—1945. М., 1996. С. 486—490; *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937-1941. М., 1998. С. 305; *Печенкин А. А.* Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003. С. 168-171.

[^^^]

См.: *Рокоссовский К. К. Солдатский долг*. М., 1997. С. 35-37, 49-51, 126-128; *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 9. С. 193-215. № 10. С. 207-223; *Гейко Ю.* Чего нам стоила победа под Москвой? // *Комсомольская правда*. 1995. 27 декабря; *Лубянка в дни битвы за Москву*. М., 2002. С. 203-209, 228-237.

[^^^]

См.: *Волкогонов Д.* Сталин. Политический портрет. В 2 кн. М., 1996. Кн. 2. С. 198.

[^^^]

См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6 т. М., 1963-1965. Т. 3. С. 439.*

[^^^]

См.: *Война* Германии против Советского Союза. 1941-1945. Док. экспозиция. Пер. с нем. Берлин, 1992. С. 97—107; *Нюрнбергский процесс*. Сборник материалов. В 3 т. М., 1965-1966. Т. 3. С. 131-147.

[^^^]

См.: *Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* Жуковский; Москва, 2001. С. 373.

[^^^]

См.: *Война* Германии против Советского Союза. 1941 — 1945. Док. экспозиция. Пер. с нем. Берлин, 1992. С. 140.

[^^^]

См.: *Толстой-Милославский Н. Жертвы Ялты.*
Пер. с англ. Париж, 1988. С. 19-20.

[^^^]

См.: *Население России в XX веке. Историч. очерки.* М., 2001. Т. 2. С. 142-165.

[^^^]

См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. В 3 т. Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 37.

[^^^]

См.: *Военно-исторический журнал*. 1991. № 7.
С. 12-13.

[^^^]

См.: *Хоффманн Й.* История власовской армии.
Пер. с нем. Париж, 1990. С. 261.

[^^^]

См.: *Квицинский Ю. А. Генерал Власов: путь предательства.* М., 1999. С. 260-261.

[^^^]

См.: *Военно-исторический журнал*. 1991. № 4.
С. 18-28. № 7. С. 12-20.

[^^^]

См.: *Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998-1999. Кн. 4. С. 162-163.*

[^^^]

См.: *Коняев Н.* Власов: два лица генерала. М., 2003. С. 291—292.

[^^^]

См.: Николаевский Б. Пораженчество 1941—1945 годов и генерал А. А. Власов. Материалы для истории // Новый журнал. 1948. № 18. Нью-Йорк. С. 209—234.

[^^^]

См.: *Хоффманн Й.* История власовской армии.
Пер. с нем. Париж, 1990. С. 271.

[^^^]

См.: *Андреева Е.* Генерал Власов и Русское освободительное движение. Пер. с англ. Лондон, 1990. С. 220.

[^^^]

См.: *Красовский О.* Страшная правда // Вече: Независимый русский альманах. 1990. № 39. С. 217-284; *Он же.* 22 июня 1941 г. // Вече: Независимый русский альманах. 1991. № 42. С. 5-23.

[^^^]

См.: Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2001. С. 26-27.

[^^^]

См.: *Архив* Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 56. Д. 17. Лл. 227-229.

[^^^]

См.: *Гриф секретности снят*. М., 1993. С. 128-138.

[^^^]

См.: *Людские* потери СССР в период второй мировой войны. Сборник статей. СПб., 1995. С. 37.

[^^^]

См.: *Население России в XX веке: История, очерки*. М., 2001. Т. 2. С. 24—28.

[^^^]

См.: *Вопросы истории*. 1990. № 6. С. 185-188.

[^^^]

См.: *Людские* потери СССР в период второй мировой войны. Сборник статей. СПб., 1995. С. 36-42.

[^^^]

См.: *Население России в XX веке: Историч. очерки*. М., 2001. Т. 2. С. 131—132.

[^^^]

См.: *История* второй мировой войны. 1939-1945. В 12 т. М., 1973-1982. Т. 12. С. 159-160.

[^^^]

См.: *Вознесенский И.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 45, 74.

[^^^]

См.: Кованьковский П. Л. Бюджет СССР: Историко-критический обзор. Мюнхен, 1956. С. 57-58, 61-68.

[^^^]

См.: *Гриф секретности снят*. М., 1993. С. 349.

[^^^]

См.: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2 т. Пер. с англ. М., 1958. Т. 1. С. 525-527.

[^^^]

См.: *Россия в XX веке: Историки мира спорят.*
М., 1994. С. 492—501.

[^^^]

См: *Хрестоматия* по отечественной истории. 1914-1945. М., 1996. С. 608-609; *Супрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои. 1941-1945. М., 1997. С. 344-351.

[^^^]

См.: *Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований*. Пер. с нем. М., 1996. С. 56-57.

[^^^]

См.: *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 155-159; *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Пер. с англ. М, 1980. С. 26-27.

[^^^]

См.: *Фалин В. М.* Указ. соч. С. 209.

[^^^]

См.: *Хрестоматия* по отечественной истории.
1914—1945. М., 1996. С. 599-600.

[^^^]

См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 — 1945. В 6 т. М., 1963-1965. Т. 2. С. 188-190.*

[^^^]

См.: *Новая и новейшая история*. 1998. № 5. С. 61-65.

[^^^]

См.: *Новая и новейшая история*. 1988. № 6. С. 121-124; *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 119—120.

[^^^]

См.: *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 70, 148-149.

[^^^]

См.: Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 70–71.

[^^^]

См.: *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». Пер. с англ. М., 1989. С. 260.

[^^^]

См.: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. С. 112–113; Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. Пер. с англ. М., 1955. Т.5. С. 343, 366; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. М., 1995. С. 743–749, 793–795.

[^^^]

См.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 57.

[^^^]

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. М., 1963–1965. Т. 5. С. 334.

[^^^]

См.: Иванов Р.Ф. Сталин и союзники: 1941–1945. Смоленск, 2000. С. 434, 498.

[^^^]

См.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 124–137.

[^^^]

См.: *1941 год*. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 487-490.

[^^^]

См.: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. М., 1997. С. 579-582.

[^^^]

См.: 1941 год. В 2 кн. М, 1998. Кн. 2. С. 507–508.

[^^^]

См.: Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 458.

[^^^]

См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6 т. М., 1963-1965. Т. 5. С. 603.*

[^^^]

См.: *40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы*. М., 1985. С. 7-17.

[^^^]

См.: *Соколов Б. В.* Цена победы. М., 1991. С. 38, 181.

[^^^]

См.: *Литературная газета*. 1988. 16 мая.

[^^^]

См.: Владимов Г.Н. Генерал и его армия. М., 1997. С. 443.

[^^^]

См.: *Результаты* выборочных социологических опросов населения Российской Федерации по теме: «Историческая память российского населения». РАГС. М., 2003.С. 6.

[^^^]

См.: *Россия в XX веке: Историки мира спорят.*
М., 1994. С. 447-452.

[^^^]

См.: *Сахаров А. Н.* Война и советская дипломатия: 1939-1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 27-28.

[^^^]

См.: Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т.
Пер. с англ. М., 1955. Т. 3. С. 384-385.

[^^^]

См.: *Вторая мировая война: Два взгляда*. М., 1995. С. 34.

[^^^]

См.: *Маништейн Э.* Утерянные победы. Пер. с нем. Ростов н/Д, 1999. С. 330—333; *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. Пер. с нем. СПб., 1994. Т.1. С. 206—208.

[^^^]

См.: *ГлентцД.* Представления американцев об операциях на восточном фронте в годы второй мировой войны // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 27-48.

[^^^]

См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. В 3 т. Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 125, 133—135; *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980. С. 349.

[^^^]

См.: *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980. С. 381.

[^^^]

См.: *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М., 2002; *Данилов В. Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти. 1941-1945. Саратов, 2002.

[^^^]

См.: Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 61.

[^^^]

См.: Якушевский А. С. Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941-1991). М., 1997.

[^^^]

См.: *Куманев Г. А.* Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 2000; *Людские потери СССР в период второй мировой войны: Сб. статей.* СПб., 1995. С. 71; *Вопросы истории.* 1987. № 4. С. 70-81, № 8. С. 27-48.1988. № 5. С. 57-74.

[^^^]

См.: *Берлинская операция в цифрах* // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 79-87;
Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1992. С. 418-419.

[^^^]

См.: Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1946. С. 17–18, 24–25, 29.

[^^^]

См.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 15-16; *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 89-92.

[^^^]

См.: *Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М., 1946. С. 196—197; *Застольные речи Сталина. Документы и материалы*. Сост. В. А. Невежин. М.; СПб., 2003. С. 462-476.

[^^^]

См.: *Российский* государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 123. Л. 23.

[^^^]

См.: *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1952. С. 23-24.

[^^^]

См.: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 220-223.

[^^^]

См.: Данилов А. А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 120–121.

[^^^]

См.: *Конквест Р.* Большой Террор. В 2 т. Пер. с англ. М., 1991; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования. Т. 1-3. Париж, 1973—1975; *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978; *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989; *Земсков В. Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6, 7; *Он же.* Политические репрессии в СССР. 1917-1990 гг. // Россия. XXI. М., 1994. № 1-2; *Максудов С.* О публикациях в журнале «Социс»: письмо в редакцию // Социологические исследования. 1995. № 9; *Земсков В. Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Там же; *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России. 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2.

[^^^]

См.: *Варга Е. С.* «Вскрыть через 25 лет» // Политические исследования. 1991. № 3. С. 157.

[^^^]

См.: *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России. 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20—31; *История государственного управления в России (X—XXI вв.): Хрестоматия.* М., 2003. С. 414—415; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. М., 2003. С. 160.

[^^^]

См.: Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов. Сост. И.А. Кондакова. М., 1999. С. 284.

[^^^]

См.: *Хрущев И. С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 238, 244— 245, 498.

[^^^]

См.: Горбачев М.С. Ответы на вопросы газеты «Юманите» 4 февраля 1986 г. М., 1986. С. 17.

[^^^]

См.: *Историки спорят: 13 бесед.* М., 1989. С. 229-303.

[^^^]

См.: *Историческая наука на пороге XXI века*. Новосибирск, 2001. С. 7; *Волкогонов Д.* Сталин. Политический портрет. М, 1996. Кн. 1. С. 13, 28. Кн. 2. С. 528-532, 647; *50 лет без Сталина*. «Круглый стол» // *Отечественная история*. 2004. № 1. С. 200—201.

[^^^]

См.: *Сталин* в воспоминаниях современников и документах эпохи. Сост. М. Лобанов. М., 1995. С. 729-730.

[^^^]

См.: *Данилов В. П.* Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 169-175.

[^^^]

См.: *50 лет без Сталина. «Круглый стол»* // Отечественная история. 2004. № 1. С. 199-200.

[^^^]

См.: Кершоу И., Левин М. Режимы и их диктаторы: возможности сравнения // Политическая наука современной России: Тенденции развития. М., 2000. С. 8—31; Любин В. Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме в Германии, Италии и СССР // Россия. XXI. 2003. № 5. С. 54-83.

[^^^]

См.: *Морен Э.* О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. Пер. с франц. М., 1995. С. 7, 33-35.

[^^^]

См.: *У истоков «социалистического содружества»*: СССР и восточноевропейские страны в 1944-1949 гг. М., 1995; *Совещания Коминформа*. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998; *Советский фактор в Восточной Европе*. 1944—1953. Документы. В 2 т. М., 1999-2001; *Сталин*. Сталинизм. Советское общество. Сб. статей. М., 2000.

[^^^]

См.: Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000. С. 132—137, 285-290, 325; Он же. Гибель Империи Зла // Социологические исследования. 1994. №11. 1995. № 1,3,4.

[^^^]

См.: *Левин М.* Бюрократия и сталинское государство // Политическая наука современной России: Тенденции развития. М., 2000. С. 49—67.

[^^^]

См.: *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 260.

[^^^]

См.: *История государственного управления в России: Учебник*. М., 2003. С. 309—310.

[^^^]

См.: *История государственного управления в России (X-XXI вв.): Хрестоматия*. М., 2003. С. 407-408.

[^^^]

См.: *История государственного управления в России (X—XXI вв.): Хрестоматия*. М., 2003. С. 387-388; *Застольные речи Сталина. Документы и материалы*. Сост. В. А. Невежин. М.; СПб., 2003. С. 477-479.

[^^^]

См.: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 236—238.

[^^^]

См.: *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953.* Сост. О. В. Хлевнюкидр. М., 2002. С. 6-8.

[^^^]

См.: *Чернев А. Д.* 229 кремлевских вождей. М., 1996. С. 17-18

[^^^]

См.: *Сталин*. Сталинизм. Советское общество. Сб. статей. М., 2000. С. 287—288.

[^^^]

См.: *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 177-191.

[^^^]

См.: *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946-1953). М., 2002. С. 24-25.

[^^^]

См.: *Правда*. 1952. 6 октября. С. 4.

[^^^]

См.: *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946-1953). М., 2002. С. 129, 150.

[^^^]

См.: *История СССР с древнейших времен до наших дней*. Т. 11. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945-1961. М., 1980. С. 173-178, 196-215.

[^^^]

См.: *Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997.

[^^^]

См.: *Историческая наука на пороге XXI века.*
Новосибирск, 2001. С. 4—5, 12.

[^^^]

См.: *Попов В. П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). М, 1993.

[^^^]

См.: *Бомешко Б. Г.* Засуха и голод в Молдавии в 1946-1947 гг. Кишинев, 1990; *Волков И. М.* Засуха, голод 1946-1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3-19; *Попов В. П.* Голод и государственная политика // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 36—60.

[^^^]

См.: *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

[^^^]

См.: *Попов В. П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. 1996. № 3—4.

[^^^]

См.: Зубок В. М., Печатное В. О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 4, 5.

[^^^]

См.: *Загладин Н. В.* История России и мира в XX веке. М., 2002. С. 266.

[^^^]

См.: *Сталин*. Сталинизм. Советское общество.
М., 2000. С. 157-182.

[^^^]

*См.: Дипломатический словарь. М, 1986. Т. 3.
С. 536-538.*

[^^^]

См.: *Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение.* М., 1995. С. 9.

[^^^]

См.: *Сталин*. Сталинизм. Советское общество. М, 2000. С. 164-170.

[^^^]

См.: *Родина*. Спецвыпуск: Холодная война.
1998. № 8. С. 97.

[^^^]

См.: *Хрестоматия* по отечественной истории. 1946-1995. М., 1996. С. 227-228; *Родина*. Спецвыпуск: Холодная война. 1998. № 8. С. 24-26; *Подлесный П. Т.* Американская концепция развития отношений с СССР. М., 1980. С. 15—17.

[^^^]

См.: Фултонская речь Черчилля // Источник.
1998. № 1. С. 88—99.

[^^^]

См.: Зубок В. М., Печатное В. О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 5. С. 141.

[^^^]

См.: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 89-94.

[^^^]

См.: *Хрестоматия* по отечественной истории. 1946—1995. М., 1996. С. 150—151; *Внешняя политика США в середине 80-х годов*. Реф. сб. М., 1985. Ч. 1. С. 117—118; *Правда*. 1988. 29 августа. С. 6.

[^^^]

См.: *Волкогонов Д.* Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 1. С. 285-294.

[^^^]

См.: *Новое время*. 1990. № 23. С. 36-39.

[^^^]

См.: *Абакумов В. С.* Советские летчики в небе Кореи // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 129-139.

[^^^]

См.: *Родина*. Спецвыпуск: Холодная война.
1998. № 8. С. 43-45.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Реформы и революции.
Т. 1. М., 2002. С. 6.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 2. М., 2002. С. 314—316; Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 348-349.

[^^^]

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 167-169. Т. 30. С. 41-41,221. Т. 32. С. 384-386. Т. 39. С. 113. Т. 40. С. 58-59, 221. Т. 44. С. 221-222, 228-229; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. М., 1999. С. 572-573.

[^^^]

См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1953. С. 603.

[^^^]

См.: История ВКП(б). Краткий курс. Одобрено ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 291-292.

[^^^]

См.: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С. 176.

[^^^]

См.: Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 498.

[^^^]

См.: Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства, М., 1963. С. 133.

[^^^]

См.: Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963. С. 132; Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 507.

[^^^]

См.: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 499; Каганович Л. М. Памятные записки. М., 1996. С. 511—513.

[^^^]

См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 527, 541.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад. М., 1987. С. 27-28.

[^^^]

См.: Н.С. Хрущев (1894—1971). Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. М., 1994. С. 3-5.

[^^^]

См.: Н. С. Хрущев (1894-1971). Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. М., 1994. С. 77, 99-104, 175-177, 181; Круглый стол «Сорок лет закрытого доклада Н. С. Хрущева XX съезду «О культе личности». Стенограмма. М., 1996. С. 3-4, 6, 12, 15-16, 21, 25, 27, 29-30; Бурлацкий Ф. М. Н. Хрущев и его советники — красные, черные, белые. М., 2002. С. 442—443.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Реформы и революции.
Т. 1. М., 2002. С. 70-80.

[^^^]

См.: Корнай Я. Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма. Пер. с англ. М., 2000. С. 13-14, 388-393.

[^^^]

См.: Последняя «отставка» Сталина // Источник. 1994. № 1. С. 106—111.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз; История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 101.

[^^^]

См.: Старков Б. Сто дней «лубянского маршала» // Источник. 1993. № 4. С. 82-90; Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. СПб., 2002; Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003.

[^^^]

См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 19-68.

[^^^]

См.: Некрасов В. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 241—242.

[^^^]

См.: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1997. С. 562-564.

[^^^]

См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 10—11, 384—387; Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 113, 116; Источник. 2002. № 6. С. 84-85.

[^^^]

См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 110.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Реформы и революции.
М., 2002. Т. 1. С. 29,611. Т. 2. С. 279-280.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Историки мира спорят.
М., 1994. С. 550.

[^^^]

См.: Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 64-66.

[^^^]

См.: Советское крестьянство. Краткий очерк истории. 1917—1970. М., 1973. С. 440; Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 410.

[^^^]

См.: Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1.С. 7-11.

[^^^]

См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 46-46 об.

[^^^]

См.: Попов В. Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 187-188.

[^^^]

См.: Вестник статистики. 1974. № 3. С. 94; Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 28.

[^^^]

См.: Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С. 97–106; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 17–18.

[^^^]

См.: Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 173–175, 279–283.

[^^^]

См.: Таковы, товарищи, факты // Источник.
1998. № 2. С. 106-108.

[^^^]

См.: Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 11 — 13.

[^^^]

См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 54. Д. 1070. Л. 101.

[^^^]

См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 550; Ольсевич Ю., Грегори П. Указ. соч. С. 33.

[^^^]

См.: Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 61, 74.

[^^^]

См.: Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 28.

[^^^]

См.: Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М, 1992. С. 114-117.

[^^^]

См.: Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 — декабрь 1991. М., 1995. С. 232-233.

[^^^]

См.: Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 97; Ольсевич Ю., Грегори П. Указ. соч., С. 36.

[^^^]

См.: Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель».
М., 2002. С. 316—317, 324.

[^^^]

См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 117-118, 361.

[^^^]

См.: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 347.

[^^^]

См.: Чуев Ф. Указ. соч. С. 349-350.

[^^^]

См.: Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 295.

[^^^]

См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 51-162.

[^^^]

См.: Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 234–237.

[^^^]

См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 142.

[^^^]

См.: Аксютин Ю.В. Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2. С. 112.

[^^^]

См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 353-368.

[^^^]

См.: Хрестоматия по отечественной истории.
1946-1995. М., 1996. С. 174—179.

[^^^]

См.: Зиновьев А., Ортис А. Ф., Кара-Мурза С.
Коммунизм. Еврокоммунизм. Советский
строй. М., 2000. С. 39.

[^^^]

См.: Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 214.

[^^^]

См.: Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000. С. 343—344.

[^^^]

См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 353,357.

[^^^]

См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 144, 707, 731.

[^^^]

См.: Молотов, Маленков, Каганович. Указ.
соч.. С. 14.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 172-174.

[^^^]

См.: Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 599.

[^^^]

См.: Георгий Жуков. 1957. Стенограмма октябрьского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 439-441.

[^^^]

См.: Записи В. Малина на заседаниях Президиума ЦК КПСС // Источник. 1998. № 2. С. 125-143.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Реформы и революции.
М., 2002. Т. 2. С. 490-513.

[^^^]

См.: Хрестоматия по отечественной истории.
1946—1995. М., 1996. С. 55—56.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 270-271; Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 354-356.; 368-370; Бурлацкий Ф.М. Н. Хрущев и его советники — красные, черные, белые. М., 2002. С. 443.

[^^^]

См.: Программа и Устав КПСС. М, 1964. С. 256-257.

[^^^]

См.: Таковы, товарищи, факты // Источник.
1998. № 2. С. 110.

[^^^]

См.: Записи В. Малина на заседаниях Президиума ЦК КПСС // Источник. 1998. № 2. С. 125-135.

[^^^]

См.: Источник. 1998. № 2. С. 135.

[^^^]

См.: КПСС в цифрах // Партийная жизнь. 1962. № 1. С. 44-52; 1965. № 10. С. 8-17; 1967. № 19. С. 9-17.

[^^^]

См.: Варга Е. С. «Вскрыть через 25 лет» // Политические исследования. 1991. № 3. С. 147.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 1. С. 420.

[^^^]

См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 284—286; Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 365-367.

[^^^]

См.: Источник, 1998. № 2. С. 113, 128, 135.

[^^^]

См.: Фурсенко А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса. М., 1999. С. 548.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 214-215; Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 1. С. 420—422.

[^^^]

См.: Новые документы о Карибском кризисе 1962 г. // Источник. 2002. № 5. С. 59—112.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 216-218, 233.

[^^^]

См.: Хрущев С. Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. М., 1999. Т. 2. С. 318-319.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Указ. соч., С. 432.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 2. С. 20—33.

[^^^]

См.: Л. И. Брежнев: Материалы к биографии.
Сост. Ю. В. Аксютин М., 1991. С. 93.

[^^^]

См.: Л. И. Брежнев: Материалы к биографии. Сост. Ю. В. Аксютин М., 1991. С. 184, 229; Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986). М., 1997. С. 121-122.

[^^^]

См.: Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях. Ростов н/Д, 1998. С. 203, 247; Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964—1994. Пер. с итал. М., 1996. С. 15-16.

[^^^]

См.: Медведев Р. Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991. Т. 1. С.275; Боффа Дж. Указ. соч. С. 16, 287; Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 180—181; Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях. Ростов н/ Д, 1998. С. 202-205.

[^^^]

См.: Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 15; Чазов Е. И. Здоровье и власть: Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 74—76, 126-127, 130-131, 143; Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях. Ростов н/Д, 1998. С. 246-315.

[^^^]

См.: Косыгин А. Н. Избранные речи и статьи.
М., 1974. С. 268.

[^^^]

См.: Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 176-177.

[^^^]

См.: Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А. Н. Косыгине. М., 1997. С. 202.

[^^^]

См.: Всемирная история экономической мысли. Т. 6. Кн. 1. М., 1997. С. 235—236.

[^^^]

См.: Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 42–49.

[^^^]

См.: Валовой Д. Ослепленные властью: Экономическая повесть. М, 2002. С. 128—130.

[^^^]

См.: Л. И. Брежнев: Материалы к биографии.
Сост. Ю. В. Аксютин. М., 1991. С. 92-102.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 343-345, 412.

[^^^]

См.: Л. И. Брежнев: Материалы к биографии.
Сост. Ю. В. Аксютин. М., 1991. С. 102-122.

[^^^]

См.: Барсенков А. С, Вдовий А. И. История России. 1938-2002: Учеб. пособие. М., 2003. С. 239-257.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 2. С. 29-38.

[^^^]

См.: Согрин В. В. Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. 2003. № 11. С. 3-23.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Реформы и революции.
М., 2002. Т. 2. С. 371—374.

[^^^]

См.: Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб., 1998. С. 49-54.

[^^^]

См.: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991-1997. Под ред. Е. Гайдара. М., 1998. С. 46-51.

[^^^]

См.: Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000. С. 391—397; 439—443; Зиновьев А., Ортис А. Ф., Кара-Мурза С. Коммунизм. Еврокоммунизм. Советский строй. М., 2000. С. 21-22.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 2. С. 436—442.

[^^^]

См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 712-718.

[^^^]

См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 371-372, 420.

[^^^]

См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с итал. М., 1996. С. 5, 285.

[^^^]

См.: Левин М. Бюрократия и сталинистское государство // Политическая наука современной России: Тенденции развития. М, 2000. С. 65—66; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. М, 1997. Т. 2. С. 400-444.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 9-12, 715-717.

[^^^]

См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 303–306. 30

[^^^]

См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. М., 1995. Кн. 3. С. 198–207; Хранить вечно. Август 68-го. Специальное приложение к «Независимой газете». 1998. № 3.

[^^^]

См.: Хрестоматия по отечественной истории.
1946—1995. М., 1996. С. 206.

[^^^]

См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 321; Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 318-319, 326, 341-343.

[^^^]

⁵ См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с итал. М., 1996. С. 51; Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 327-330; Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 413-414.

[^^^]

См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. М., 1995. Кн. 3. С. 204-205.

[^^^]

См.: Хрестоматия по отечественной истории.
1946—1995. М., 1996. С. 228—229.

[^^^]

См.: Вестник МИД СССР. 1988. № 8. С. 12-13. № 11. С. 47.

[^^^]

См.: Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата: Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992. С. 46—47.

[^^^]

См.: Хрестоматия по отечественной истории.
1946—1995. М., 1996. С. 229—231.

[^^^]

См.: Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984. С. 151—172, 651—659; Апрельская революция 1978 г. в Афганистане: Реф. сб. М., 1982. С. 46-48, 200—204.

[^^^]

См.: Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сборник документов. 1980 год. М., 1981. С. 7—8.

[^^^]

См.: Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984. С. 299-308, 312.

[^^^]

См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 394-406.

[^^^]

См.: Бабаханов У., Черняк И., Ганелин А. Афганистан: весна тревожит и пьянит // Комсомольская правда. 1992. 9 мая.

[^^^]

См.: Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневe. 1953-1982 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 93-111.

[^^^]

См.: Источник. 1994. № 2. С. 77-78.

[^^^]

См.: Источник. 1993. № 3. С. 87–101.

[^^^]

См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917—1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 375-376, 403-406.

[^^^]

См.: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. С. 6-7, 256.

[^^^]

См.: Россия в XX веке: Историки мира спорят.
М. 1994. С. 615—621.

[^^^]

См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с итал. М., 1996. С. 86-103.

[^^^]

См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. Кн. 3. М., 1995. С. 152-168, 188-198.

[^^^]

См.: Барсенков А. С, Вдовин А. И. История России. 1938—2002: Учеб. пособие. М., 2003. С. 276-295.

[^^^]

См.: Синявский А. Основы советской цивилизации. М., 2001. С. 383-385, 442-443, 452.

[^^^]

См.: Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000. С. 400—403, 420-423.

[^^^]

См.: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период М., 1992. С. 325-357.

[^^^]

См.: Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988; Янов А. Л. Россия против России: Очерки истории русского национализма. 1825-1921. Новосибирск, 1999.

[^^^]

См.: Шафаревич И. Русофобия // Шафаревич И. Есть ли у России будущее? М, 1991. С. 389-486; Московские новости. 1993. № 9. 28 февраля. С. 6а.

[^^^]

См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с итал. М., 1996. С. 94-104.

[^^^]

См.: Барсенков А. С, Вдовин А. И. История России. 1938—2002: Учеб. пособие. М., 2003. С. 295.

[^^^]

См.: Отечественная история. 2003. № 4. С. 106—108.

[^^^]

См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. М., 2000. С. 438.

[^^^]

См.: Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л., 1990. С. 8—9, 22—31; Сахаров А. Pro et contra. 1973 год. Документы, факты, события. М., 1991. С. 57-64, 121.

[^^^]

См.: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. С. 240—243; Солженицын А. Публицистика. Париж, 1981. С. 134—167.

[^^^]

См.: Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953—1982 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 93—111; Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953 г. — начало 1980-х гг. Новосибирск, 1999. С. 13.

[^^^]

См.: Геллер М. История России. Седьмой секретарь. М., 1996. Кн. 3. С. 11–18.

[^^^]

См.: Лигачев Е. К. Предостережение. М., 1998.
С. 104-113.

[^^^]

См.: Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М, 1996. С. 75.

[^^^]

См.: История государственного управления в России (X—XXI вв.): Хрестоматия. М., 2003. С. 482-490; Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 448-450.

[^^^]

См.: Яковлев А. И. Сумерки. М., 2003. С. 459-461.

[^^^]

См.: Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995. С. 11-17, 170.

[^^^]

См.: Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 2002. С. 36.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 2. С. 279, 443-444.

[^^^]

См.: Они о нас. Перед судом истории // Правда.
1991. 20 декабря.

[^^^]

См.: Кастельс М. Информационная эпоха. Пер. с англ. М., 2000. С. 438,475,477-479.

[^^^]

См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 423–450, 505–506.

[^^^]

См.: Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю. 1985-1991: Курс лекций. М., 2002. С. 12.

[^^^]

См.: Если по совести. М., 1988; Иного не дано. М., 1988; Зависит от нас: Перестройка в зеркале прессы. М., 1988; В своем Отечестве пророки? М., 1989.

[^^^]

См.: Сахаров А. Н. Новая политизация истории или научный плюрализм? О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX века // Новая и новейшая история. 1993. № 6; Маслов Д. В. Нарастание кризиса советской системы. 1985—1987. М., 2001. С. 11-14; Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю. 1985-1991: Курс лекций. М, 2002. С. 8-26.

[^^^]

См.: Мау В., Стародубровская И. Великие революции: От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 365.

[^^^]

См.: Маслов Д. В. Нарастание кризиса советской системы. 1985—1987. М., 2001. С. 16-22, 80-83; Чернев А. Д. Правящая партия в системе советского государственного управления // Проблемы отечественной истории. Вып. 8. М., 2004. С. 149—185; Пихоя Р. Г. Почему распался Советский Союз? // Государственная служба. 2003. № 1. С. 31—45.

[^^^]

См.: 10 лет без СССР: Перестройка — наше прошлое или будущее? Материалы конференции. М., 2002. С. 18-19.

[^^^]

См.: Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. 1985–1991: Курс лекций. М., 2002. С. 51–52, 77–78, 81, 112–113, 157–163, 230–232.

[^^^]

См.: Хрестоматия по отечественной истории.
1946—1995. М., 1996. С. 114—118.

[^^^]

См.: Россия: 21 век. Куда же ты? М., 2002. С. 78.

[^^^]

См.: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 2000; Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М, 2003. С. 67—76, 451.

[^^^]

См.: Эксперт. 2002. № 39. 21 октября. С. 68.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 2. С. 362.

[^^^]

См.: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М., 1993. С. 384.

[^^^]

См.: Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 20-21.

[^^^]

См.: Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 179.

[^^^]

См.: Россия — 2000. Современная политическая история. 1985—1999 годы. Т. 1. Хроника и аналитика. М, 2000. С. 572-573, 617-618.

[^^^]

См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с итал. М., 1996. С. 202.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995.
Кн. 2. С. 474-475.

[^^^]

См.: Козырев А. Преображение. М., 1995. С. 42-46, 72.

[^^^]

См.: Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата: Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992. С. 40—45.

[^^^]

См.: Россия — 2000. Современная политическая история. 1985-1999 годы. Т. 1. Хроника и аналитика. М., 2000. С. 621—623.

[^^^]

См.: Эннио Ди Нольфо. История международных отношений (1918-1999). В 2 т. Пер. с итал. М., 2003. Т. 2. С. 726.

[^^^]

См.: Наринский М.М. М.С. Горбачев и объединение Германии. По новым материалам // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 14–30.

[^^^]

См.: Фалин В. Конфликты в Кремле: Сумерки богов по-русски. М., 1999. С. 180–193.

[^^^]

См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964–1994. Пер. с итал. М., 1996. С. 198.

[^^^]

См.: Карпов М. Падение Берлинской стены. Этого не ожидали даже чекисты // Независимая газета. 1994. 5 ноября.

[^^^]

См.: Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М., 2001. С. 120.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995.
Кл. 1. С. 281.

[^^^]

См.: 10 лет без СССР: Перестройка — наше прошлое или будущее? Материалы конференции. М., 2002. С. 59-60.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987. С. 20; Коммунист. 1989. № 18. С. 11; Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 139, 163, 166, 173-175.

[^^^]

См.: Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М., 2001. С. 49-52; Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 464. Кн. 2. С. 598.

[^^^]

' См.: 10лет без СССР: Перестройка — наше прошлое или будущее? Материалы конференции. М., 2002. С. 62.

[^^^]

См.: Горбачев М.С. Слово о Ленине. М., 1990. С. 30–31.

[^^^]

См.: Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 143.

[^^^]

См.: 10 лет без СССР: Перестройка — наше прошлое или будущее? Материалы конференции-ИТ-Му-2+Э02. С. 60.

[^^^]

См.: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М., 1993. С. 264, 379-380, 512-513, 519.

[^^^]

См.: Лигачев Е. К. Предостережение. М., 1998.
С. 4-5, 395-396, 404-413.

[^^^]

См.: Лукьянов А. В водовороте российской смуты: размышления, диалоги, документы. М., 1999. С. 125-126.

[^^^]

См.: Кургинян С. Седьмой сценарий. Ч. 1. М., 1992. С. 17—21.

[^^^]

См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964—1994. Пер. с итал. М., 1996, С. 138-140.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1.
М., 1995. С. 262-267.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Указ. соч. Кн. 2. С. 301.

[^^^]

См.: Шубин А. В. От «застоя» к реформам: СССР в 1978-1985 гг. М., 2001. С. 297.

[^^^]

См.: Шахназаров Г. Х. Цена свободы. М., 1993.
С. 28-29.

[^^^]

См.: Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2003. С. 559.

[^^^]

См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. Пер. с англ. М., 2002. С. 425.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 454-456.

[^^^]

См.: Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 81-82.

[^^^]

См.: Яковлев А. Н. Горькая чаша: Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994. С. 205-213.

[^^^]

См.: Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 137-140.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998. С. 475.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Указ. соч. Кн. 2. С. 281, 396.

[^^^]

См.: Фалин В. Конфликты в Кремле: Сумерки богов по-русски. М., 1999. С. 17—18.

[^^^]

См.: Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М., 2001. С. 106.

[^^^]

См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. Кн. 2. С. 310—312, 320-323, 330-331.

[^^^]

См.: Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 151-152.

[^^^]

См.: Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 165.

[^^^]

См.: 10 лет без СССР: Перестройка — наше прошлое или будущее? Материалы конференции. М., 2002. С. 18—19; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. М., 2000. С. 438, 477-479.

[^^^]

См.: Козин М. И. Общественно-политические объединения и формирование политической элиты в России (1990-1997). М., 1998. С. 67-68.

[^^^]

См.: Чернев А. Д. Правящая партия в системе советского государственного управления // Проблемы отечественной истории. Вып. 8. М., 2004. С. 168—169, 185; Кодин М. И. Общественно-политические объединения и формирование политической элиты в России (1990—1997). М., 1998. С. 74-76; Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 62.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995.
Кн. 1. С. 407, 423.

[^^^]

См.: Партия и перестройка: Дискуссионные листки «Правды». М., 1990. С. 12, 53, 85, 207-208.

[^^^]

См.: Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 237, 241-243.

[^^^]

См.: Попов Г. Х. Избранные труды. Т. 8. Перестройка Горбачева. М., 1996. С. 153, 179, 438-439, 441-443, 454, 484. 508-509, 540, 642-643.

[^^^]

См.: Фалин В. Конфликты в Кремле: Сумерки богов по-русски. М., 1999. С. 69, 243-245, 269.

[^^^]

См.: Воротников В. Я. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 322.

[^^^]

См.: Всемирная история экономической мысли. Т. 5. М., 1994. С. 283—286.

[^^^]

См.: Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999. С. 48-49, 58, 68-69, 72.

[^^^]

См.: Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. СПб., 1998. С. 390, 392-393, 432-434, 449.

[^^^]

См.: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991-1997. Под ред. Е. Гайдара. М., 1998. С. 55—57.

[^^^]

См.: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991 — 1997. Под ред. Е. Гайдара. М., 1998. С. 58—65.

[^^^]

См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 5, 39-41, 139-140, 147, 331.

[^^^]

См.: Россия: 21 век. Куда же ты? М, 2002. С. 78-81.

[^^^]

См.: Три дня страха // Новые известия. 2003. 19 августа.

[^^^]

См.: Болдин В. Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 15—17; Государственный недоворот// Коммерсантъ-власть. 2001. 21 августа. С. 9—10.

[^^^]

См.: Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993. С. 32-33, 47, 72-73.

[^^^]

См.: Россия — 24)00. Современная политическая история. 1985-1999 годы. Т. 1. Хроника и аналитика. М., 2000. С. 126-130.

[^^^]

См.: Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 375.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. С. 6-8.

[^^^]

См.: Горбачев М. С. Указ. соч. С. 9-14.

[^^^]

¹ См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 559.

[^^^]

См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917—1991. М., 2002. С. 502—503; Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. М., 1996. С. 240.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. М, 1998. С. 686.

[^^^]

См.: Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938—2002: Учеб. пособие. М., 2003. С. 386.

[^^^]

См.: Медведев Р. А. За кулисами августа. Загадки Фороса // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 84-85. /

[^^^]

См.: Бурлацкий Ф. М. Русские государи. Эпоха реформации. М., 1996. С. 285— 288, 304.

[^^^]

См.: Пихоя Р. Г. Почему распался Советский Союз // Государственная служба. 2003. № 1. С. 31-45; Медведев Р. А. Почему распался Советский Союз // Отечественная история. 2003. №4. С. 112-121.

[^^^]

См.: Хрестоматия по отечественной истории.
1946-1995. М., 1996. С. 377-384.

[^^^]

См.: Рудинский Ф.М. «Дело КПСС» в Конституционном суде: Записки участника процесса. М., 1999. С. 15, 29.

[^^^]

См.: Пихоя Р.Г. Дело КПСС // Государственная служба. 2001. № 3. С. 122–126.

[^^^]

См.: Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном суде: Записки участника процесса. М., 1999. С. 214-226.

[^^^]

См.: Рудшский Ф. М. Указ. соч. С. 475-492.

[^^^]